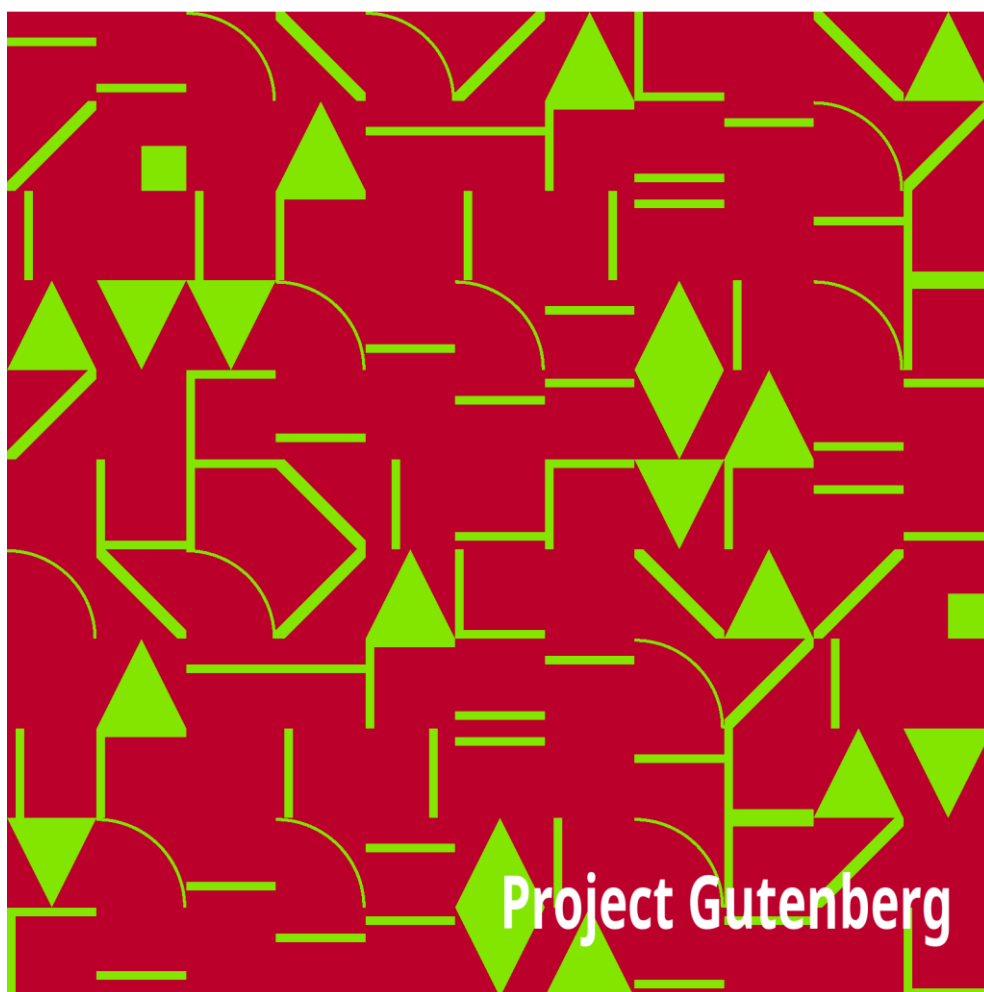

Преступный человек, согласно классификации Чезаре Ломброзо

Джина Ломброзо

Criminal Man, According to the Classification of Cesare Lombroso

Gina Lombroso

The Project Gutenberg eBook of Criminal Man, According to the Classification of Cesare Lombroso.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Преступный человек, согласно классификации Чезаре Ломброзо

Автор: Джина Ломброзо

Комментатор: Чезаре Ломброзо

Дата выхода: 3 сентября 2009 [eBook #29895]

Последнее обновление: 5 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Марилиндой Фрейзер-Канлифф, Стефани Исон, и командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <https://www.pgdp.net>. (Этот файл был создан с использованием сканов произведений, находящихся в общественном достоянии, из электронной библиотеки Мичиганского университета.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ПРЕСТУПНЫЙ ЧЕЛОВЕК, ПО КЛАССИФИКАЦИИ ЧЕЗАРЕ ЛОМБРОЗО ***

НАУЧНАЯ СЕРИЯ

Под редакцией Эдварда Ли Торндайка, доктора философии, и F. E. Beddard, M.A., F.R.S.

-
1. **Изучение человека.** По А. К. Хаддону.
 2. **Основания науки.** Автор Сент-Джордж Миварт.
 3. **Реки Северной Америки.** Израэль К. Рассел.
 4. **Earth Sculpture, or; The Origin of Land Forms.** Джеймс Гейки.
 5. **Вулканы; их строение и значение.** By T. G. Bonney.
 6. **Бактерии.** Джордж Ньюман.
 7. **Книга о китах.** Ф. Э. Беддард.
 8. **Сравнительная физиология мозга** и др. Жак Лёб.
 9. **Звезды.** Саймон Ньюкомб.

10. **Основа социальных отношений.** Дэниел Г. Бринтон.
11. **Эксперименты на животных.** Стивен Пэджет.
12. **Инфекция и иммунитет.** Джордж М. Штернберг.
13. **Усталость.** По А. Моссо.
14. **Землетрясения.** По Кларенсу Э. Даттону.
15. **Природа человека.** Эли Мечников.
16. **Нервная и психическая гигиена в здоровье и болезни.** Август Форель.
17. **Продление жизни.** Эли Мечников.
18. **Солнечная система.** Чарльз Лэйн Пур.
19. **Наследственность.** Дж. Артур Томпсон, М.А.
20. **Климат.** Роберт ДеКурси Уорд.
21. **Возраст, рост и смерть.** Чарльз С. Минот.
22. **Интерпретация природы.** К. Ллойд Морган.
23. **Жизнь комаров.** Эвелин Гросбек Митчелл.
24. **Мыслить, чувствовать, делать.** По Э. У. Скрипту.
25. **Золото мира.** По Л. де Лонэ.
26. **Интерпретация радия.** Ф. Содди.
27. **Преступный человек.** Чезаре Ломброзо.

Список готовящихся работ см. в конце данного тома.

Научная серия

ПРЕСТУПНЫЙ ЧЕЛОВЕК

ПРЕСТУПНЫЙ ЧЕЛОВЕК

ПО КЛАССИФИКАЦИИ ЧЕЗАРЕ ЛОМБРОЗО

В КРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ ЕГО ДОЧЕРИ ДЖИНА ЛОМБРОЗО-ФЕРРЕРО

С ПРЕДИСЛОВИЕМ ЧЕЗАРЕ ЛОМБРОЗО

ИЛЛЮСТРИРОВАНО

G. P. PUTNAM'S SONS

НЬЮ-ЙОРК И ЛОНДОН

Издательство "Никербокер"

1911

Авторское право, 1911 год

G. P. PUTNAM'S SONS

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. - ПРЕСТУПНЫЙ МИР

ГЛАВА I

СТРАНИЦА

Прирожденный преступник

3

Классические и современные школы уголовной
юриспруденции Физические аномалии прирожденного
преступника Ощущения и функции Психология Интеллектуальные
проявления Преступник в пословицах и поговорках.

ГЛАВА II

Врожденный преступник и его связь с моральным умопомешательством и эпилепсией

52

Идентичность прирожденных преступников и морально невменяемых -
Аналогия физических и психических характеров, происхождение и
развитие - Эпилепсия - Многообразие болезни - Эквивалентность
некоторых форм преступности - Физические и психические характеры -
Случаи морального помешательства со скрытыми эпилептическими
явлениями.

ГЛАВА III

Невменяемый преступник

74

Общие формы преступного безумия, имбецильность, меланхолия, общий
паралич, слабоумие, мономания - Физический и психический характер
психически ненормальных - Особые формы преступного безумия -
Вменяемые лунатики от опьянения - Физический и психический характер -
Специфические преступления - Эпилептические лунатики - Проявления -
Истерические лунатики - Физический и функциональный характер -
Психология.

ГЛАВА IV

Криминоиды

100

Психология - Трудность принятия преступной карьеры - Раскаяние -
Исповедь - Моральное чувство и привязанности - Преступники по
привычке - Преступники по юриспруденции - Преступники по страсти.

ЧАСТЬ II. ПРЕСТУПНОСТЬ, ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПРИЧИНЫ И ЛЕЧЕНИЕ

ГЛАВА I

Происхождение и причины преступности

125

Атавистическое происхождение преступности - Преступность среди детей
- Патологическое происхождение преступности - Прямая и косвенная наследственность - Болезни, интоксикации и травматизм - Алкоголизм - Социальные причины преступности - Образование и среда - Атмосферные и климатические влияния - Плотность населения - Иммиграция - Тюремная жизнь - Экономические условия - Пол - Возраст.

ГЛАВА II

Предотвращение преступлений

153

Профилактические учреждения для детей и молодежи - Дома для сирот и обездоленных детей - Колонии для буйной молодежи - Учреждения для оказания помощи взрослым - Армия спасения.

ГЛАВА III

Методы лечения и подавления преступности

175

Несовершеннолетние преступники - Детские суды - Учреждения для женщин-правонарушителей - Несовершеннолетние преступники, преступники по страсти, политические преступники и криминоиды - Система пробации и неопределенный срок наказания - Реформатории - Пенитенциарные учреждения - Учреждения для закоренелых преступников - Пенальные колонии - Учреждения для прирожденных преступников и морально невменяемых - Убежища для невменяемых преступников - Смертная казнь - Симбиоз.

ЧАСТЬ III. - ХАРАКТЕРЫ И ТИПЫ ПРЕСТУПНИКОВ

ГЛАВА I

Изучение преступников

219

Предшественники и психология - Методы тестирования интеллекта и эмоций - Бредовые явления - Речь, память и почерк - Одежда - Физическое обследование - Тесты чувствительности и органов чувств - Экскреции - Таблица антропологического обследования преступников и умалишенных.

ГЛАВА II

Краткое изложение основных форм преступности, помогающее отличать преступников от сумасшедших и выявлять симуляции безумия
Несколько случаев, демонстрирующих практическое применение криминальной антропологии.

258

ПРИЛОЖЕНИЕ

Работы Чезаре Ломброзо (краткое содержание)

I.	Гениальный человек	283
II.	Преступный человек	288
III.	Женщина-преступница. (В соавторстве с Гульельмо Ферреро.)	291
IV.	Политическая преступность. (В соавторстве с Родольфо Ласки.)	294
V.	Слишком рано: Критика нового итальянского Уголовного кодекса	298
VI.	Тюремные палимпсесты: Исследования тюремных надписей	300
VII.	Древние и современные преступления	302
VIII.	Диагностические методы юридической психиатрии	303
IX.	Анархисты	305
X.	Лекции по юридической медицине	307
XI.	Последние открытия в психиатрии и криминальной антропологии и практическое применение этих наук	309
	Библиография основных работ Чезаре Ломброзо	310
	Указатель	315

ИЛЛЮСТРАЦИИ

	СТРАНИЦА
Рис. 1. Фоссет затылочный	6
Рис. 2. Формирование черепа	11
Рис. 3. Формирование черепа	11
Рис. 4. Голова преступника	16
Рис. 5. Голова преступника	16
Рис. 6. Слои лобной области	23
Рис. 7. Фигуры, сделанные в тюрьме. Убийство спящей жертвы	32
Рис. 8. Распятие Пуаньяра	32
Рис. 9. Кувшины для воды	42
Рис. 10. Рисунки в письменном виде. Обнаружены де Блазио	44
Рис. 11. Алфавит. Обнаружен де Блазио	45
Рис. 12. Мальчик, морально ненормальный	56
Рис. 13. Мальчик морально ненормальный	56
Рис. 14. Мальчик-эпилептик	60
Рис. Фернандо. Эпилептик	60

15.		
Рис.	Итальянский преступник. Случай алкоголизма	82
16.		
Рис.	Подписи преступников	163
17.		
Рис.	Девушка-преступница	114
18.		
Рис.	Разбойник Саломон	114
19.		
Рис.	Бригантина Гаспароне	166
20.		
Рис.	Бригантина Казерио	120
21.		
Рис.	Терракотовые чаши. Спроектированы преступником	134
22.		
Рис.	Художественное производство в тюрьме	136
23.		
Рис.	Бой между разбойниками и жандармами. Спроектировано преступником	136
24.		
Рис.	Объемная перчатка	224
25.		
Рис.	Голова преступника. Эпилептик	224
26.		
Рис.	Антон Отто Краузер. Апач	236
27.		
Рис.	Ухо преступника	224
28.		
Рис.	Антропометр	237
29.		
Рис.	Краниограф Анфосси	238
30.		
Рис.	Пельвиметр	239
31.		
Рис.	Схема черепа	241
32.		
Рис.	Схема черепа	241
33.		
Рис.	Эстеziометр	245
34.		
Рис.	Альгометр	248
35.		
Рис.	Кампиметр Ландольта (модифицированный)	248
36.		
Рис.	Диаграмма, показывающая нормальное зрение	250

37.

Рис. Динамометр

253

38.

Рис. Голова итальянского преступника

254

39.

ВВЕДЕНИЕ

ЧЕЗАРЕ ЛОМБРОЗО

[Профессор Ломброзо успел перед смертью уделить личное внимание тому, подготовленному его дочерью и сотрудницей Джиной Ломброзо Ферреро (женой выдающегося историка), в котором представлено краткое изложение выводов, сделанных в большом трактате Ломброзо о причинах преступности и лечении преступников. Подготовка введения к этому тому была последней литературной работой, которую выдающийся автор считал возможным завершить во время своей последней болезни].

Возможно, американским читателям этой книги, в которой идеи современной уголовной школы, изложенные в моей работе *"Преступный человек"*, были так метко подытожены моей дочерью, будет интересно узнать, как первые контуры этой науки возникли в моем сознании и постепенно оформились в определенный труд - как, то есть, будучи объектом борьбы одних, почти фанатичной приверженности других, особенно в Америке, где традиции не имеют большого влияния, современная уголовная школа появилась на свет.

Обратившись к своей памяти и документам, связанным с моими исследованиями по этому вопросу, я обнаружил, что две ее основополагающие идеи - та, например, которая утверждает в качестве существенного момента изучение не преступления в абстракции, а самого преступника, чтобы адекватно бороться с дурными последствиями его злодеяний, и та, что классифицирует врожденного преступника как аномалию, отчасти патологическую, отчасти атавистическую, как возрождение первобытного дикаря, - не возникли у меня мгновенно под воздействием одного глубокого впечатления, а стали результатом целого ряда впечатлений. Медленное и почти бессознательное объединение этих первых смутных идей привело к созданию новой системы, которая, находясь под влиянием своего происхождения, сохранила во всех своих последующих разработках следы сомнений и нерешительности, следы мучительного труда, сопровождавшего ее рождение.

Первая идея пришла ко мне в 1864 году, когда, будучи армейским врачом, я развлекал свой досуг серией исследований об итальянском солдате. С самого начала меня поразила одна особенность, отличавшая честного солдата от его порочного товарища: степень татуировки последнего и непристойность рисунков, покрывавших его тело. Однако эта идея не принесла плодов.

Второе вдохновение пришло ко мне, когда однажды, под смех коллег, я попытался обосновать изучение психиатрии экспериментальными методами. Когда в 66-м году, только что окунувшись в атмосферу клинического эксперимента, я начал изучать психиатрию, я понял, насколько неадекватными были доселе почитаемые методы и как необходимо было при изучении безумных сделать объектом внимания пациента, а не болезнь. Отдавая дань этим идеям, я применил в клиническом обследовании случаев психического отчуждения

изучение черепа с измерениями и взвешиваниями с помощью эстезиометра и краниометра. Убедившись в результатах этих первых шагов, я попытался применить этот метод к изучению преступников, то есть к дифференциации преступников и сумасшедших, следуя примеру нескольких исследователей, таких как Томсон и Уилсон; Но поскольку в то время у меня не было ни преступников, ни моральных имбецилов, доступных для наблюдения (замечательное обстоятельство, поскольку я должен был сделать преступника своей отправной точкой), и поскольку я скептически относился к существованию тех "моральных сумасшедших", на которых так настаивали французские и английские авторы, чьи демонстрации, однако, показывали плачевный недостаток точности, я хотел применить экспериментальный метод для изучения различий, а не аналогий, между сумасшедшими, преступниками и нормальными людьми. Однако, подобно тому, кто освещает дорогу другим, а сам спотыкается в темноте, этот метод оказался бесполезным для определения различий между преступниками и сумасшедшими, а вместо этого послужил новым методом для изучения уголовной юриспруденции, о которой я никогда серьезно не задумывался. Я начал смутно осознавать, что *априорные* исследования преступности в абстрактном виде, до сих пор проводившиеся юристами, особенно в Италии, с необыкновенной проницательностью, должны быть заменены прямым аналитическим изучением преступника в сравнении с нормальными людьми и сумасшедшими.

Поэтому я начал изучать преступников в итальянских тюрьмах и, среди прочих, познакомился со знаменитым разбойником Вилеллой. Этот человек обладал такой необыкновенной ловкостью, что, бывало, взбирался на крутые горные вершины, держа на плечах овцу. Его циничная наглость была такова, что он открыто хвастался своими преступлениями. После его смерти одним холодным серым ноябрьским утром мне поручили произвести *вскрытие*, и, вскрыв череп, я обнаружил на затылочной части, точно на том месте, где в нормальном черепе находится позвоночник, отчетливое углубление, которое я называл *средней затылочной ямкой*, из-за ее расположения точно посередине затылка, как у низших животных, особенно грызунов. Это углубление, как и в случае с животными, коррелировало с гипертрофией *вермиса*, известного у птиц как средний мозжечок.

Это была не просто идея, а откровение. При виде этого черепа я, казалось, внезапно увидел всю, озаренную, как огромная равнина под пылающим небом, проблему природы преступника - атавистического существа, воспроизводящего в своем лице свирепые инстинкты первобытного человечества и низших животных. Так анатомически объяснялись огромные челюсти, высокие скулы, выдающиеся надбровные дуги, одиночные линии на ладонях, чрезвычайная величина орбит, рукообразные или сидячие уши, встречающиеся у преступников, дикарей и обезьян, нечувствительность к боли, чрезвычайно острое зрение, нанесение татуировок, чрезмерное безделье, любовь к оргиям и непреодолимая тяга к злу ради него самого, желание не только погасить жизнь в жертве, но и изуродовать труп, разорвать его плоть и выпить его кровь.

В этой смелой гипотезе меня еще больше подтолкнули результаты моих исследований Верцени, преступника, осужденного за садизм и изнасилование, который демонстрировал каннибалистические инстинкты примитивных антропофагов и свирепость хищных зверей.

Различные части чрезвычайно сложной проблемы преступности, однако, не все были решены таким образом. Окончательный ключ к разгадке дал другой случай - случай Мисдеа, молодого солдата примерно двадцати одного года, неинтеллигентного, но не порочного. Подверженный эпилептическим припадкам, он уже несколько лет служил в армии, как вдруг по какому-то пустяковому поводу напал на восьмерых своих старших офицеров и товарищей и убил их. Завершив свое ужасное дело, он погрузился в глубокий сон, который длился

двенадцать часов, а когда проснулся, оказалось, что он ничего не помнит о случившемся. Мисдеа, представляя собой самый свирепый тип животного, проявлял, кроме того, все явления эпилепсии, которая, по-видимому, была наследственной у всех членов его семьи. У меня мелькнула мысль, что многие криминальные черты, не связанные с атавизмом, такие как асимметрия лица, склероз головного мозга, импульсивность, мгновенность, периодичность преступных действий, желание зла ради зла, были болезненными характеристиками, присущими эпилепсии, смешанными с другими, обусловленными атавизмом.

Так были прослежены первые клинические очертания моей работы, которая до этого была полностью антропологической. Клинические очертания подтвердили антропологические контуры, и *наоборот*; ведь величайшие преступники оказались эпилептиками, и, с другой стороны, эпилептики проявляли те же аномалии, что и преступники. Наконец, было показано, что эпилепсия часто воспроизводит атавистические черты, включая даже те, что свойственны низшим животным.

Тот синтез, который могучим гениям часто удавалось создать одним вдохновением (но с риском ошибок, ибо гений - всего лишь человек и в многих случаях более ошибочен, чем его собрат), был выведен мной постепенно из различных источников - изучения нормального человека, сумасшедшего, преступника, дикаря и, наконец, ребенка. Таким образом, сведя проблему наказания к ее простейшему выражению, ее решение стало проще, подобно тому как изучение эмбриологии в значительной степени разрешило, казалось бы, странную и загадочную загадку тератологии.

Но эти попытки были бы бесплодны, если бы солидная фаланга юристов, русских, немецких, венгерских, итальянских и американских, не оплодотворила зародыш, исправляя поспешные и односторонние выводы, предлагая своевременные реформы и приложения и, что важнее всего, применяя мои идеи о преступнике к его индивидуальной и социальной профилактике и лечению.

Энрико Ферри был первым, кто понял, что врожденный эпилептоидный преступник не является отдельным видом, и что если этот класс безвозвратно обречен на гибель, то преступления других являются лишь кратковременным приступом безумия, обусловленным обстоятельствами, страстью или болезнью. Он создал новые типы - случайный преступник и преступник по страсти - и изменил основу уголовного кодекса, задавшись вопросом, не справедливее ли будет заставить законы подчиняться фактам, а не изменять факты в соответствии с законами, исключительно того, чтобы не беспокоить спокойствие тех, кто отказывался рассматривать этот новый элемент в научной сфере. Поэтому, отбросив абстрактные формулы, над которыми высокие таланты тщетно пыхтели, как измученный жаждой путник при виде миража в пустыне, сторонники современной школы пришли к выводу, что в приговорах должно наблюдаться уменьшение позорности и свирепости пропорционально увеличению их длины и социальной безопасности. Вместо позорного наказания они заменили его более длительным периодом изоляции, а для случаев, когда алиенисты не могли определиться между преступностью и безумием, они выступили за создание промежуточного учреждения, в котором в равной степени учитывалось милосердное обращение и социальная безопасность. Они также подчеркивали важность некоторых мер, которые до сих пор повсеместно рассматривались как чистая абстракция или недостижимое желание - меры по предотвращению преступлений путем отслеживания их источника, законы о разводе для уменьшения количества супружеских измен, антиалкогольное законодательство для предотвращения преступлений, связанных с насилием, ассоциации для обездоленных детей и кооперативные ассоциации для

предотвращения склонности к воровству. Прежде всего, они настаивали на тех нормах, которые, к сожалению, утратили свою актуальность, - о возмещении ущерба жертве за счет агрессора, чтобы общество, однажды пострадав за преступление, не было вынуждено терпеть материальные за содержание преступника в тюрьме, исключительно в знак уважения к теоретическому принципу, в который никто не верит, согласно которому тюрьма является своего рода крестильной купелью, в водах которой смывается грех всех видов.

Так здание криминальной антропологии, поначалу ограниченное, постепенно раздвинуло свои стены и охватило специальные исследования убийств, политических преступлений, преступлений, связанных с банковской сферой, преступлений женщин и т. д.

Но едва был заложен первый камень, как со всех концов Европы посыпались те клеветы и искажения, которые всегда следуют за дерзкими нововведениями. Нас обвиняли в том, что мы хотим провозгласить безнаказанность преступлений, требуем освобождения всех преступников, отказываемся учитывать климатические и расовые влияния и утверждаем, что преступник - это раб, вечно скованный своими инстинктами; в то время как Современная школа, напротив, дала мощный толчок работе статистиков и социологов именно по этим вопросам. Это наглядно показано в третьем томе *"Человека преступного"*, где содержится резюме идей современных криминологов и моих собственных.

Однако одна нация - Америка - тепло и сочувственно встретила идеи современной школы, которые они быстро воплотили в жизнь, добившись блестящих результатов в реформатории на Эльмира, системе пробации, ювенальных судах и республике Джорджа Джуниора. Они также инициировали практику, которая сейчас широко используется, - антропологическое сотрудничество в каждом важном уголовном процессе.

По этой причине, а также в связи с тем, что в Америке нет полного перевода моих работ *"Преступник"*, *"Мужчина и женщина"* и *"Политическая преступность"* (перевод и распространение одинаково трудны из-за объема этих томов), я с удовольствием приветствую это резюме, в котором основные положения объясняются с точностью и любовью моей дочерью Джиной, которая работала со мной с детства, видела, как камень на камень поднимается здание моей науки, и разделяла мои тревоги, обиды и победы; без чьей помощи я, возможно, никогда бы не стал свидетелем завершения строительства этого здания и применения его фундаментальных принципов.

ЧАСТЬ I

ПРЕСТУПНЫЙ МИР

ГЛАВА I

ПРИРОЖДЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК

Преступник - это человек, нарушающий законы, установленные государством для регулирования отношений между его гражданами, но объемные кодексы, в которых в прошлые времена излагались эти законы, касались только преступлений, но никак не

преступников. Благородная толпа, которую Данте отнес к адским областям, была передана магистратами и судьями на попечение тюремщиков и палачей, которые только и имели право иметь с ними дело. Судья, непоколебимый в своем учении, непоколебимый в сомнениях, торжественный во всей своей неприкосновенности и убежденный в своей мудрости, которую никто не смел оспаривать, выносил приговор без отпущения грехов по своей прихоти, причем и судья, и преступник одинаково не знали о конечных последствиях назначенных наказаний.

В 1764 году великий итальянский юрист и экономист Чезаре Беккариа впервые обратил внимание общественности на этих несчастных существ, чьи признания (если показания, полученные под пытками, можно так назвать) были единственным основанием для суда, единственным руководством в применении наказания, которое назначалось вслепую, без формальностей, без заслушивания защиты, точно так, как будто приговор выносился абстрактным символам, а не человеческим душам и телам.

Классическая школа уголовной юриспруденции, основателем которой был Беккариа, а величайшим и прославленным учеником - Франческо Каррара, ставила своей целью лишь выработку здравых суждений и фиксированных законов, которыми могли бы руководствоваться капризные и часто не разбирающиеся в вопросах судьи при назначении наказаний. При написании своего великого труда основатель этой школы вдохновлялся самым высоким из всех человеческих чувств - жалостью; но, хотя преступник и получает случайное упоминание, труды этой школы касаются только применения закона, а не самих преступников.

В этом заключается разница между классической и современной школой уголовной юриспруденции. Классическая школа основывала свои доктрины на предположении, что все преступники, за исключением нескольких крайних случаев, наделены разумом и чувствами, как нормальные люди, и что они совершают проступки сознательно, будучи побуждаемы к этому безудержным стремлением к злу. Рассматривалось только преступление, и на нем была основана вся существующая система наказаний, причем строгость наказания, выносимого преступнику, регулировалась тяжестью его проступка.

Современная, или позитивная, школа уголовной юриспруденции, напротив, утверждает, что антиобщественные наклонности преступников являются результатом их физической и психической организации, которая существенно отличается от нормальных людей, и ставит своей целью изучение морфологии и различных функциональных явлений преступника с целью его излечения, а не наказания. Таким образом, современная школа основывается на новой науке - криминальной антропологии, которую можно определить как естественную историю преступника, поскольку она охватывает его органическую и психическую конституцию и социальную жизнь, как это делает антропология в отношении нормальных людей и различных рас.

Если мы изучим ряд преступников, то обнаружим, что они демонстрируют многочисленные аномалии лица, скелета и различных психических и чувствительных функций, так что они сильно напоминают примитивные расы. Именно эти аномалии впервые привлекли внимание моего отца к тесной связи между преступником и дикарем и заставили его заподозрить, что преступные наклонности имеют атавистическое происхождение.

Когда он был молодым врачом в приюте в Павии, его попросили сделать вскрытие преступника по имени Вилелла, итальянского Джека Потрошителя, который своими жестокими преступлениями наводил ужас на провинцию Ломбардия. Едва успев вскрыть череп, он обнаружил у основания, на месте, где у нормальных людей находится внутренний

затылочный гребень, небольшое углубление, которое он назвал *средней затылочной ямкой* (см. [рис. 1](#)). Эта аномалия была связана с еще большей аномалией в мозжечке - гипертрофией вермиса, т.е. спинного мозга, который разделяет доли мозжечка, лежащие под полушариями головного мозга. В случае с Вилеллой этот вермис был настолько увеличен, что почти сформировал маленький промежуточный мозжечок, подобный тем, что встречаются у низших видов обезьян, грызунов и птиц. Эта аномалия очень редка среди низших рас, за исключением южноамериканского индейского племени аймара из Боливии и Перу, у которых она встречается не так уж редко (40%). Она редко встречается у сумасшедших и других дегенератов, но более поздние исследования показали, что она распространена среди преступников.

Это открытие было подобно вспышке света. "При виде этого черепа, - говорит мой отец, - я, казалось, сразу увидел всю проблему природы преступника, который в цивилизованные времена воспроизводит черты не только первобытных дикарей, но и еще более низких видов, вплоть до плотоядных".

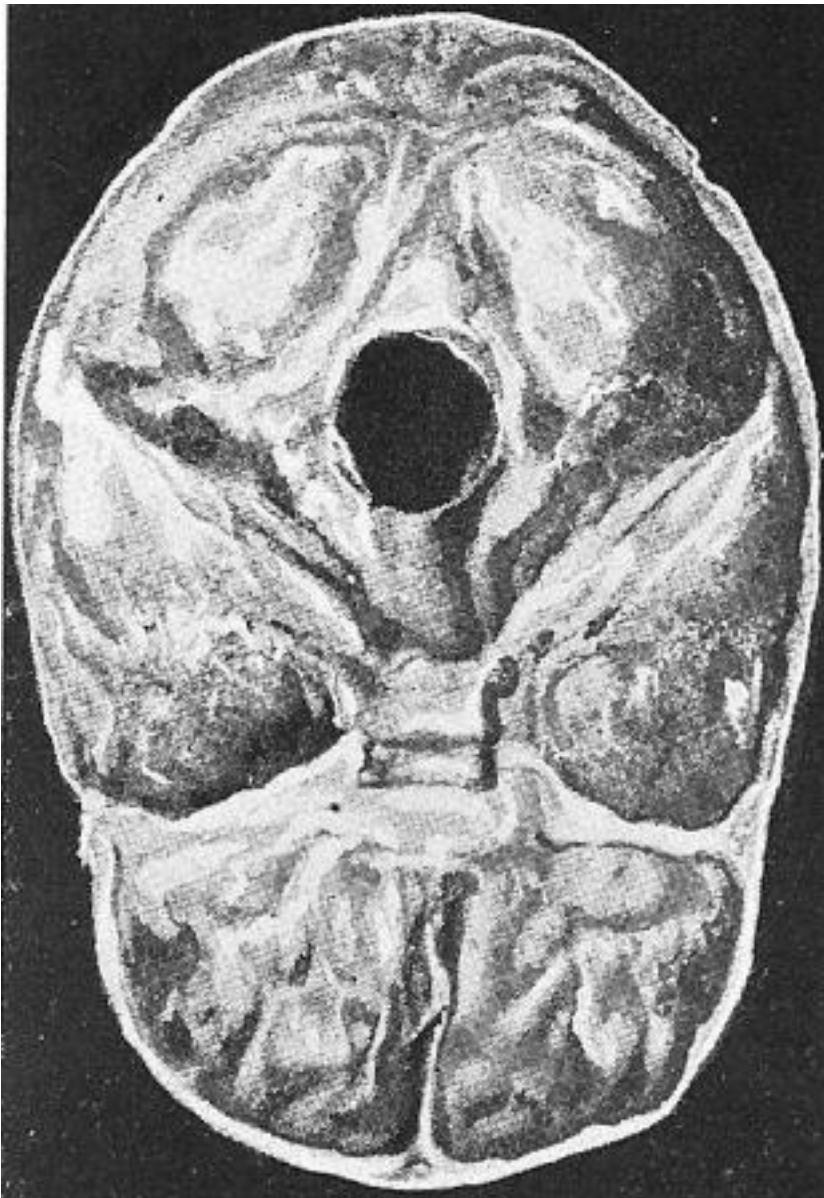

Рис. 1
Фоссет затылочный
(см. [стр. 6](#))

Так было объяснено происхождение огромных челюстей, сильных клыков, выдающихся вперед скуловых костей и сильно развитых глазниц, которые он так часто замечал у преступников, ведь эти особенности присущи хищникам и дикарям, которые разрывают и пожирают сырую плоть. Так же легко было понять, почему размах рук у преступников так часто превышает рост, ведь это характерно для обезьян, чьи передние конечности используются при ходьбе и лазании. Другие аномалии, проявляющиеся у преступников, - скудная борода в противовес общей волосатости тела, хищная стопа, уменьшенное количество линий на ладони, щечные впадины, огромное развитие средних резцов и частое отсутствие боковых, уплощенный нос и угловатая или сахарная форма черепа, общая для преступников и обезьян; чрезмерный размер глазниц, который в сочетании с крючковатым носом так часто придает преступникам вид хищных птиц, выступ нижней части лица и

челюстей (прогнатизм), встречающийся у негров и животных, а также лишние зубы (в некоторых случаях до двойного ряда, как у змей) и черепные кости (эпакральная кость, как у перуанских индейцев): все эти характеристики указывали на один вывод - атавистическое происхождение преступника, который воспроизводит физические, психические и функциональные качества далеких предков.

Последующие исследования моего отца и его учеников показали, что в определении типа преступника участвуют и другие факторы, помимо атавизма. К ним относятся: болезнь и окружающая среда. В дальнейшем изучение бесчисленных преступников привело их к выводу, что всех нарушителей закона нельзя отнести к одному виду, поскольку в их ряды входят весьма разнообразные типы, отличающиеся не только склонностью к той или иной форме преступления, но и степенью упорства и интенсивности, проявляемых ими в своих порочных наклонностях, так что в действительности они образуют градуированную шкалу, ведущую от прирожденного преступника к нормальному человеку.

Прирожденные преступники составляют около трети всей массы преступников, но, хотя и уступая им в численности, они составляют наиболее важную часть всей преступной армии, отчасти потому, что они постоянно появляются на публике, а также потому, что преступления, совершаемые ими, носят чудовищный характер; остальные две трети состоят из криминоидов (несовершеннолетних преступников), случайных и привычных преступников и т. д., которые не проявляют столь заметного отличия от нормальных людей.

Начнем с прирожденных преступников, которые, будучи главным ядром жалкой армии нарушителей закона, естественно, демонстрируют самые многочисленные и заметные аномалии.

Средняя затылочная ямка и другие аномальные черты, только что перечисленные, - не единственные особенности, демонстрируемые этимотягченным типом преступников. Путем тщательных исследований мой отец и другие представители его школы выявили множество аномалий телесных органов и функций, как физических, так и психических, и все они указывают на атавистическое и патологическое происхождение инстинктивного преступника.

Если бы я дал подробное описание бесчисленных аномалий, обнаруженных у преступников современной школой, то попытка проследить источник этих аномальных черт или продемонстрировать их влияние на организм была бы несовместима с рамками данного резюме. Это было сделано в очень подробной форме в трех томах работы моего отца *"Преступный человек"* и его последующих работах на ту же тему: *"Современные формы преступности"*, *"Последние исследования в криминальной антропологии"*, *"Тюремные палимпсесты"* и т. д. и т. п., к которым читатели, желающие получить более глубокие знания по этому вопросу, должны обратиться.

В настоящем томе мы лишь вкратце коснемся основных характеристик преступников, с целью представить общий обзор исследований криминологов.

Физические аномалии прирожденных преступников

Голова. Как место наибольших нарушений, эта часть, естественно, проявляет наибольшее количество аномалий, которые распространяются от внешнего строения мозгового корпуса до состава его содержимого.

Череп преступника не обладает какими-либо выраженными характеристиками размера и формы. В целом он, как правило, больше или меньше среднего черепа, характерного для

региона или страны, откуда родом преступник. Его объем колеблется между 1200 и 1600 куб. см, *то есть* между 73 и 100 кубическими дюймами, при этом нормальный средний показатель составляет 92. Это касается и цефалического индекса, *то есть* отношения максимальной ширины к максимальной длине черепа[1], умноженного на 100, который дает конкретное представление о форме черепа, поскольку чем выше индекс, тем ближе череп к сферической форме, а чем ниже индекс, тем более вытянутым он становится. Черепа преступников не имеют характерного цефалического индекса, но склонны к преувеличению этнического типа, преобладающего в их родных странах. В регионах, где распространена долихоцефалия (индекс менее 80), черепа преступников демонстрируют очень низкий индекс; если, напротив, они являются уроженцами районов, где преобладает брахицефалия (индекс 80 или более), они демонстрируют очень высокий индекс.

ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕРЕПА

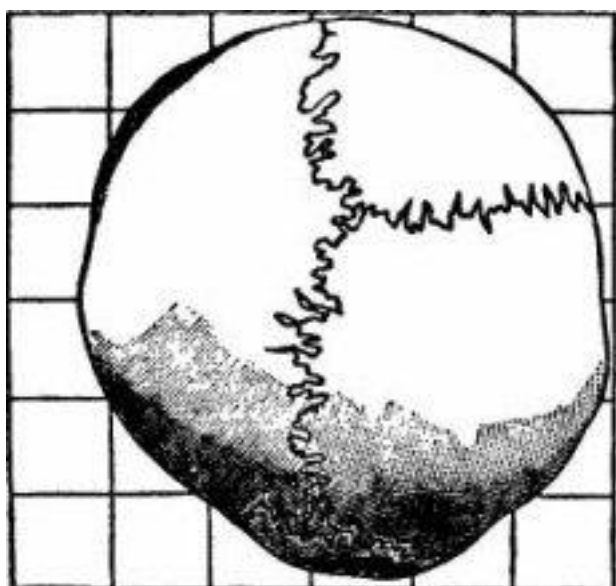

Рис. 2

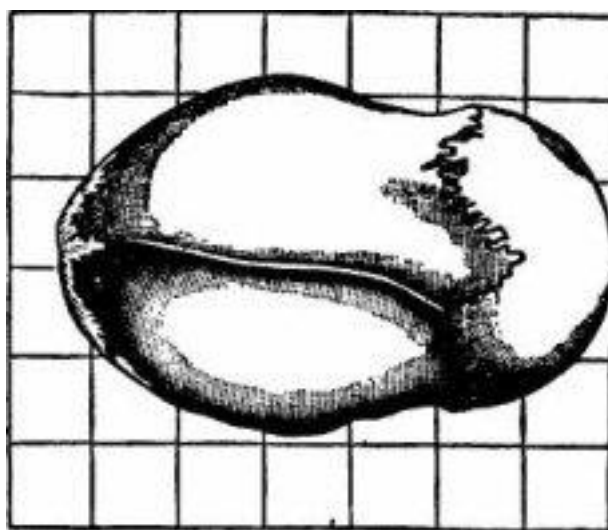

Рис. 3

У 15,5 % встречаются трохцефалы или аномально круглые головы (индекс 91). Очень высокий процент (почти вдвое больше, чем у нормальных людей) имеет субмикроцефальный или маленький череп. В других случаях череп чрезмерно большой (макроцефалия) или аномально маленький и неправильной формы с узким, покатым лбом (микроцефалия, 0,2 %). Реже череп имеет нормальный размер, но по форме напоминает киль лодки (скафоцефалия, 0,1 % и субскафоцефалия, 6 %). (См. [рис. 2](#).) Иногда аномалии еще более серьезные, и мы находим полностью асимметричные черепа с выступами с обеих сторон (плагิโอцефалия 10,9%, см. [рис. 3](#)), или заканчивающиеся пиком на грудице или переднем родничке (акроцефалия, см. [рис. 4](#)), или вдавленные посередине (цимбоцефалия, сфеноцефалия). Иногда встречаются гребни или бороздки вдоль швов (11,9 %), черепные кости ненормально толстые, что характерно для диких народов (36,6 %), или ненормально тонкие (8,10 %). Другие аномалии, имеющие важное значение, - это наличие червеобразных костей в швах черепа (21,22 %), уже упоминавшаяся кость инков (4 %) и, прежде всего, срединная затылочная ямка. Большое значение имеют также выдающиеся лобные пазухи, встречающиеся у 25 % (вдвое больше, чем у нормальных людей), полукруглая линия висков, которая иногда настолько преувеличена, что образует гребень, и связана с чрезмерным развитием

височных мышц, что характерно для приматов и хищников. Иногда лоб покатый, как у обезьян (19 %), или низкий и узкий (10 %).

Лицо. В отличие от узкого лба и низкого свода черепа, лицо преступника, как и у большинства животных, непропорционально велико - это явление тесно связано с большим развитием органов чувств по сравнению с развитием нервных центров. Прогнатизм, выступание нижней части лица за пределы лба, встречается у 45,7 % преступников. Прогенизм, выступание нижних зубов и челюсти за пределы верхней, встречается у 38 %, в то время как среди нормальных людей эта пропорция едва достигает 28 %. Естественным следствием преобладания нижней части лица является соответствующее развитие орбитальных дуг и зигомы (35%), а также естественное увеличение размера челюстей: средний диаметр 103,9 мм. (4,09 дюйма) против 93 мм. (3,66 дюйма) у нормальных людей. Среди преступников 29 % имеют объемные челюсти.

Чрезмерные размеры челюстей и скул допускают другие объяснения, кроме атавистического, связанного с большим развитием жевательной системы. Возможно, на них повлияла привычка к определенным жестам, постановке зубов или напряжению мышц рта, которые сопровождают сильные мышечные усилия и естественны для мужчин, формирующих энергичные или жестокие решимости и обдумывающих планы мести.

Асимметрия - общая характеристика физиономии преступника. Глаза и уши часто расположены на разном уровне и имеют неодинаковый размер, нос наклонен в одну сторону и т. д. Эта асимметрия, как мы увидим далее, связана с заметными нарушениями в органах чувств и функциях.

Глаз. Это окно, через которое разум открывается во внешний мир, естественно, является центром многих аномалий психического характера, жесткого выражения лица, коварного взгляда, которые трудно описать, но которые, тем не менее, очевидны для всех наблюдателей (см. [рис. 4](#)). Бок о бок с особенностями выражения мы находим множество физических аномалий - птоз, опущение верхнего века, которое придает глазу полузакрытый вид и часто бывает односторонним; косоглазие, отсутствие параллельности между зрительными осями, которое незначительно, если возникает из-за ошибок рефракции, но очень серьезно, если свидетельствует о прогрессирующих или врожденных заболеваниях мозга или его мембранных оболочек. Другие аномалии - асимметрия радужной оболочки, которая часто отличается по цвету от своего собрата; косые веки, характерные для монголов, со складкой края верхнего века внутрь или удлинением внутренней складки века, что Мечников считает сохранением эмбриональных особенностей.

Ухо. Наружное ухо часто имеет большой размер; иногда оно меньше, чем уши нормальных людей. У 28 процентов преступников уши имеют форму ручки, отходящей от лица, как у шимпанзе: в других случаях они расположены на разных уровнях. Нередко встречаются и неправильно сформированные, уплощенные уши, лишенные спирали, трагуса и антитрагуса, с выступом на верхней части заднего края (дарвиновский бугорок) - реликтом остроконечного уха, характерного для обезьян. Аномалии встречаются и в мочке, которая в некоторых случаях слишком плотно прилегает к лицу или имеет огромный размер, как у древних египтян; в других случаях мочка полностью отсутствует или атрофируется, пока ухо не приобретает форму, характерную для обезьян.

Нос. У воров он часто искривлен, вздернут или имеет приплюснутый, негроидный характер; у убийц, напротив, он часто бывает аквильным, как клюв хищной птицы. Нередко мы встречаемся с трехлопастным носом, кончик которого, как изолированная вершина, поднимается из раздутых ноздрей, - такая форма встречается у аккасов, племени пигмеев

Центральной Африки. Все эти особенности породили народные пиры, более или менее распространенные повсеместно.

Рот. Эта часть демонстрирует, пожалуй, большее количество аномалий, чем любой другой орган лица. Мы уже упоминали о чрезмерном развитии челюстей у преступников. Иногда на них встречаются и другие аномальные признаки: лемуриный апофиз - костное возвышение под углом челюсти, которое легко распознать внешне, проведя рукой по коже; клыковая ямка - углубление в верхней челюсти для прикрепления клыковой мышцы. Эта мышца, сильно развитая у собаки, при сокращении оттягивает губу назад, обнажая клыки.

У нарушителей прав женщин и убийц губы мясистые, опухшие и выступающие, как у негров. У мошенников губы тонкие, прямые. Заячья губа встречается у преступников чаще, чем у обычных людей.

Щечные впадины. Складки на щеке, напоминающие мешочки у некоторых видов млекопитающих, нередко встречаются у преступников.

Нёбо. На нёбе иногда можно обнаружить центральный гребень (*torus palatinus*), который легче прощупать, чем увидеть, или эта часть может иметь другие особенности - ряд впадин и выступов, соответствующих нёбным зубам рептилий. Еще одна частая аномалия - расщелина нёба, вызванная неправильным развитием.

Зубы. Они особенно важны, поскольку у преступников редко бывает нормальный прикус. Наибольшее количество аномалий наблюдается в резцах. Иногда боковые резцы отсутствуют, а средние имеют чрезмерно большой размер, что напоминает резцы грызунов. Зубы часто имеют поперечную полосу или расположены очень широко друг от друга (диаастема) с промежутками по обе стороны от верхних клыков, в которые вставляются нижние, что является характерным для симов. В некоторых случаях эти промежутки находятся между средними резцами или между ними и боковыми.

Рис. 4

Рис. 5

Голова преступника
(см. [стр. 14](#))

Главарь преступника
(см. [стр. 18](#))

Очень часто зубы демонстрируют странное единообразие, напоминающее о гомодонтизме низших позвоночных. В некоторых случаях, однако, эта однородность ограничивается премолярами, которые снабжены бугорками, как и моляры, что является особенностью горилл и орангутангов. У 4% клыки очень сильно развиты, длинные, острые и загнутые внутрь, как у хищников. Часто встречается преждевременный кариес.

Подбородок. В целом у европейцев эта часть лица выступает умеренно. У преступников он часто маленький и покатый, как у детей, или чрезмерно длинный, короткий или плоский, как у обезьян.

Морщины. Хотя они характерны для нормальных людей, обилие, разнообразие и быстрота появления морщин у преступников не могут не поразить наблюдателя. Наиболее распространены следующие: горизонтальные и вертикальные линии на лбу, горизонтальные и круговые линии у корня носа, так называемые "вороньи ноги" на висках у внешних уголков глаз, носогубные морщины в области рта и носа.

Волосы. Волосы на коже головы, щеках и подбородке, бровях и других частях тела имеют ряд аномалий. В целом можно сказать, что в распределении волос преступники обоих полов склонны проявлять характеристики противоположного пола. Темные волосы особенно преобладают у убийц, а кудрявые и шерстяные - у мошенников. Седые волосы и облысение

встречаются редко, а если и встречаются, то появляются позже, чем у нормальных людей. Борода скудная, а часто и вовсе отсутствует. С другой стороны, лоб часто покрыт пухом. Брови кустистые и, как правило, сходятся на переносице. Иногда они растут косо и придают лицу сатирическое выражение (см. [рис. 5](#)).

Пятна, характерные для преступника, не ограничиваются только лицом и головой, но встречаются на туловище и конечностях.

Грудная клетка. Увеличение или уменьшение количества ребер встречается у 12 % преступников. Это атавистический характер, свойственный животным и низшим или доисторическим человеческим расам, и контрастирует с численным единообразием, характерным для цивилизованного человечества.

Полимастия, или наличие лишних сосков (которые обычно располагаются симметрично ниже нормальных, как у многих млекопитающих), - нередкая аномалия. Гинекомастия или гипертрофия молочных желез еще чаще встречается у мужчин-преступников. У женщин-преступниц, напротив, мы часто встречаем несовершенное развитие или отсутствие сосков, характерное для монотрематов или низшего порядка млекопитающих; или же грудь дряблая и отвислая, как у женщин-готтентоток.

Грудь часто покрыта волосами, что придает субъекту вид животного.

Таз и живот. Брюшная полость, таз и репродуктивные органы иногда демонстрируют инверсию половых признаков. У 42 % крестцовый канал не прикрыт, а в некоторых случаях наблюдается удлинение копчика, напоминающее обрубок хвоста, иногда покрытый волосами.

Верхние конечности. Одной из наиболее ярких и частых аномалий, проявляющихся у преступников, является чрезмерная длина рук по сравнению с нижними конечностями, из-за чего размах рук превышает общий рост, что придает им обезьяноподобный характер.

У шести процентов преступников наблюдается аномалия, которая крайне редко встречается у нормальных людей, - олекранон форамен, перфорация в головке плечевой кости, где она сочленяется с локтевой костью. Это нормальное явление у обезьяны и собаки, и оно часто встречается в костях доисторического человека и некоторых из существующих низших рас человечества.

Несколько аномальных признаков, указывающих на атавистическое происхождение, встречаются на ладони и пальцах. Сверхнормальные пальцы (полидактилия) или уменьшение их обычного количества - не редкость. Иногда встречается синдактилия, или ладонные пальцы, - продолжение межпальцевой кожи до второй фаланги. Длина пальцев варьируется в зависимости от типа преступления, к которому пристрастился человек. У тех, кто совершает преступления против личности, короткие, неуклюжие пальцы и особенно короткие большие пальцы. Длинные пальцы характерны для мошенников, воров, сексуальных преступников и карманников. Линии на пальмарных поверхностях пальцев часто имеют простой характер, как у антропоидов. Особое значение имеют основные линии на ладони. У нормальных людей их три: две горизонтальные и одна вертикальная, но у преступников эти линии часто сводятся к одной или двум горизонтальным или поперечным, как у приматов.

Нижние конечности. Из нескольких обследованных преступников 16 % показали необычное развитие третьего трохантера - выступа на головке бедренной кости, где она сочленяется с

тазом. Этот явно атавистический характер связан с положением задней конечности у четвероногих.

Ноги. Промежутки между пальцами ног, подобные межпальцевым промежуткам кисти, встречаются очень часто, и в сочетании с большей подвижностью пальцев и большей длиной большого пальца образуют прехенильную стопу четвероногих, которая используется для хватания. Стопа часто бывает плоской, как у негров. В стопах, как и в руках, часто наблюдается тенденция к большей силе или ловкости на левой стороне, в отличие от нормальных людей, и эта тенденция проявляется во многих случаях, когда нет никаких следов функциональной и двигательной леворукости.

Мозжечок и мозжечок. Главной и наиболее распространенной аномалией является преобладание макроскопических аномалий левого полушария, которые коррелируют с сенсорной и функциональной леворукостью, характерной для преступников и приобретенной в результате болезни. Наиболее заметной аномалией мозжечка является гипертрофия вермиса, который представляет собой среднюю долю, встречающуюся у низших млекопитающих. Аномалии мозговых извилин заключаются главным образом в анастомотических складках, удвоении щели Роландо, частом наличии четвертой лобной извилин, несовершенном развитии прекунеуса (как у многих видов приматов) и т. д. Еще чаще встречаются аномалии чисто патологического характера. К ним относятся: спайки менингов, утолщение пиа-матера, застой менингов, частичная атрофия, очаги размягчения, сращение талами зрительных нервов, атрофия мозолистого тела и т. д.

Большое значение имеют также гистологические аномалии, обнаруженные Ронкорони в мозге преступников и эпилептиков. У нормальных людей слои лобной области располагаются следующим образом:

1. Молекулярный слой. 2. Поверхностный слой мелких клеток. 3. Слой мелких пирамидальных клеток. 4. Глубокий слой мелких нервных клеток. 5. Слой полиморфных клеток (см. [рис. 6](#)).

У некоторых животных, таких как собака, обезьяна, кролик, бык и домашняя птица, поверхностный слой часто отсутствует, а глубокий встречается лишь в некоторой степени у обезьяны.

У врожденных преступников и эпилептиков преобладают крупные, пирамидальные и полиморфные клетки, в то время как у нормальных людей преобладают мелкие, треугольные и звездообразные клетки. Также переход от мелких поверхностных к крупным пирамидальным клеткам не столь закономерен, а количество нервных клеток заметно ниже среднего. Кроме того, если в нормально сформированном мозге нервные клетки очень скудны или полностью отсутствуют в белом веществе, то у врожденных преступников и эпилептиков они изобилуют в этой части мозга.

Аномальное морфологическое расположение, описанное Ронкорони, вероятно, является анатомическим выражением наследственных изменений и выявляет нарушения в нервном развитии, которые приводят к моральному помешательству или эпилепсии в зависимости от тяжести порождающих их болезненных состояний.

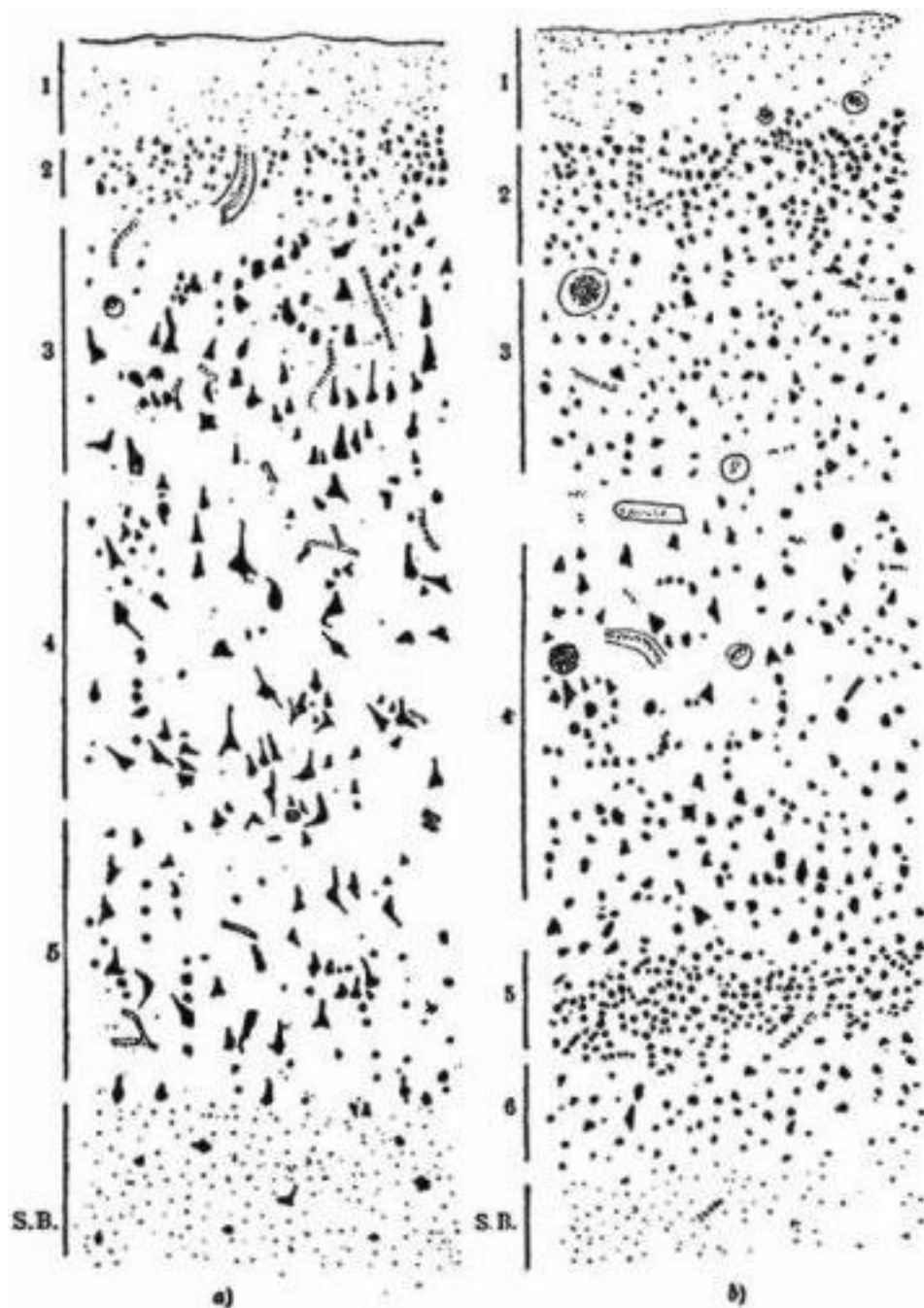

Рис. 6

а) Кортикальные слои окружностей теменных долей нормального человека.

б) Кортикальные слои окружностей теменных долей преступника-эпилептика.

1. Молекулярная страта. 2. Внешний зернистый слой. 3. Пласт мелких пирамидальных клеток. 4. Пласт крупных пирамидальных клеток. 5. Глубокий слой мелких нервных клеток или глубокий гранулярный слой. 6. Пласт полиморфных клеток. С.Б. Белое вещество.

Эти аномалии конечностей, туловища, черепа и, прежде всего, лица, когда они многочисленны и выражены, образуют то, что известно криминальным антропологам как криминальный тип, точно так же, как совокупность характеров, свойственных крестинам, образует то, что называется крестиническим типом. Ни в том, ни в другом случае аномалии не имеют внутреннего значения, поскольку они не являются причиной ни антисоциальных наклонностей преступника, ни психических недостатков крестина. Они являются внешними и видимыми признаками таинственного и сложного процесса дегенерации, который в случае с преступником вызывает злые импульсы, имеющие в значительной степени атавистическое происхождение.

Сенсорные и функциональные особенности прирожденного преступника

Вышеупомянутые физиогномические и скелетные аномалии дополняются функциональными особенностями, и все эти аномальные характеристики сходятся, как горные потоки к впадине на равнине, к главной идее - атавистической природе прирожденного преступника.

Исследование органов чувств и чувствительности преступников дает следующие результаты:

Общая чувствительность. Проверяется простым прикосновением пальца к , отмечается определенная степень тупости. При использовании аппарата, изобретенного Дю Буа-Реймоном и принятого моим отцом, степень чувствительности преступников составила 49,6 мм. против 64,2 мм. у нормальных людей. Преступники более чувствительны с левой стороны, в отличие от нормальных людей, у которых большая чувствительность преобладает справа.

Чувствительность к боли. По сравнению с обычными людьми преступник проявляет большую нечувствительность к боли, а также к прикосновениям. Эта тупость иногда доходит до полной анальгезии или полного отсутствия ощущений (16 %), что никогда не встречается у нормальных людей. Средняя степень долерической чувствительности у преступников составляет 34,1 мм, тогда как у нормальных людей она редко бывает ниже 40 мм. Здесь снова проявляется леворукость преступников: 39% демонстрируют большую чувствительность слева.

Тактильная чувствительность. Расстояние, на котором две точки, приложенные к кончикам пальцев, ощущаются раздельно, превышает 4 мм. у 30% преступников, такая степень тупости встречается только у 4% нормальных людей. Преступники демонстрируют более высокую тактильную чувствительность слева. Тактильная тупость варьируется в зависимости от класса преступлений, которыми занимается человек. Если у грабителей, мошенников и нападающих она вдвое выше, чем у нормальных людей , то у убийц, насильников и поджигателей она часто в четыре или пять раз выше.

Чувствительность к магниту, которая почти не встречается у нормальных людей, в заметной степени характерна для преступников (48 %).

Метеоритная чувствительность. Она гораздо сильнее проявляется у преступников и сумасшедших, чем у нормальных людей. При колебаниях температуры и атмосферного давления преступники и сумасшедшие становятся возбужденными и проявляют изменения настроения и различные ощущения, которые редко испытывают нормальные люди.

Зрение обычно обострено, возможно, даже сильнее, чем у обычных людей, и в этом преступник похож на дикаря. Хроматическая чувствительность, напротив, явно неполноценна, процент дальтонизма в два раза выше, чем у нормальных людей. Поле зрения часто ограничено белым цветом и демонстрирует гораздо более странные аномалии,

особую неравномерность контуров с глубокой периферической скотомой, которая, как мы увидим, является особой характеристикой эпилептика.

Слух, обоняние, вкус у преступников обычно менее чем средней остроты. Нередки случаи полной аносмии и качественной тупости[2].

Ловкость. Преступники обычно подвижны и сохраняют это качество даже в преклонном возрасте. Когда Вилелле было за семьдесят, он, как козел, взбегал по отвесным скалам родной Калабрии, а знаменитый вор "Ла Веккиа", будучи уже совсем стариком, сбежал от своих похитителей, спрыгнув с высокого вала в Павии.

Сила. Вопреки ожиданиям, испытания с помощью динамометра показывают, что преступники обычно не обладают необычайной силой. Часто наблюдается небольшое различие между силой правой и левой конечностей, но чаще амбидекстрия, как у детей, и большая степень силы в левых конечностях.

Психология прирожденного преступника

Физический тип преступника дополняется и усиливается его нравственной и интеллектуальной физиономией, что служит еще одним доказательством его родства с дикарем и эпилептиком.

Природные привязанности. Они играют важную роль в жизни нормально развитого человека и фактически являются *смыслом* его существования, но преступник редко, если вообще когда-либо, испытывает подобные эмоции, и в первую очередь по отношению к своим сородичам. С другой стороны, он проявляет преувеличенную и ненормальную любовь к животным и незнакомцам. Ла Сола, женщина-преступница, проявляла к своим детям столько же привязанности, как если бы они были котятами, и побудила своего сообщника убить бывшего любовника, который был к ней сильно привязан; при этом она с величайшей преданностью ухаживала за больными и умирающими.

Вместо бытовых и социальных привязанностей у преступника преобладают несколько всепоглощающих страстей: тщеславие, импульсивность, жажда мести, разнузданность.

Нравственное чувство

Способность различать добро и зло, которая является высшим признаком цивилизованного человечества, заметно отсутствует у физически и психически неполноценных организмов. Многие преступники не осознают аморальности своих действий. На французском уголовном жаргоне совесть называется "la muette", вор - "l'ami", а "travailler" и "servir" означают "воровать". Один миланский вор как-то заметил моему отцу: "Я не ворую. Я только избавляю богатых от их лишних богатств". Лакенер, говоря о своем сообщнике Авриле, заметил: "Я сразу понял, что мы должны работать вместе". Вор, которого Ферри спросил, что он делает, когда обнаруживает, что в украденном им кошельке нет денег, ответил: "Я называю их жуликами". Понятия добра и зла в таких умах, похоже, полностью перевернуты. Они считают, что имеют право грабить и убивать, а те, кто им мешает, поступают несправедливо. Убийцы, особенно когда ими движут мотивы мести, считают свои действия в высшей степени праведными.

Раскаяние и угрызения совести. Мы много слышим о раскаянии преступников, но те, кто сталкивается с этими дегенератами, понимают, что их редко, если вообще когда-либо,

мучают подобные чувства. Лишь немногие признаются в своих преступлениях: большая часть упорно отрицает свою вину и любит заявлять, что они - жертвы несправедливости, клеветы и зависти. Как однажды проницательно заметил Деспин, ничто так не напоминает сон праведника, как дремота убийцы.

Многие преступники, правда, заявляют о раскаянии, но, как правило, из лицемерных побуждений; либо потому, что надеются получить какую-то выгоду, воздействуя на чувства филантропов, либо с целью избежать наказания или, во всяком случае, улучшить свое положение во время пребывания в тюрьме. Так, Лакенер, будучи осужденным в первый раз, в трогательном напряжении писал своему другу Вигуру, чтобы получить от него деньги и помощь: "Покаяние - единственный путь, который мне остается. Вы можете чувствовать себя довольным тем, что отвратили человека от преступного пути, к которому он не был предназначен природой". Через несколько часов он совершил еще одну кражу, а перед смертью цинично заметил, что никогда не испытывал угрызений совести. Когда его судили на суде в Павии, Рогнони произнес трогательную речь о своем раскаянии и несколько дней отказывался от вина, принесенного ему в тюрьму, потому что оно напоминало ему об убитом брате. Но он тайком доставал его у своих сокамерников, а когда один из них роптал, что ему приходится отказываться от своей порции, Рогнони угрожал ему, говоря: "Я уже убил четверых и не задумываясь убью пятого".

Иногда преступники оправдывают свои преступления раскаянием. Мишелье оправдывал *переворот*, совершенный его жертвой, словами: "Когда я увидел ее в таком состоянии, я почувствовал такие ужасные угрызения совести, что застрелил ее, чтобы не встречаться с ней взглядом".

Иногда видимость раскаяния возникает из-за галлюцинаций, вызванных алкоголизмом. Филиппу и Люкке показалось, что они видят призраки людей, которых они убили незадолго до этого, но на самом деле они страдали от последствий пьянства, и так мало истинного раскаяния они чувствовали, что после вынесения приговора Филипп заметил: "Если бы меня не отправили в Кайенну, я бы сделал это снова". Вообще говоря, то, что кажется раскаянием, - это всего лишь страх смерти или какой-то суеверный ужас, который принимает вид раскаяния, но лишен настоящего чувства.

Типичным примером лицемерия и цинизма является маркиза де Бринвилье, печально известная отравительница, которой удалось обмануть почтенного тюремного капеллана настолько, что он считал ее образцом покаяния, но в последние минуты жизни она писала мужу, отрицая свою вину, и проявляла развратные и мстительные чувства.

Многие преступники, находясь в тюрьме, лепят скульптурные изображения своих преступлений из хлебных крошек (см. [рис. 7](#)).

Цинизм. Самым убедительным доказательством полного отсутствия у преступников угрызений совести и их неспособности отличить добро от зла служит то, как бессердечно они хвастаются своими развратными поступками и притворяются благочестивыми чувствами, которых не испытывают. Один преступник смиренно просил разрешить ему оставить в тюрьме свое собственное распятие. Впоследствии выяснилось, что священный образ служил ножнами для его кинжала (см. [рис. 8](#)).

Филипп сделал следующее заявление одной из своих спутниц. "Мой способ любить женщин очень странный. Насладившись их ласками, я получаю величайшее удовольствие от того, что удушаю их или перерезаю им горло. Скоро вы услышите, как все будут говорить обо мне".

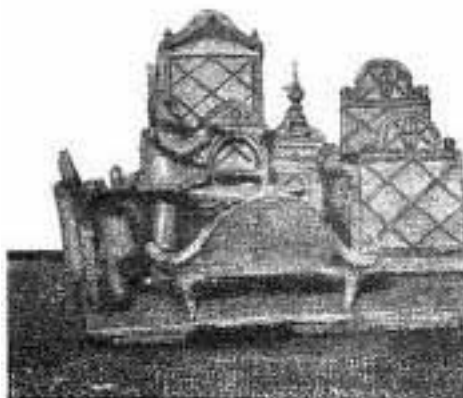
Незадолго до убийства своего отца Лашо сказал друзьям: "Сегодня вечером я выкопаю могилу и положу туда моего отца на вечное упокоение".

Иногда, действительно, преступник смутно осознает всю порочность своих поступков; однако он редко судит их, как это сделал бы нормальный человек, а пытается объяснить и оправдать их на свой манер. Когда магистрат спросил его, отрицает ли он, что украл лошадь, Ансалон ответил: "Конечно, вы не называете это кражей; вряд ли можно ожидать, что главарь разбойников пойдет пешком!"

Другие считают, что их действия менее преступны, если их намерения были благими; как Холланд, который убил, чтобы добыть еду для жены и детей. Другие, опять же, считают себя оправданными тем, что многие безнаказанно совершают и худшие поступки. Любое обстоятельство, отсутствие или недостаточность улик против них или тот факт, что их обвиняют в преступлении, отличном от того, которое они действительно совершили, используется в качестве смягчения их вины, и они всегда проявляют большое негодование против тех, кто управляет законом. "Лондонские воры, - замечает Мэйхью, - осознают, что поступают неправильно, но считают, что они ничем не хуже обычных банкротов".

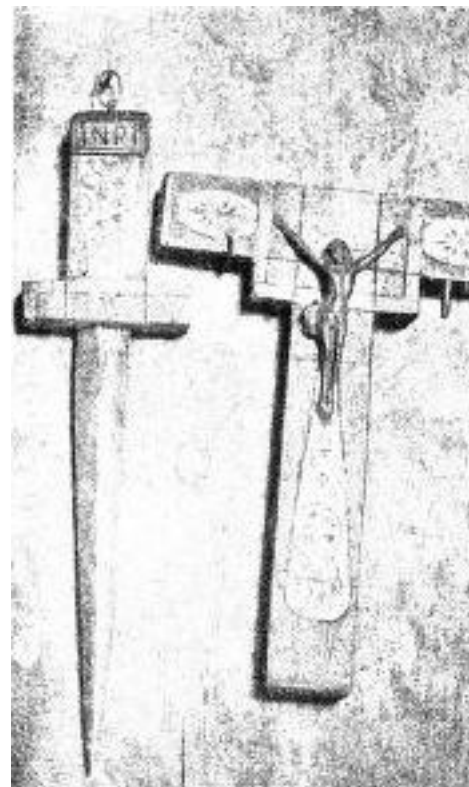
Постоянное чтение газетных сообщений заставляет преступников верить, что в высших кругах много жуликов, и, принимая исключения за правило, они льстят себе, что их собственные поступки не слишком предосудительны, поскольку богатые не подвергаются порицанию за подобные действия.

Рис. 7

**Фигуры, сделанные в
тюрьме
Убийство спящей жертвы**

Рис. 8

**Распятие Пуаньяр
(см. стр. 31)**

Работа заключенного (см. стр. 31)

Эти примеры показывают, что преступники не совсем неспособны различать добро и зло. Тем не менее их нравственное чувство бесплодно, потому что его душат страсти и омертвляющая сила привычки.

На языке испанских воров правосудие называется "la justa" (справедливый), и это название на французском жаргоне дано ассизам, но, как замечает Мэр, оно может применяться с иронией.

Убийца Прево, говоря о неизвестном авторе преступлений, совершенных в действительности им самим, заметил: "Кто бы это ни был, рано или поздно его ждет конец на гильотине". В таких случаях, хотя чувство правды и справедливости существует, желание действовать в соответствии с ним отсутствует.

"Одно дело, - замечает Харвик, - обладать теоретическим представлением о том, что правильно и неправильно, и совсем другое - действовать в соответствии с ним. Чтобы знание добра превратилось в горячее стремление к его торжеству, как пища превращается в хилу и кровь, его должны побуждать к действию возвышенные чувства, а они, как правило, отсутствуют у преступника. Если же, напротив, добрые чувства действительно существуют, человек желает поступать правильно, и его убеждения воплощаются в действия с той же энергией, которую он проявлял, совершая зло".

Однажды один филантроп пригласил несколько молодых лондонских воров на дружескую встречу, и было замечено, что самые закоренелые преступники были встречены компанией с наибольшим количеством аплодисментов. Тем не менее, когда президент попросил одного из них разменять на улице золотую монету, а тот не вернулся, присутствующие проявили большое возмущение и беспокойство, издеваясь и угрожая своему отсутствующему товарищу, чье возвращение в конце концов было встречено с неподдельным облегчением. В этом случае, несомненно, зависть и тщеславие сыграли не меньшую роль, чем чувство порядочности, в негодовании, проявленном в связи с этим мнимым нарушением веры.

В московских тюрьмах нарушения дисциплины разбираются их сокамерниками. На острове Сан-Стефано каторжники спонтанно составили драконовский кодекс, чтобы подавить внутренние разногласия, возникающие из-за расовой ревности.

Предательство. Эта разновидность морали и справедливости, неожиданно появившаяся в среде несправедливого от природы общества, может быть только вынужденной и временной. Когда вместо выгоды от правильных действий страдают интересы и страсти, эти представления о справедливости, не подкрепленные врожденной честностью, внезапно терпят крах. Вопреки всеобщему мнению, преступники очень склонны предавать своих товарищей и соучастников, их легко склонить к роли доносчиков в надежде получить какую-то личную выгоду или навредить тем, кому они завидуют или кого подозревают в предательстве по отношению к себе.

"Многие воры, - говорит Видок, - считают удачей получить консультацию в полиции". На самом деле Буско, один из печально известной банды злоумышленников во Франции,

сыграл главную роль в аресте банды; а разбойник Карузо помог властям поймать своих бывших товарищей.

Тщеславие. Гордость, или, скорее, тщеславие, и преувеличенное представление о собственной значимости, которое мы находим в массах, обычно обратно пропорциональное реальным заслугам, особенно сильно проявляется у преступников. В камере, которую занимал Ла Гала, была найдена следующая записка, написанная его почерком: "24 марта. Сего числа Ла Гала научился вязать". Другой преступник, Крокко, изо всех сил старался спасти своего брата, "чтобы мой род не вымер". Смертный приговор беспокоил Лакенара меньше, чем критика его плохих стихов и страх перед общественным презрением. "Я не боюсь быть ненавидимым, - говорил он, - но боюсь быть презираемым - буря оставляет следы своего прохождения, но незамеченный скромный цветок увядает".

Так и воры не желают признаваться в том, что они виновны лишь в мелких кражах, а иногда тщеславие побуждает их совершать более серьезные ограбления. Такой же ложный стыд свойственен и падшим женщинам, среди которых презрение вызывают не развратные поступки, а то, что они не могут предложить высокую цену. Мелкий воришка Греллинье хвастался в суде мнимыми преступлениями, желая предстать в свете великого преступника. Преступления в замке с привидениями, которые Холмс приписывает себе, несомненно, отчасти были выдумкой. Женщина-отравительница Бушеми, отправляя письмо своему сообщнику, подписывалась: "Ваша Лукреция Борджиа".

Одна из самых частых причин современных преступлений - желание удовлетворить личное тщеславие и стать известным.

Импульсивность. Это еще одна и почти патогномоничная характеристика прирожденных преступников, а также, как мы увидим далее, эпилептиков и морально ненормальных. То, что у обычных людей является лишь эксцентричным и беглым предчувствием, исчезающим так же быстро, как оно возникает, в случае аномальных субъектов быстро переходит в действие, которое, хотя и неосознанное, не менее опасно. Юноша этого импульсивного типа, возвращаясь однажды вечером домой, покрасневший от вина, встретил крестьянина, ведущего своего осла, и воскликнул: "Поскольку я ни с кем сегодня не дрался, я должен выместить свою ярость на этом животном", в то же время доставая свой нож и погружая его несколько раз в тело бедного животного (Ladelci, *Il Vino*, Rome, 1868). Пинель описывает морально ненормального субъекта, который имел привычку поддаваться своим страстям, убивать неугодных ему лошадей и избивать своих политических противников. Он даже дошел до того, что сбросил одну даму в колодец, потому что она осмелилась ему возразить.

"Самые пустяковые причины [замечает Тамбурины, говоря о Сбро...], стоящие на пути его желаний, вызывают приступ ярости, в котором он, кажется, теряет всякий самоконтроль, как маленькие дети, которые, обижаясь на любую обиду, не проявляют чувства меры. Самые пустяковые причины не любить кого-либо пробуждают в нем непреодолимое желание убить объект своей неприязни, и если какое-нибудь новое богохульство поднимается на его уста, он чувствует себя вынужденным повторить его".

Однажды один вор сказал моему отцу: "Это у нас в крови. Пусть это всего лишь булавка, но я не могу не взять ее, хотя вполне готов вернуть ее владельцу". Карманник Бор... признался, что в двенадцать лет начал воровать на улицах и в школе, вплоть до того, что брал вещи из-под

подушек своих товарищей, и что ему было невозможно удержаться от кражи, даже когда его карманы были полны. Если он не украл какую-нибудь вещь перед сном, то не мог заснуть, а когда наступала полночь, он считал своим долгом взять первую попавшуюся под руку вещь, часто уничтожая ее сразу же после того, как завладевал ею.

"Отказаться от воровства, - говорил Дехем Лавернье, - все равно что перестать существовать. Воровство - это страсть, которая пылает, как любовь, и когда я чувствую, как кровь бурлит в моем мозгу и пальцах, я думаю, что был бы способен ограбить самого себя, если бы это было возможно". Когда его приговорили к галеры, он украл ленты с мачт, гвозди и медные пластины, и сам определил количество ударов плетью, которые он должен был получить за каждый из этих подвигов, что не помешало ему сразу после этого возобновить воровство (*Les Forçats*, p. 358).

Однажды Понтичелли видел, как вор, умирающий от чахотки, украл у своего соседа старый тапок и спрятал его под постельным бельем.

Мстительность. С этой импульсивностью и преувеличенным личным тщеславием тесно связана необычайная жажда мести. Лебюк убил человека, укравшего у него несколько спичек. Барон Р... убил человека за то, что тот не приказал религиозной процессии остановиться под окнами его дворца.

"Видеть, как истекает срок службы того, кого ты ненавидишь...
Такова радость богов.
Мое единственное желание - ненавидеть и быть отомщенным".

писал Лакенер.

После небольшой ссоры с Вуатом, чьим гостеприимством он пользовался, Рено сбросил своего друга в колодец. Его арестовали, а когда спасшийся Войт помиловал его, он сказал: "Я жалею только о том, что не прикончил его, но когда я выйду из тюрьмы, я это сделаю". И он сдержал свое слово.

Татуировки на лицах преступников и их надписи, сделанные во время пребывания в тюрьме, полны торжественных клятв о мести. Одна женщина-воровка однажды сказала: "Если бы было правдой, что те, кто отказывается прощать, будут вечно прокляты, я бы все равно отказалась от прощения".

Жестокость зависит от моральной и физической бесчувственности: люди, не способные чувствовать боль, равнодушны к страданиям других.

В тюрьме Рошфора на должность палача охотно претендовали. Маммон пил кровь своих жертв, а когда ее не было, пил свою собственную. Палач Жан настолько обезумел от вида крови, текущей под его плетью, что для предотвращения чрезмерного затягивания наказания была поставлена охрана. Диппе писал: "Мое главное удовольствие - обезглавливание. Когда я был молод, колоть было моим единственным развлечением".

Часто замечали, что свирепость женщин превосходит свирепость мужчин. Рульфи убила собственную племянницу, которую ненавидела, воткнув в нее длинные булавы, а женщина-разбойница Циклопа упрекала своего любовника в том, что он слишком быстро убивает своих жертв.

Безделье. Как и у дикарей, у преступников преобладает неисправимая лень, которая в некоторых случаях приводит к тому, что они предпочитают смерть от голода регулярной

работе. Это безделье чередуется с периодами свирепой импульсивности, во время которых они проявляют наибольшую энергию. Как и дикари, они страстно любят алкоголь, оргии и чувственные удовольствия, которые только и пробуждают их к деятельности.

Оргии. Те, кто наблюдал, как дети целыми днями поглощены игрой, которая доставляет им удовольствие, могут понять смысл этих слов, сказанных одной женщиной: "Преступники - это взрослые дети". Любовь к привычному разврату настолько сильна, что, как только воры совершают крупную добычу или бегут из тюрьмы, они возвращаются в свои дома, чтобы веселиться и кутить, несмотря на очевидную опасность снова попасть в руки полиции.

Азартные игры. Страсть к азартным играм настолько сильна, что преступник всегда остается без гроша в кармане, независимо от того, сколько сокровищ он присвоил, а случаи голодной смерти в тюрьме небезызвестны: заключенные продавали свои пайки, чтобы удовлетворить этот порок.

Игры. Многие примитивные и жестокие развлечения, похожие на забавы дикарей, были сохранены или реконструированы преступниками. Таковы игры, известные итальянским преступникам как "La Patta", в которой один из игроков пытается избежать удара, пропуская свою голову между двумя точками, горизонтально сближенными другим, который стоит с вытянутыми руками; и "La Rota", в которой игроки бегут по кругу, один за другим, пытаясь избежать ударов толстой палки, направленных на них одним из их товарищей.

Интеллект у одних слабый, у других - преувеличенный. Благоразумие и предусмотрительность, как правило, отсутствуют. Очень распространенной чертой является безрассудство, которое заставляет преступников идти на риск ареста ради остроумия или оставлять окровавленное оружие на том самом месте, где они совершили преступление, несмотря на то, что они приняли сотню мер предосторожности, чтобы избежать обнаружения. Это же безрассудство побуждает их, когда опасность едва миновала, слагать стихи или картины о своих подвигах или татуировать их на лице, не обращая внимания на последствия.

Зино рассказывает историю сицилийского школьника, который иллюстрировал свои преступные отношения со школьными товарищами серией зарисовок в альбоме. Некий Кавалья по кличке "Фузил" ограбил и убил сообщника, а тело спрятал в шкафу. Он был арестован и в тюрьме решил совершить самоубийство через сто дней после совершения преступления, но перед этим он украсил свой кувшин для воды рассказом о своем злодеянии, частично в картинках, частично письменно, как будто хотел поставить себе памятник (см. [рис. 9](#)). Самым ярким и странным примером такого безрассудства стала обнаруженная полицией фотография, на которой трое преступников, рискуя быть арестованными и обнаруженными, сфотографировали себя в момент совершения убийства.

Проявления интеллекта

Сленг. Это своеобразный жаргон, используемый преступниками при общении между собой. Синтаксис и грамматическая конструкция языка остаются неизменными, но значения слов меняются, многие из них образуются так же, как и в примитивных языках, то есть предмет часто получает название по одному из своих признаков. Так, ребенок называется "прыгуном", смерть - "худой или жестокий", душа - "ложная или постыдная", тело - "покрывало", час - "быстрый", луна - "шпион", кошелек - "святой", милостыня - "плут", проповедь - "нудная" и т. д. Многие слова образованы, как и у дикарей, путем ономотопеи, например "туф" (пистолет), "тик" (часы), "гуангуана" (возлюбленная), "фрик-фрак" (лотерея).

Рис. 9

Кувшины для воды
(см. [стр. 42](#))

Причиной возникновения этого сленга обычно называют необходимость скрываться от полицейских расследований. Несомненно, это была одна из главных причин, но она не объясняет дальнейшего использования жаргона, который сейчас слишком хорошо известен, чтобы служить этой цели; кроме того, он используется в стихах, цель которых - привлечь внимание общественности, а не избежать его, и преступниками в их домах, где нет необходимости в секретности.

Пиктография. Одна из самых странных особенностей преступников - склонность выражать свои мысли живописно. Находясь в тюрьме, Троппманн нарисовал сцену своего злодеяния, чтобы показать, что его совершили другие. Мы уже упоминали о грубых иллюстрациях, выгравированных убийцей Кавалье на его кувшине, изображающих его преступление, тюремное заключение и самоубийство. Книжки, посуда, оружие, вся утварь, которой преступники постоянно пользуются, служат холстом, на котором они изображают свои подвиги.

От пиктографии легко перейти к иероглифам, которыми пользовались древние народы. Иероглифы преступников тесно связаны с их сленгом, который, по сути, является лишь изобразительным, и, хотя в значительной степени обусловлены необходимостью конспирации, проявляют, кроме того, явные атавистические тенденции.

Де Блазио объяснил значение иероглифов, используемых "каморристами" (членами *каморры* в Неаполе), особенно когда они находятся в тюрьме. Например, для обозначения председателя трибунала они используют корону с тремя точками; для обозначения судьи - судейскую шапочку (см. [рис. 10](#)). Ниже приводится список некоторых иероглифов, упомянутых де Блазио:

Рис. 10

Рисунки в письменном виде. Обнаруженные де Блазио

Инспектор полиции - головной убор, подобный тем, что носят итальянские солдаты, называемые альпийцами (шлем с плоским верхом и вертикальным пером на левой стороне).

Прокурор - гадюка с открытым ртом (см. [рис. 10](#)).

Карабинер - горн.

Кража - череп и скрещенные кости.

Комиссар полиции - карлик в треугольной шляпе, которую носят *карабинеры*.

Искусства и промыслы преступника. Хотя закоренелые преступники проявляют сильное отвращение к любому виду полезного труда, как в тюрьме, так и на свободе, они, тем не менее, с большим усердием выполняют определенные задания, иногда незаконного характера, например, изготавливают орудия, помогающие им бежать, иногда просто художественного, например, лепят из хлебных крошек, кирпичной пыли или мыла фигуры людей. Иногда они делают корзины, машины, домино, шашки, игральные карты и т. д., создают средства связи со своими товарищами по заключению и конструируют оружие для осуществления своих планов мести. Они также посвящают себя эксцентричным и бесполезным занятиям, таким как дрессировка животных, например мышей, мартышек, птиц и даже блох (Lattes). Это нездоровое и неправильное занятие, в котором часто проявляются отблески таланта, вполне можно использовать для расширения масштабов тюремной индустрии.

Татуировка

Это личное украшение, так часто встречающееся у великих преступников, является одним из самых странных реликтов прежнего государства. Она состоит из рисунков, иероглифов и слов, выбитых на коже особым и очень болезненным способом.

Рис. 11
Алфавит, обнаруженный де Блазио

Среди примитивных народов, живущих в более или менее обнаженном состоянии, татуировка занимает место украшений или декоративной одежды и служит знаком отличия или ранга. Когда эскимос убивает врага, он украшает свою верхнюю губу парой синих полос, а воины Суматры добавляют к своим украшениям особый знак за каждого убитого врага. В Ухаиве дамы знатного происхождения татуируются чаще, чем женщины более скромного ранга. Среди маори татуировка является разновидностью гербовых знаков, указывающих на знатное происхождение.

Согласно древним писателям, татуировку практиковали фракийцы, пикты и кельты. Римские солдаты наносили на руки татуировки с именами своих генералов, а ремесленники в Средние века - знаки отличия своих ремесел. В наше время этот обычай вышел из употребления среди высших классов и существует только среди моряков, солдат, крестьян и рабочих.

Хотя татуировка не является исключительной прерогативой преступников, она практикуется ими в гораздо большей степени, чем обычными людьми: 9% взрослых преступников и 40% несовершеннолетних имеют татуировки; в то время как среди нормальных людей эта доля составляет всего 0,1%. Рецидивисты и прирожденные преступники, будь то воры или убийцы, демонстрируют самый высокий процент татуировок. Фальшивомонетчики и мошенники татуируются редко.

Иногда татуировка состоит из девиза, символизирующего карьеру преступника, которого она украшает. Тардье обнаружил на руке моряка, отбывавшего различные сроки заключения, слова: "Pas de chance". У печально известного преступника Малассена на груди был вытатуирован рисунок гильотины, под которым было написано следующее пророчество: "Я плохо начал, я плохо закончил. Это конец, который меня ожидает".

Татуировки часто свидетельствуют о непристойности. Из 142 преступников, которых обследовал мой отец, татуировки на пяти были непристойными по дизайну и расположению, а также служили замечательным доказательством нечувствительности к боли, характерной для преступников: татуированные части являются самыми чувствительными на всем теле, и поэтому их не трогают даже дикари.

Еще один факт, заслуживающий упоминания, - это степень татуировки преступников. Тридцать пять из 378 преступников, обследованных Лакассаньем, были украшены буквально с головы до ног.

Во многих случаях рисунки свидетельствуют о жестокости характера и жажде мести. Пьемонтский моряк, совершивший мошенничество и убийство из мести, вывел на своей груди между двумя кинжалами слова: "Клянусь отомстить за себя". У другого на лбу было написано: "Смерть среднему классу", а под ним - рисунок кинжала. Молодой лигуриец, предводитель мятежа в итальянском реформаторском доме, был вытатуирован рисунками, представляющими все самые важные эпизоды его жизни, и идея мести была главной. На его правом предплечье были изображены два скрещенных меча, под ними инициалы M. N. (близкого друга), а на внутренней стороне, прочерченный продольно, девиз: "Смерть трусам. Да здравствует наш союз".

Татуировка, которую практикуют преступники, прекрасно заменяет письмо символами и иероглифами, и они получают огромное удовольствие от такого способа украшать свою кожу.

Атавистическое происхождение имеет и распространенная среди членов *каморры* практика клеймить своих возлюбленных на лице, не из мести, а как знак собственности, подобно вождям диких племен, которые метят своих жен и другие вещи; а также форма татуировки под названием "паранза", которая отличает различные группы злоумышленников, - группы "знамя", "три стрелы", "звонарь", "кармелиты" и т. д.

Криминальный тип

Все физические и психические особенности, о которых мы говорили, встречаются по отдельности у многих нормальных людей. Более того, преступление не всегда является результатом дегенерации и атавизма; с другой стороны, многие люди, которых считают совершенно нормальными, на самом деле таковыми не являются. Однако у нормальных людей мы никогда не находим такого скопления физических, психических, функциональных и скелетных аномалий в одном и том же человеке, как у преступников, среди которых также полная свобода от аномальных характеристик встречается реже, чем среди обычных людей.

Подобно тому как музыкальная тема является результатом суммы нот, а не какой-то одной, преступный тип возникает из совокупности этих аномалий, которые делают его странным и ужасным не только для научного наблюдателя, но и для обычных людей, способных к беспристрастному суждению.

Художники и поэты, не скованные ложными доктринами, разгадали этот тип задолго до того, как он стал предметом специального изучения. Убийцы, палачи и дьяволы, нарисованные Мантеньей, Тицианом и Риберой Спаньолето, с удивительной точностью воплощают черты прирожденного преступника; а описания великих писателей - Данте, Шекспира, Достоевского и Ибсена - одинаково точно передают физические и психические особенности этого болезненного типа.

Преступник в пословицах

Выводы инстинктивных наблюдателей нашли свое выражение во многих пословицах, которые предостерегают мир от тех самых черт, которые мы отметили в преступниках.

Пословица, распространенная в Романье, гласит: "Poca barba e niun colore, sotto il cielo non vi ha peggiore" (Нет ничего хуже под небесами, чем скудная борода и бесцветное лицо), а в Пьемонте есть поговорка: "Faccia smorta, peggio che scabbia" (Пепельное лицо хуже чесотки). У венецианцев есть ряд пословиц, выражающих недоверие к преступному типу: "Uomo rosso e femina barbata da lontan xe megio la saluta" (Приветствуй издали рыжеволосого мужчину и бородатую женщину); "Vàrdete da chi te parla e guarda in la, e vàrdete da chi tiene i oci bassi e da chi camina a corti passi" (Остерегайся того, кто отворачивается, когда говорит с тобой, и того, кто опускает глаза и идет медленными шагами); "El guerzo xe maledetto per ogni verso" (Косоглазые со всех сторон прокляты); "Megio vendere un campo e una cà che tor una dona dal naso levà" (Лучше продать поле и дом, чем взять жену с задраным носом); "Naso che guarda in testa è peggior che la tempesta" (Задранный нос хуже града); и т.д.

Известно бесчисленное множество случаев, когда люди, совершенно несведущие в криминологии, избежали ограбления или убийства благодаря своевременному недоверию, пробужденному в них появлением лиц, пытавшихся завоевать их доверие. Мой отец однажды поставил перед сорока детьми двадцать портретов воров и двадцать портретов великих людей, и 80 % распознали в первых портреты плохих и лживых людей.

В заключение следует сказать, что прирожденный преступник обладает определенными физическими и психическими характеристиками, которые выделяют его в особый тип, материально и морально отличающийся от основной массы человечества.

Подобно маленькой птичке, выращенной в клетке, которая инстинктивно приседает и трепещет при виде ястреба, хотя и не знает о его свирепости, честный человек испытывает инстинктивное отвращение при виде преступника и тем самым сигнализирует о ненормальности преступного типа.

ГЛАВА II

ПРИРОЖДЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК И ЕГО СВЯЗЬ С МОРАЛЬНЫМ ПОМЕШАТЕЛЬСТВОМ И ЭПИЛЕПСИЕЙ

До моего отца никто не признавал в преступнике ненормальное существо, движимое непреодолимым атавистическим импульсом к совершению антиобщественных поступков, но многие наблюдали (подобные случаи были слишком часты, чтобы их можно было не заметить) существование некоторых индивидуумов, почти всегда членов вырождающихся семей, которые, казалось, с самого раннего детства были побуждаемы каким-то роковым импульсом к причинению зла своим ближним. Они отличались от обычных людей тем, что ненавидели тех самых людей, которые для нормальных существ являются самыми близкими и родными: родителей, мужей, жен и детей, и тем, что их бесчеловечные поступки, казалось, не вызывали у них никаких угрызений совести. О таких людях, которых иногда относили к лунатикам, иногда к больным, а иногда к преступникам, первые наблюдатели говорили, что они страдают моральным безумием.

Аналогия. Те, кто знаком со всем, что Пинель, Морель, Ричард Коннон и другие великие алиенисты написали о моральных безумцах, не могут не отметить аналогию, а то и идентичность, физических, интеллектуальных и моральных характеристик этого типа сумасшедших и прирожденных преступников.

Те же физические аномалии, которые уже наблюдались у преступников и были описаны в первой главе (деформации черепа, асимметрия, физическая и функциональная леворукость, аномалии зубов, рук и ног), описываются этими более старыми авторами как характерные для морально невменяемых, как и те умственные и моральные качества, которые уже были отмечены у прирожденных преступников - ванильность, отсутствие привязанности, жестокость, безделье и любовь к оргиям.

Для полного доказательства идентичности этих двух форм не хватало только аналогии в происхождении и ранних проявлениях. Правда, моральное помешательство чаще встречается у потомков безумных, невротичных или дипсоманичных предков, чем у преступников, и что его признаки проявляются в более раннем возрасте, чем у прирожденных преступников, но эти различия не имеют принципиального значения.

Случаи. За долгие годы наблюдений мой отец смог проследить бесчисленное множество случаев морального помешательства, когда извращенность проявлялась буквально с колыбели, и когда жертвы этой болезни вырастали в преступников, ничем не отличающихся от прирожденных преступников.

Типичный пример - некий Ризз... которого мать привезла к нему, потому что, будучи еще у груди, он так злобно кусал свою кормилицу, что пришлось заменить кормление из бутылочки. В возрасте двух лет, несмотря на тщательное обучение и медицинское лечение, этого ребенка разлучили с братьями, потому что он втыкал булавки в их подушки и играл с ними опасные трюки. Два года спустя он взломал отцовскую кассу и украл деньги, чтобы купить сладости; в шесть лет, хотя он был очень умным, его исключили из всех частных школ города, потому что он подстрекал других к шалостям или плохо с ними обращался. В четырнадцать лет он соблазнил служанку и сбежал, а в двадцать убил свою невесту, выбросив ее из окна. Благодаря показаниям множества врачей Ризз... был признан морально невменяемым, но если бы семья была бедной, а не зажиточной, а мать не позаботилась о том, чтобы ее ребенка в младенчестве осмотрел врач и тем самым получил

бы достаточно доказательств патологической природы его извращений, Ризз... был бы осужден как обычный преступник, потому что, как и все морально невменяемые, он был очень умен и мог рассуждать ясно, как нормальный человек.

Другой типичный случай - ребенок по имени Рав... (см. [рис. 12](#)), уроженца Романьи, которого привели к моему отцу в возрасте восьми лет, поскольку его родители были убеждены, что его поведение обусловлено болезненным состоянием. В отличие от вышеупомянутого случая, его злые поступки всегда совершались исподтишка. Он проявлял большую злобу к своим братьям и сестрам, особенно к младшим, которых неоднократно пытался задушить, и был исключен из школы за дурное влияние, которое он оказывал на своих товарищей. Больше всего на свете он любил обворовывать родителей, работодателей и соседей, а также ложно обвинять других, и так ловко это делал, что причинил немало бед, прежде чем его двойные делишки были раскрыты. Когда ему было всего восемь, каждое утро, уходя рано утром из дома на работу, он тайком выбрасывал в мусорный ящик все молоко, оставленное у дверей соседей, затем обвинял дворника в краже и добился его увольнения. Через год ему почти удалось арестовать ломбардщика, которого он обвинил в том, что тот дал ему деньги в долг на плащ, поскольку в Италии запрещено принимать в залог что-либо от несовершеннолетних. Плащ, однако, был обнаружен его матерью, спрятанной в подвале. В возрасте десяти лет он заявил, что отец жестоко обращался с ним, и поскольку серьезные следы и синяки на его теле подтверждали это обвинение, беднягу арестовали. Однако следы были нанесены им самим.

Другой мальчик, некий Ман..., крестьянин из Валь-д'Аосты, альпийской долины в Пьемонте, где кретинизм является коренным заболеванием, проявлял извращенные наклонности с самого раннего младенчества. В двенадцать лет он убил своего товарища в ссоре из-за яйца (см. [рис. 13](#)).

В вышеупомянутых случаях все испытуемые принадлежали к благополучным или честным семьям, поэтому патологическая наследственность была исключительно нервной, а не криминальной. По этой причине родители были поражены ненормальной испорченностью своих сыновей, подвергли их медицинскому обследованию и лечению, обнаружив, таким образом, что они были морально ненормальными. С другой стороны, если бы родители были преступниками и сами подавали плохой пример, никто бы не предположил, что эти развратные наклонности были врожденными или развились у детей раньше времени. Факт преобладания морального безумия в семьях невротиков (с частыми случаями помешательства, алкоголизма и т.д.), а не преступников, на первый взгляд кажется странным, но согласно новой теории, выдвинутой моим отцом, преступник - это психически больной человек; и мы увидим в следующей главе, что наследственность безумных, невротических и дипсоманических родителей полностью эквивалентна преступной наследственности.

Рис. 12

Рис. 13

Морально ненормальный мальчик
(см. [стр. 55](#))

Мальчик морально ненормальный
(см. [стр. 56](#))

Доказательства аналогии. Таким образом, генезис и ранние проявления, которые могли бы быть различными, на самом деле представляют собой контрдоказательство. Тщательный анамнез показывает, что и прирожденные преступники, и морально ненормальные начинают проявлять симптомы болезненных наклонностей, которые делают их столь опасными для общества, и если общественность и полиция, когда такие случаи доводятся до их сведения, обычно не понимают, что они возникают из-за ранней извращенности, то это потому, что жестокие действия оправдываются крайней молодостью и приписываются скорее этой причине, чем порочным наклонностям. Во многих случаях они обнаруживаются только у врача.

Контрдоказательством служат также исследования происхождения этих патологических случаев, поскольку изучение прирожденных преступников показывает, что они, как и морально ненормальные, так же часто являются отпрысками сумасшедших, эпилептиков, невротиков и пьяниц, как и преступников, но в последнем случае болезненное происхождение их извращений редко становится известным из-за преступности родителей, которые, естественно, с безразличием смотрят на симптомы порока у своих детей.

Эпилептики и их связь с прирожденными преступниками и морально ненормальными

Мы уже говорили, что физические и психические характеристики прирожденных преступников совпадают с характеристиками морально ненормальных. И те и другие идентичны характеристикам другого класса дегенератов, известных миру как эпилептики.

Термин "эпилепсия" применялся к часто изучаемому, но малопонятному древнему медицинскому миру заболеванию, главными симптомами которого были повторяющиеся тонические и клонические припадки, которым предшествовала так называемая "эпилептическая аура" и за которыми следовал глубокий сон. Эпилепсию называли *morbus sacer* и считали, что она имеет божественное происхождение.

Тщательное обследование эпилептиков клиническими и психиатрическими экспертами показало, что помимо характерного припадка эти несчастные существа были подвержены и другим явлениям, которые иногда заменяли судорожный припадок, а в других случаях предшествовали ему или следовали за ним. Это были *ночные приступы*, внезапная потливость, жар, невралгия, сиалорея, периодическая цефалалгия и, прежде всего, головокружение; причем эти симптомы не всегда сопровождались потерей сознания и не всегда сменялись комой. Иногда припадок проявлялся только пароксизмами ярости или свирепыми и жестокими импульсами (пожирание животных живьем), которые, если бы совершались осознанно, считались бы преступными. Этот факт заставил врачей и экспертов-психологов обследовать других пациентов, и они смогли выдвинуть положительные доказательства того, что определенное число эпилептиков никогда не испытывают типичного припадка, а болезнь проявляется в этой более мягкой форме с цефалгией, сиалореей, бредом свирепости и, прежде всего, головокружением.

Многообразие эпилепсии было полностью подтверждено экспериментами Лучани, Зеена и других, которые вызывали различные формы эпилепсии, подвергая разные зоны головного мозга разной степени раздражения. Градуируя электрический ток, Розенбах смог спровоцировать весь ряд описанных выше эпилептических явлений, от самых легких до самых серьезных проявлений. Легкое раздражение двигательных зон приводило к тетаническим сокращениям и клоническим судорогам в том или ином суставе; увеличение силы тока вызывало более сильные движения, которые распространялись на всю конечность, а при дальнейшем усилении тока - на половину тела. Наконец, при применении очень сильного тока возникал типичный припадок с клоническими судорогами во всем теле, потерей сознания, нистагмом и ригидностью зрачков.

Раздражая лобные доли собак, Рише и Бернар вызывали головокружение и определенные физические явления (фыркание, лай и укусы).

Взяв за основу эти исследования, Джексон пришел к выводу, что эпилептические припадки обусловлены быстрым и чрезмерным взрывом серого вещества, которое, вместо того чтобы развивать свою силу постепенно, развивает ее внезапно, потому что оно раздражено. И поскольку было убедительно показано, что болезнь может проявляться в таких разнообразных формах - вертиго, подергивание мышц, сиалорея, цефалалгия, приступы ярости и свирепые действия - которые кажутся эквивалентом типичного припадка, индивиды, подверженные этим формам невроза, должны быть классифицированы как эпилептики, даже если они никогда не испытывают типичного двигательного приступа.

Именно к этой категории, которую можно назвать ослабленной эпилепсией, следует отнести преступников, которые в дополнение к психическим и физическим характеристикам эпилептика обладают другими, свойственными им самим. Физические аномалии

(плагиоцефалия, микроцефалия, макроцефалия, косоглазие, асимметрия лица и черепа, выдающиеся лобные пазухи, срединная затылочная ямка, покатый лоб, выступающие уши, прогенизм, плохо сформированные зубы) характерны как для преступников, так и для эпилептиков, что было продемонстрировано на примере некоторых эпилептиков, которых лечил мой отец (рис. 14 и 15), и то же самое можно сказать о функциональных и гистологических аномалиях. Гистологическая аномалия, обнаруженная Ронкорони в лобной доле прирожденных преступников, состоящая из атрофии глубокого зернистого слоя, инверсии пирамидных слоев и мелких клеток с увеличением и разрежением пирамидных клеток, и существование нервных клеток в белом веществе, встречается примерно в той же пропорции в случаях некриминальных эпилептиков. В поле зрения эпилептиков в той же пропорции, что и у прирожденных преступников, мы обнаруживаем аномалию, открытую Оттоленги, состоящую из периферической скотомы, пересекающей почти равномерную линию разного размера, характерную для нормальных глаз.

Рис. 14

Мальчик-эпилептик
(см. [стр. 60](#))

Психологические характеристики. Полная идентичность эпилептиков, врожденных преступников и морально ненормальных становится очевидной, как только мы изучаем их психологию.

Только эпилепсия, врожденная преступность и моральное помешательство способны объединить в одной клинической форме интеллектуальные отклонения, которые варьируются от гениальности до имбецильности. У эпилептиков это расхождение иногда проявляется у одного и того же человека в течение двадцати четырех часов. Человек, в одно время страдающий потерей силы воли и амнезией и неспособный сформулировать простейшее понятие, вскоре после этого высказывает оригинальные идеи и логически рассуждает.

Противоречия и преувеличение чувств - характерные черты эпилептиков, как и прирожденных преступников и морально ненормальных. Ссорящиеся, подозрительные и циничные личности внезапно становятся нежными, уважительными и ласковыми. Циник выражает религиозные чувства, а человек, жестоко расправившийся со своей первой женой, преклоняет колени перед второй. Эпилептик, которого наблюдал Тоннини, временами воображал себя Наполеоном, а в другое время лизал землю, как самый покорный раб.

Крайняя возбудимость, проявляющаяся у прирожденных преступников, свойственна и эпилептикам. Недоверчивые, нетерпимые, неспособные на искреннюю привязанность, им достаточно одного жеста или взгляда, чтобы прийти в ярость и подстрекнуть их к самым жестоким поступкам.

Эпилепсия оказывает губительное воздействие на характер. Она разрушает нравственное чувство, вызывает раздражительность, изменяет ощущения, вызывая постоянные галлюцинации и бред, умерщвляет естественные чувства или направляет их в нездоровое русло.

Привязанность к животным. Ненависть, которую преступники и эпилептики часто проявляют к членам своей семьи, во многих случаях сопровождается необычайной любовью к животным, как это видно на примере Калигулы, Коммода, Лакенара, Розаса, доктора Франчия и Ла Сола, которая предпочитала котят своим собственным детям. Один морально безумный человек, знакомый моему отцу, месяцами дрессировал собак, лошадей, птиц, гусей и других пернатых. Он часто замечал, что все животные относятся к нему дружелюбно, как будто признают в нем одного из своих сородичей. Сокамерники Достоевского очень любили лошадь, орла и несколько гусей. Они так привязались к козе, что хотели позолотить ее рога.

Фернандо
Эпилептик
(см. [стр. 60](#))

Сомнамбулизм. Это частая характеристика эпилептиков. Крафт-Эбинг отмечает:

"За припадком часто следует состояние, близкое к сомнамбулизму. Кажется, что пациент пришел в себя, говорит связно, ведет себя упорядоченно и возвращается к своим обычным занятиям. Однако на самом деле он не находится в сознании, о чем свидетельствует тот факт, что впоследствии он совершенно не понимает, что делал на этом этапе. Это своеобразное состояние психического оцепенения может длиться долго, иногда в течение всего промежутка между двумя припадками".

Многие из преступников, которых наблюдал Достоевский, жестикулировали и возбужденно разговаривали во сне.

Непристойность - общая черта. Ковалевский (*Archivio di Psichiatria*, 1885) отмечает сходство между половым актом и эпилептическим припадком, тоническое напряжение мышц, потерю сознания и мидриаз в обоих случаях, а также отмечает частоту, с которой эпилептические приступы сопровождаются сексуальными наклонностями.

Стремление к сексуальным утехам, как и тяга к алкоголю, отличается быстротой, свойственной преступникам и морально ненормальным. Прекосные сексуальные инстинкты наблюдались у детей четырех лет, а в одном случае непристойность проявилась у годовалого младенца.

Марро (*Annali di Freniatria*, 1890) описывает ребенка трех лет и десяти месяцев, который с рождения проявлял признаки эпилепсии и отличался ревнивым, вспыльчивым нравом. Он имел привычку царапать и кусать своих братьев и сестер, опрокидывать мебель, прятать вещи и рвать одежду, а когда не мог причинить боль или раздражение другим, вымещал свою ярость на себе. Если его наказывали, он продолжал свои проступки исподтишка.

Другой ребенок с самого раннего детства страдал от судорог, в результате чего его характер испортился, и, будучи еще совсем маленьким, он вел себя крайне жестоко. Он убил кошку, пытался задушить своего брата и поджечь дом.

Неуязвимость, еще одна характерная черта, присущая преступникам, была замечена Тоннини у эпилептиков, чьи раны и травмы заживают с поразительной быстротой, и он склонен рассматривать эту особенность в свете возвращения к той стадии эволюции, на которой животные, такие как ящерицы и саламандры, были способны заменять отрезанные суставы новыми наростами. Эту неуязвимость разделяют все дегенераты: эпилептики, имбецилы и морально ненормальные.

"Один из них, - рассказывает Тоннини, - вырвал себе усы, а вместе с ними и большой кусок кожи. Через несколько дней рана почти зажила".

Очень характерна почти автоматическая тенденция к уничтожению одушевленных и неодушевленных предметов, что приводит к частым ранениям, самоубийствам и убийствам. Это стремление к разрушению характерно и для детей. Фернандо П. (рис. 15), эпилептик, которого лечил мой отец, в гневе имел привычку разбивать всю мебель в пределах досягаемости и бросать осколки через стену высотой около двадцати пяти футов.

Мисдеа, полковой цирюльник, о котором мы будем говорить позже, придя в ярость после увольнения с должности, зубами разбил на мелкие кусочки четыре бритвы. Другой эпилептик, Пиз..., регулярно разбивал всю посуду в своей камере раз в два дня, "просто чтобы дать волю своим чувствам".

Эта склонность крушить все в камере характерна и для обычных преступников.

Случаи морального помешательства с латентными эпилептическими явлениями.
Следующие случаи, которые лечил мой отец и которые были предметом тщательного наблюдения и изучения, дадут ясное представление о криминальной форме эпилепсии.

Объект: Джулиано Челестино, 16 лет. Желтая кожа, обильно покрытая татуировками, отсутствие волос на лице и теле. Череп: плагиоцефалия в левой лобной и правой теменной областях, косо поставленные глаза, узкий лоб, выдающиеся глазничные дуги, линия рта горизонтальная, как у обезьян, боковые резцы верхней челюсти похожи на клыки с неровными краями, чрезмерное развитие скуловой и верхнечелюстной областей, тактильная чувствительность очень тупая, долерическая чувствительность отсутствует справа, очень тупая слева, ротаторное рефлекторное действие преувеличено справа, очень слабое слева. Лишен естественных чувств. Когда его спросили, любит ли он свою мать, он ответил: "Когда она приносит мне сигары и деньги". Когда его допрашивали о совершенных им преступлениях, он не проявлял ни стыда, ни растерянности. Напротив, он с улыбкой признался, что в десять лет пытался убить своего младшего брата, который тогда еще лежал в колыбели, и, когда ему помешала мать, ударил и укусил ее. Его отец был пьяницей, страдавшим сифилисом, а Джулиано с семи лет страдал эпилепсией. В этом возрасте он начал предаваться алкоголю и самоубийству, а также воровал у родителей, чтобы купить сладости. По-видимому, он был подвержен мании амбулаторного передвижения, из-за чего

бесцельно бродил по стране, а если его держали в дверях, то он спускался из окон, забирался в дымоход или, потерпев неудачу в этих попытках сбежать, ломал мебель и привлекал внимание соседей своими ужасными криками. С восьми лет, несмотря на попытки родителей взять его в ученики, работодатели всегда немедленно увольняли его. Он сбежал с бродячей труппой акробатов, а позже поступил в ученики к мяснику, чтобы насладиться ужасами скотобойни. В пятнадцать лет он был заключен в исправительный дом, откуда дважды пытался сбежать и поджечь здание, и был приговорен к двум годам заключения. В течение нескольких дней он, по-видимому, страдал от эпилептических приступов, хотя и в замаскированной форме, сопровождавшихся различными попытками самоубийства. Они возобновлялись каждые два месяца в течение целого года. Когда его спрашивали, чем он будет зарабатывать на жизнь после освобождения, он со смехом отвечал, что в чужих карманах полно денег.

Л... морально ненормальный субъект, 16 лет, уроженец Турина, сын пожилого, но чрезвычайно респектабельного человека. Рост 1,50 м., вес 46,2 кг., с обильными волосами и пухом на лбу, резцы сведены вместе, чрезмерное развитие клыков и преувеличенный орбитальный угол лобной кости. Он был совершенно лишен привязанности к своей семье, цинично замечая, что любил своего отца, когда тот давал ему деньги и не беспокоил его. Иногда он бил бедного старика ногами и иным образом издевался над ним. Когда ему не удавалось достать денег, он громил всю мебель в доме, пока в целях экономии семья не давала ему то, что он хотел. Чтобы получить от ростовщиков пятифунтовую купюру, он подписывал векселя на сумму, в десять раз превышающую ее. Он менял свои идеи от одного часа к другому. То он хотел поступить в армию, то эмигрировать во Францию и т. д. Когда ему было всего четырнадцать лет, он часто посещал дома с дурной славой, где разыгрывал из себя хулигана.

Хотя этот случай можно рассматривать как типичный пример морального помешательства, симптомов головокружения или конвульсий, по-видимому, не было. Однако в возрасте шестнадцати лет, страдая от ревматизма, этот субъект пытался выброситься с балкона своей спальни в один и тот же час три ночи подряд. После этого он, по-видимому, страдал амнезией.

Об этих неистовых попытках самоуничтожения, которые, похоже, заменили эпилептический припадок, моему отцу вскользь рассказала мать мальчика; но в других случаях подобные инциденты, хотя и имеющие огромное значение для криминолога, часто остаются незамеченными.

В журнале *Actes du Congrès d'Anthropologie* Анжелуччи описывает еще один типичный случай эпилептического морального помешательства. Э. Г. (брат - преступник-эпилептик, отец - больной раком) был несколько раз осужден за нападения на людей, часто без всякого мотива. Татуированный фигурой обнаженной женщины, микроцефал (39,2 куб. дюйма = 589 куб. см), с асимметрией черепа и лица, он был тщеславен, лжив, жесток и демонстрировал скептицизм, хотя носил множество медалей Богородицы. Этому субъекту было больше двадцати пяти лет, когда случился первый эпилептический припадок.

Связь между эпилепсией и преступностью скорее производная, чем тождественная. Эпилепсия представляет собой род, разновидностями которого являются преступность и моральное безумие.

Прирожденный преступник - эпилептик, поскольку он обладает анатомическими, скелетными, физиогномическими, психологическими и моральными характеристиками, свойственными признанной форме эпилепсии, а иногда и ее двигательными феноменами,

хотя и с редкими интервалами. Чаще у него наблюдаются ее заменители (головокружение, судороги, сialорея, эмоциональные приступы). Но криминальный эпилептик обладает и другими свойственными ему характеристиками, в частности, тем желанием зла ради него самого, которое неизвестно обычным эпилептикам. В связи с этим данная форма эпилепсии должна рассматриваться отдельно от чисто нервной аномалии, как при постановке клинического диагноза, так и при выборе методов лечения и социальной профилактики.

Более того, нервная аномалия, которая у преступников время от времени проявляется, усиливая преступную тенденцию до атавистической формы и вызывая болезненные осложнения, которые иногда оказываются смертельными, служит для того, чтобы указать на истинную природу болезни и подчеркнуть тот факт, что, хотя она ослаблена в отношении двигательных приступов, с другой стороны, она усугубляется криминальными импульсами, которые делают пациента полуиммунным и позволяют ему вести более длительное и менее беспокойное существование, но провоцируют постоянное раздражение мозга, которое омрачает и нарушает его интеллектуальную и моральную природу.

Чтобы лучше понять эти две формы эпилепсии, мы должны вспомнить две аналогичные формы другого и столь же многообразного заболевания - туберкулеза в его формах быстрой чахотки и золотухи. Этиология идентична, симптомы часто схожи, но если последняя форма протекает очень медленно и позволяет пациенту прожить долгую жизнь, то первая - стремительно и обрывает жизнь в самом расцвете сил.

При моторной эпилепсии раздражение проявляется внезапно, но в промежутках разум остается здоровым, хотя приступы могут привести к быстрому слабоумию. При криминальной эпилепсии это раздражение не выливается в сильные припадки и совместимо с долгой жизнью, но оно меняет весь физический и психический облик человека.

Эпилептическое происхождение преступности объясняет многие особенности преступника, генез которых ранее был неясен. Многие моральные и физические особенности прирожденных преступников и морально невменяемых можно отнести к профессиональным, приобретенным в результате привычки совершать злодеяния, особенно носогубные и скуловые морщины, циничное выражение лица, укороченные пальцы и т. д. Многие аномалии в костях, волосах, ушах, глазах, чудовищное развитие челюстей и зубов следует объяснить задержкой развития на пятом или шестом месяце внутриутробного существования, что соответствует характеристикам низших рас по обычному закону онтогенеза, повторяющему филогенез. Но есть и последняя серия аномалий, происхождение которых раньше было окутано тайной: плагиоцефалия, склероз, утолщение менингов, асимметрия черепа и другие изменения в мозговых слоях, которые могут быть объяснены только болезнью, изменяющей преждевременно всю мозговую конформацию, как это происходит при эпилепсии.

Прирожденный преступник - это эпилептик, но не с обычной формой этого заболевания, а с особой. Патологическая основа, этиология, анатомические и психологические характеристики идентичны, но есть и множество различий. Если при обычной форме двигательные аномалии встречаются очень часто, то при криминальной они очень редки; если при обычной эпилепсии психические взрывы сопровождаются потерей сознания, то при другой форме они ослаблены и распространяются на все существование, а сознание, относительно говоря, сохранено; и, наконец, если при обычной эпилепсии эпилептик не всегда склонен творить зло ради него самого, а может даже достичь святости, то при скрытой форме склонность к злу сохраняется от рождения до смерти. Извращенность, сконцентрированная в одну секунду в двигательном приступе, ослабевает во второй форме,

но распространяется на все существование. Таким образом, мы имеем эпилепсию *sui generis*, разновидность эпилепсии, которую можно назвать преступной.

Таким образом, примитивное представление о преступлении стало органичным и полным. Преступник - это только больной человек, эпилептик, у которого болезнь мозга, начавшаяся в некоторых случаях во время внутриутробного существования, или позже, в результате какой-то инфекции или мозгового отравления, производит, вместе с некоторыми признаками физической дегенерации черепа, лица, зубов и мозга, возврат к раннему жестокому эгоизму, естественному для примитивных рас, который проявляется в убийстве, воровстве и других преступлениях.

ГЛАВА III

НЕВМЕНЯЕМЫЙ ПРЕСТУПНИК

Общие формы преступного помешательства

Преступники, родившиеся с эпилепсией, и морально невменяемые могут быть классифицированы как сумасшедшие в определенных аспектах, но только научным наблюдателем и профессиональным психологом. За пределами этих двух форм существует важная серия преступников, которые не являются преступниками от рождения, но становятся таковыми в определенный момент своей жизни, в результате изменений в мозге, которые полностью нарушают их моральную природу и делают их неспособными различать между добром и злом. Они действительно безумны, то есть полностью лишены ответственности за свои поступки.

Почти каждый класс психических отклонений способствует особой форме преступлений.

Идиота пароксизмы ярости побуждают совершать убийственные нападения на своих собратьев. Его преувеличенные сексуальные склонности подстрекают его к изнасилованию, а детский восторг при виде пламени - к поджогу.

Имбецил, или слабоумный человек, поддается первому порыву или, поддавшись чужому влиянию, становится соучастником в надежде на пустяковое вознаграждение.

Жертв *меланхолии* доводят до самоубийства подавляемое горе, прекордиальное возбуждение или галлюцинации. Иногда суицидальная попытка носит косвенный характер и принимает форму убийства важной персоны или собственных родственников в надежде, что за этим последует их собственное осуждение, или чтобы спасти дорогих им людей от жизненных невзгод.

Люди, страдающие *общим параличом*, часто воруют, полагая, что все, что они видят, принадлежит им, или потому, что они не в состоянии понять значение собственности. Если их обвиняют в краже, они отрицают свою вину или утверждают, что украденные вещи были спрятаны у них другими людьми. Они склонны к подделкам и мошенническим банкротствам, а когда их проступки становятся достоянием общественности, они не проявляют стыда. Также распространены неестественные сексуальные преступления и преступления против власти. Хотя они редко совершают убийства, они часто совершают поджоги, по неосторожности или с целью уничтожить свои дома, потому что считают их слишком маленькими или хотят избавиться от паразитов, например крыс.

Страдающий *деменцией* забывает о своих обещаниях, какими бы серьезными они ни были. Церебральная раздражительность часто приводит его к совершению насильственных действий, убийств и т. д.

В некоторых случаях психическая отчужденность проявляется в мании к судебным тяжбам, которая побуждает страдальца оскорблять государственных деятелей, государственных юристов и судей.

Распространенным симптомом *пеллагры* является склонность к непреднамеренному убийству или самоубийству без малейшего повода. Вид воды наводит на мысль об утоплении в форме убийства или самоубийства.

Молодые люди в период полового созревания и женщины, страдающие аменореей, часто проявляют склонность к поджогам и преступлениям эротического характера. Подобные наклонности иногда проявляются во время беременности, нередко и склонность к воровству.

Маньяки склонны к сатириазису и вакхическим излишествам. Они совершают изнасилования и непристойные действия на публике, часто присваивают чужие предметы, волосы или одежду, чтобы получить средства для удовлетворения своих пороков, либо потому, что не сознают, что поступают неправильно, либо потому, что, как истинные маньяки, считают украденное своей собственностью. Иногда лихорадочная активность побуждает их к краже; "Я чувствовал какое-то беспокойство, демона в своих пальцах, - говорит один из них, - который заставлял меня двигать ими и уносить что-то".

Мономаньяки, особенно если они подвержены галлюцинациям, часто проявляют склонность к убийству, либо спасаясь от воображаемых преследований, либо подчиняясь столь же воображаемым предписаниям. Те же мотивы побуждают их к совершению особых видов краж и поджогов. На... (см. [рис. 16](#)) убил своего друга без всякой причины, после того как в течение года страдал от галлюцинаций.

Характерные черты невменяемых преступников настолько выражены, что их нетрудно отличить от обычных правонарушителей. Они редко проявляют страх перед понесенным наказанием и не пытаются скрыться. Они не прилагают особых усилий, чтобы скрыть свои проступки или избавиться от какой-либо улики. Если это отравители, то они оставляют яд в комнате своей жертвы; если фальшивомонетчики, то им не составляет труда придать своим подписям видимость подлинности; если воры, то они выставляют украденные вещи на всеобщее обозрение или присваивают их в присутствии свидетелей. Они часто проявляют беспредельную ярость и нападают на присутствующих, совершенно забывая о похищенных вещах. Совершив преступление, они не только не дают себе труда скрыть его, но склонны сразу же признаться в нем и охотно рассказывают о нем, с удовлетворением заявляя, что чувствуют облегчение от содеянного, что подчинились приказу высших существ и считают свои действия похвальными. Они отрицают, что являются невменяемыми, а если и признают это в некоторых случаях, то только потому, что их убедили в этом адвокаты или сокамерники. И даже в этом случае они готовы при первой же возможности опровергнуть эту идею, восхваляя и преувеличивая свои преступные деяния.

Полное признание в суде - не редкость, а в случае с импульсивными мономаньяками, эпилептиками и невменяемыми опьянителями описания полны характерных выражений, показывающих, в каком душевном состоянии находился преступник, когда им овладевало преступное безумие.

Ром..., импульсивный мономаньяк, зарезавший знакомого, почувствовал, как "кровь прилила к его голове, которая, казалось, была охвачена пламенем".

Тиксье рассказывает, что, увидев на проселочной дороге старика, которого он впоследствии убил, у него "что-то екнуло в голове". Часто такие преступники быстро отдаются в руки правосудия.

Предпосылки. В отличие от обычного преступника, невменяемые преступники часто бывают совершенно законопослушными до момента совершения преступления.

Мотив. Пожалуй, самое большое различие между прирожденными преступниками и невменяемыми заключается в мотиве поступка, который в случае последних не только совершенно несоразмерен ему, но почти всегда абсурден и гораздо меньше зависит от личной восприимчивости.

Вот несколько типичных случаев: Отцу кажется, что он слышит голос, который приказывает ему убить любимого ребенка. Он приходит домой, одевает маленькую жертву в лучшие одежды и совершенно спокойно отрезает ей голову. Незнакомая с садоводством дама сажает несколько цветов на могиле мужа. Через день или два, заметив, что они поникли, она воображает, что садовник полил их кипятком, и, горько упрекнув его, ранит ножницами.

Эти несчастные существа часто демонстрируют совершенную ясность ума перед преступлением и даже в момент нанесения смертельного удара; однако их действия чисто инстинктивны и не продиктованы страстью или какой-либо другой причиной. Хотя такие люди, как кажется, рассуждают, можно ли сказать, что они полностью владеют своими умственными способностями? Если это так, то как объяснить массовое уничтожение тех, кто им наиболее дорог? Муж убивает жену, к которой искренне привязан; отец - сына, которого любит больше всего; мать - младенца у груди.

Такое необычное явление можно объяснить только внезапной остановкой интеллектуальных и нравственных способностей, а также силы воли.

Особые формы преступной невменяемости

АЛКОГОЛИЗМ

Помимо этих случайных форм помешательства, при которых человека побуждает к совершению преступления кратковременное изменение его нравственной природы, мы находим и другие формы, которые можно назвать специфическими, поскольку преступный акт является кульминационным пунктом болезни. Страдающих этими формами не так легко отличить от обычных преступников и нормальных людей, как от сумасшедших, о которых мы только что говорили. Эти психические заболевания, которые следует изучать отдельно, - алкоголизм, истерия и эпилепсия.

Хорошо известно, что временное пьянство может превратить честного, спокойного человека в буяна, убийцу или вора.

Галл рассказывает о случае с неким Петри, который проявлял склонность к убийству, когда был возбужден алкоголем. Локателли упоминает тридцатилетнего рабочего, который в состоянии алкогольного опьянения крушил все вокруг себя и наносил удары собутыльникам, пытавшимся сдержать его пьяную ярость. Ладельчи и Карминьяни приводят случай с

шахтером, которого неоднократно арестовывали за пьяные драки, а когда его упрекали, он отвечал: "Я ничего не могу с собой поделать. Как только я выпью, я должен начать драться".

Очень характерен случай с неким Папором... который некоторое время находился в тюрьме в Турине. Его отец был пьяницей и плохо обращался с женой. Сын стал солдатом, затем акцизным чиновником, пожарным и, наконец, медбратом в лазарете, и был известен как респектабельный, умеренный человек. В 1876 году его перевели на остров Липари, где мальвуазия стоила всего 25 сантимов за литр, и там он приобрел вкус к вину, не употребляя, однако, его в избытке. Но через год изменения в распорядке больницы позволили ему больше времени проводить в свободное время, и он начал сильно пить. В 1881 году, будучи в состоянии алкогольного опьянения, он напал на спортсмена и, притворившись полицейским, приказал ему отдать ружье. В этот момент он был арестован настоящим констеблем и доставлен в казарму, где был осужден, причем никто не заметил его пьяного состояния. После освобождения он совершил еще несколько подобных преступлений, за которыми последовали признание и раскаяние.

Хронический алкоголизм. Явления, развивающиеся при хроническом пьянстве, однако, с точки зрения криминолога все же более важны, чем непосредственное воздействие алкоголя на определенные конституции.

Физические и функциональные характеристики хронического опьянения. У привычного пьяницы редко следы врожденного вырождения, но часто - приобретенного характера, особенно парезы, лицевой гемипарез, легкий экзофтальм (см. [рис. 6](#)), неравномерность зрачков, нечувствительность к прикосновениям и боли, которая часто бывает односторонней, особенно в языке, термоанальгезия, гиперэстезия, испытываемая в различных точках, не соответствующих нервным территориям, и изменяемая спонтанно или под действием эстезиогенных средств (Grasset), альфалгезия (ощущение боли при контакте с безболезненными телами), недостаток мочевины в моче, несоразмерный с общим состоянием питания, и склонность симптомов возвращаться после травмы, отравления, возбуждения или тяжелой болезни.

Самые серьезные явления, однако, - это атрофия или дегенерация печени, сердца, желудка, семенных канатиков и центральной нервной системы, которые приводят к серьезным функциональным нарушениям; больше всего - в пищеварении, что проявляется характерным желудочным катаром, рвотой и судорогами, и в репродуктивной системе, с последующей импотенцией.

Психические расстройства - галлюцинации. Наиболее частыми и ранними симптомами являются бред и галлюцинации, как правило, мрачного или даже ужасного характера, чрезвычайно разнообразные и мимолетные, которые, как и сны, почти в каждом случае возникают под влиянием недавних и сильных впечатлений. Наиболее характерными галлюцинациями являются те, которые убеждают пациента, что он испытывает контакт с отвратительными паразитами, трупами или другими ужасными объектами. Его грызут воображаемые черви, его жгут спички или преследуют шпионы и полиция.

Итальянский преступник
Случай алкоголизма
(см. [стр. 82](#))

Странные патологические состояния, возникающие при хроническом алкоголизме, порождают и другие страшные галлюцинации. Кожная анестезия и алкогольная анафродизия заставляют страдальцев воображать, что они потеряли генеративные органы, нос, ноги и т. д.; диспепсия, истощение и парез - что они отравлены или подвергаются преследованиям. Реакция после чрезмерно длительного воздействия раздражителей вызывает яростную липеманию и мрачные фантазии. Иногда хроническим опьянителям кажется, что их обвиняют в мнимых преступлениях и вешают на цепи среди кучи трупов. Они молят о пощаде и пытаются покончить с собой, чтобы избавиться от позора; или же остаются неподвижными, недоумевающими и напуганными. Нередко, благодаря глубокой вере, которую, в отличие от многих других сумасшедших, они питают к своим галлюцинациям, они переходят от меланхолических размышлений к приступам безумной энергии, часто убийственного или самоубийственного характера. Они воображают, что борются с ворами или дикими зверями, и бросаются из окна или мчатся голыми по улицам, убивая первого попавшегося на пути человека. У некоторых этот бред энергии вспыхивает внезапно, как эпилептический приступ, на который он похож по своей краткости и интенсивности. С

вставшими дыбом волосами они мечутся, как дикие звери, скрежеща зубами, кусаясь, раздирая одежду, разрывая дерн или бросаясь с какой-нибудь высоты. Этим симптомам предшествуют головокружение, периодическая цефалгия и гиперемия лица, они чаще проявляются у тех, кто уже предрасположен к ним в результате травмы головы, тифа или наследственности, или после сильного волнения и длительного голодания, и часто не зависят ни от количества выпитого алкоголя, которое может быть небольшим, ни от общего физического состояния, а зависят от раздражения головного мозга, вызванного хроническим алкоголизмом. Приступы могут исчезнуть через несколько часов, не оставив ни малейшего воспоминания в сознании пациента (Krafft-Ebing, p. 182). Короче говоря, это разновидность замаскированной эпилепсии, и так их вполне можно назвать, поскольку истинная алкогольная эпилепсия отмечается у многих опьяневших, особенно у тех, кто пьет абсент.

Апатия. Еще одна черта, почти неизменно встречающаяся у опьяневших, совершивших преступление, - это странная апатия и безразличие, полное отсутствие заботы о своем состоянии - черта, присущая и обычным преступникам, но в менее выраженной степени. Они чувствуют себя в тюрьме как дома, не проявляя ни малейшего интереса к процессу над ними или к преступлению, которое стало причиной их ареста, и только когда предстают перед судьей, они на мгновение пробуждаются от своей летаргии.

Один образованный человек, после разнообразной карьеры врача, аптекаря и клерка, в течение которой его постоянно увольняли с должности за пьянство, встретил на улице полицейского и убил его, полагая, что тот хочет его арестовать. Когда его доставили в тюрьму, первое, что он сделал, - написал матери, умоляя прислать ему помаду. На допросе он сообщил следователю, что допрос бесполезен, так как он уже выбрал себе новое ремесло - фотографа. Только после нескольких месяцев полного воздержания в тюрьме он начал приходить в себя и осознавать всю серьезность своего положения. (Тардые, *De la Folie*, 1870.)

Контраст между апатией и импульсивностью. Апатия чередуется со странными импульсами, которые, хотя и сильно расходятся с прежними привычками пациента, он не в состоянии контролировать, даже когда осознает, что они преступны.

Преступления, свойственные опьянению. Поскольку изменение репродуктивных органов является распространенной причиной галлюцинаций, преступники в состоянии опьянения часто страдают от разновидности эротического бреда, во время которого они убивают тех, кого считают виновными в преступлениях против себя - как правило, своих жен или любовниц. Отчасти это объясняется сексуальным характером их галлюцинаций, а отчасти - убожеством их жилищ, которые так разительно контрастируют с радужными мечтами, навеянными алкоголем, и усиливают меланхолию, свойственную пьяницам. Им кажется, что их обманывают, высмеивают их бессилие, самые невинные жесты интерпретируются как смертельные оскорбления.

В туринской тюрьме мой отец наблюдал за двумя такими несчастными, один из которых был шестидесятилетним мужчиной, а другой - совсем молодым. Оба они с отвратительной жестокостью убили своих жен, считая их неверными, хотя на самом деле обе женщины вели безупречную жизнь.

Течение болезни. Постоянное злоупотребление алкоголем в конце концов заканчивается полным слабоумием или общим псевдопараличом. Тело сначала тучное, но быстро теряет плоть, кожа становится жирной и влажной из-за гиперсекреции сальных и потогонных желез, пачкает одежду. Память ослабевает, речь становится неуверенной и дефектной (дизартрия), ассоциация идей вялая, чувствительность притуплена, восприятие спутанное,

суждения ошибочные, а все виды регулярного и продолжительного применения невозможны. Прежние галлюцинации появляются вновь, но в менее яркой форме и только через большие промежутки времени; затем паралич более или менее быстро становится общим и заканчивается смертью.

ЭПИЛЕПСИЯ

Мы уже говорили об этой болезни в другой главе и показали, что прирожденный преступник на самом деле является эпилептиком, у которого болезнь, вместо того чтобы проявиться внезапно в странных мышечных конвульсиях или ужасных спазмах, развивается медленно в постоянном раздражении мозга, что заставляет пораженного ею человека воспроизводить свирепый эгоизм, естественный для первобытных дикарей, неудержимо стремящихся причинить вред другим.

Но кроме этих эпилептиков, морально ненормальных с самого рождения, которые проводят свою жизнь в тюрьмах и психушках, и никто не может точно определить границу между их извращенностью и безответственностью; Кроме этих людей, которых общество имеет право, а то и моральное обязательство, удалить из своей среды, потому что они всегда являются источником опасности, есть и те, кто страдает другими формами эпилепсии; формами, в которых раздражение проявляется в припадках, точно похожих на типичный судорожный припадок, на который они также похожи в отношении вариаций интенсивности и продолжительности. Как правило, они также сопровождаются полной потерей памяти и сознания, но в некоторых случаях сознание может быть частичным или полным, и при этом больной не отвечает за свои действия. Эта разновидность эпилепсии, названная Самтом психической эпилепсией (эпилепсией с психическими припадками), проявляется через большие промежутки времени, иногда только один раз, но чаще два или три раза в течение жизни, и во время приступа личность человека претерпевает полное изменение.

Самт описывает приступ следующим образом: Во время приступа человек ведет себя как сомнамбула. Иногда он оцепеневший, немой и неподвижный; в других случаях он непрерывно говорит; в третьих - продолжает заниматься своими обычными делами, путешествует, читает и пишет; но в каждом случае его личность претерпевает полную метаморфозу, его привычки, действия и даже почерк принимают другой характер. Иногда его охватывает мания ходьбы, и он топчется на месте, проходя километры; в других случаях он совершает бесконечные путешествия по железной дороге. Тисье (*Les aliénés voyageurs*, 1887) приводит случаи эпилептиков, которые путешествовали из Парижа в Бомбей, прошли 71 километр пешком и блуждали без сознания в течение 31 месяца.

Иногда эпилепсия проявляется только в склонности к бесцельным путешествиям, как в случае с Ферретти и неким М..., которые посетили Махди в Африке и оттуда бесцельно путешествовали в Австралию.

Эта амбулаторная форма эпилепсии очень распространена среди юношей четырнадцати-пятнадцати лет. Не проходит и недели, чтобы полиция не получила от родителей информацию о том, что их сын исчез из дома с несколькими пенсами в кармане. Странника обнаруживают позже, часто в каком-нибудь маленьком провинциальном городке, куда он добрался, бесцельно бродя несколько дней, ночуя в сараях и живя на подаяние. Когда его расспрашивают, мальчик обычно демонстрирует полное неведение относительно всего, что с ним произошло за это время.

Доктор Маккабруни в своей книге *"Заметки о скрытых формах эпилепсии"*, 1886, рассказывает о случае эпилептика, который в детстве получил травму черепа. Позже он

отправился в ряд странствий в Венецию, Падую, Рим, Милан, Монако и Ментону. Его путешествия, особенно в дальние края, совершались в бессознательном состоянии и, как правило, за некоторое время до начала приступа.

Эти приступы могут длиться сколь угодно долго, от нескольких минут до нескольких месяцев. В одном из случаев, наблюдавшихся моим отцом, приступ длился две недели. Пациент, молодой офицер, с которым мы были лично знакомы, был одним из самых спокойных людей, но внезапно его охватила мания писать бесчисленные письма, особенно на гербовой бумаге, преувеличенно крупным почерком, сильно отличавшимся от его обычного стиля. Эти письма, полные нелепостей, писатель отправлял из разных городов, через которые проезжал во время своих бесцельных странствий, длившихся целых две недели. Во время одного из таких приступов он был арестован как дезертир и не смог дать никаких объяснений своему поведению.

У этого конкретного пациента болезнь приняла мягкую форму абсурдных писем и еще более абсурдных путешествий, но другие люди в таком же состоянии могут совершать преступные деяния, например убийства, без всякой причины или выгоды для себя. После того как припадок проходит, эти несчастные, как правило, не помнят своих прошлых поступков, а поскольку в нормальном состоянии они спокойные, законопослушные люди, то отследить преступление до нужного источника или обнаружить болезнь крайне сложно, поскольку у них нет других симптомов эпилепсии, кроме конкретного преступного деяния".

Самт описывает еще более сложную форму этого психического припадка, при которой личность изменяется без потери сознания. В подобном случае слуга, после сорока лет верной службы, убил ночью свою старую хозяйку, предварительно перерезав все провода звонка, чтобы предотвратить связь с другими слугами. Он сбежал с некоторыми ценностями, но через несколько дней вернулся и сдался полиции, которой подробно рассказал о своем преступлении, не выказав ни ужаса, ни раскаяния. Его судили и осудили, а через несколько месяцев с ним снова случился эпилептический припадок, во время одного из которых он умер. Самт, видевший его в таком состоянии, пришел к выводу, что убийство было совершено во время подобного припадка, и смог доказать, что приступы такого рода не обязательно сопровождаются потерей сознания.

Как и в вышеописанном случае, эти психические приступы иногда сопровождаются неутолимой жадой крови, разрушения и насилия всех видов, а также необычным развитием мускульной силы при кажущейся ясности ума. Они могут длиться от нескольких минут до получаса, после чего пациент погружается в крепкий сон и забывает все, что произошло, или же сохраняет лишь смутные воспоминания.

Таков был случай с эпилептиком Мисдеа, который впервые натолкнул моего отца на мысль о связи между преступностью и эпилепсией. Поскольку этот случай стал знаменитым в анналах преступности Италии, он, возможно, будет интересен читателю. Мисдеа, сын дегенеративных родителей, проявлял ряд типичных эпилептических аномалий - асимметрию, вазомоторные нарушения, импульсивность, свирепость и т. д. В возрасте двадцати лет, во время службы в армии, по какому-то пустяковому поводу он внезапно напал на своего начальника и убил восемь или десять солдат, которые пытались его одолеть. В конце концов его связали и поместили в камеру, где он погрузился в крепкий сон, а проснувшись, совершенно забыл о содеянном. Его приговорили к смерти, но мой отец, обследовавший его с медицинской точки зрения, смог убедительно доказать, что преступление было совершено во время приступа эпилепсии.

Физические и психические характеристики этого класса эпилептиков являются общими для всех некриминальных эпилептиков, и мы действительно вправе считать их скорее безумными, чем преступниками, поскольку, за исключением приступа, принимающего такую ужасную форму, они не проявляют преступных наклонностей.

ИСТЕРИЯ

Истерия - это заболевание, родственное эпилепсии, более мягкая форма которой, по-видимому, встречается у женщин гораздо чаще, чем у мужчин, в соотношении двадцать к одному. Заболевание часто может быть связано с наследственными влияниями, подобными тем, которые наблюдаются при эпилепсии, передающимися от родителей-эпилептиков, невротиков или пьяниц, часто также с каким-либо травмирующим или токсическим воздействием, таким как тиф, менингит, удар, падение или испуг.

Физические характеристики. Их меньше, чем у эпилептиков. Наиболее распространенные особенности - маленькие, косо поставленные глаза с робким взглядом, бледное, вытянутое лицо, сросшиеся или расшатанные зубы, нервные движения лица и рук, асимметрия лица, черные волосы.

Функциональные характеристики. Они имеют большое значение. Истерические субъекты проявляют особую чувствительность к контакту с некоторыми металлами, такими как намагниченное железо, медь и золото. Характерными симптомами являются нечувствительность гортани или ощущение инородного тела в ней (*globus hystericus*), невралгические боли, которые исчезают с чрезвычайной внезапностью, появляясь вновь часто на стороне, противоположной той, где они были впервые ощущены, преобладание сенсорных и моторных аномалий на одной стороне (гемианестезия), путаница различных цветов (дисхроматопсия); повышенная чувствительность некоторых частей тела, таких как яичник и грудь, которые при надавливании вызывают невропатические явления (истерогенные точки); чувство удовольствия при наличии боли, отмена рефлекторного действия глотки, отсутствие ощущения тепла в некоторых частях тела и склонность к так называемым приступам "истерии". Этим признакам, тесно связанным, если не точно сходным с признаками эпилепсии, предшествует ряд предвестников - галлюцинации, внезапное изменение характера, схватки, спазмы гортани, косоглазие, частая слюна, неумеренный смех или зевота, учащенное сердцебиение, упадок сил, дрожь, анестезия и (непосредственно перед приступом) боли в каком-либо фиксированном месте, обычно в голове, яичнике или затылке.

Психология. Психологические проявления истерических субъектов представляют еще больший интерес и важность.

В целом они демонстрируют достаточный уровень интеллекта, но мало способны к концентрации внимания. По характеру они глубоко эгоистичны и настолько озабочены собственной персоной, что готовы на все, чтобы привлечь к себе внимание и добиться известности. Они очень впечатлительны, поэтому легко возбуждаются на гнев и жестокость, склонны к внезапным и необоснованным симпатиям и антипатиям. Они непостоянны и легко поддаются влиянию. Им доставляет особое удовольствие клеветать на других, а когда им не удастся вызвать всеобщее внимание необоснованными обвинениями, к которым они прибегают в качестве средства мести, они омрачают жизнь окружающих постоянными ссорами и раздорами.

Восприимчивость к внушению. Еще большее значение для криминолога имеет то, как легко истеричные женщины поддаются гипнотическому внушению. Их воля полностью

подчиняется воле гипнотизера, под влиянием которого их можно заставить поверить в то, что они изменили свой пол, чтобы они немедленно переняли привычки противоположного пола, или же вынашивать *идеи fixes* - *странные*, импульсивные или даже преступные идеи. На самом деле под гипнотическим воздействием они становятся послушными автоматами, но их невозможно заставить совершать поступки, противоречащие их природе, совершать преступления или раскрывать доверенные им секреты, если они от природы честны.

Изменчивость. Подвижность настроения - еще более характерная черта истерии. Субъект с необычайной быстротой переходит от смеха к слезам, "как дети, - говорит Рише, - которые смеются безмерно, пока не высохли их слезы".

"В течение часа, - говорит Сиденхем, - они раздражительны и недовольны; в следующий час они веселы и следуют за своими друзьями со всеми признаками прежней привязанности".

На их чувствительность влияют самые пустяковые причины. Одно слово огорчает их, как настоящее несчастье. Их импульсы не лишены интеллектуального контроля, но за ними с чрезмерной быстротой следуют действия. Несмотря на столь переменчивый нрав, они подвержены фиксированным идеям, за которые цепляются с некой каталептической интенсивностью. Женщина может месяцами оставаться немой или неподвижной под предлогом, что речь или движение могут причинить ей вред. Но это единственная форма постоянства, которую они демонстрируют, в остальном они ленивы по своей природе. Иногда они проявляют активность в течение нескольких дней, чтобы затем снова погрузиться в безделье.

Эротомания. Это почти патогномоничный симптом, проявляющийся в галлюцинациях и кошмарах эротического характера, которым предшествует эпигастральная аура. Эротомания настолько импульсивна, что истеричные женщины часто вступают *в связь* из желания приключений или переживания внезапных эмоций. Преступность истеричек всегда связана с сексуальными функциями.

Из двадцати одной женщины, признанной виновной в клевете, девять выдвинули ложные обвинения в изнасиловании, четверо обвинили своих мужей в сексуальном насилии, а одна - в содомии. Подобные обвинения, выдвигаемые несовершеннолетними, обычно полны отвратительных подробностей, которые были бы противны любому взрослому.

Правдивость. Еще одна особенность истеричных женщин - непреодолимая склонность к лжи, которая заставляет их произносить бессмысленные небылицы только ради удовольствия обманывать и заставлять верить. Они притворяются самоубийцами и больными или пишут анонимные письма, полные выдумок. Многие из злобы или тщеславия обвиняют слуг в нечестности, чтобы потом радоваться их позору и тюремному заключению. Однако самой любимой клеветой всегда остается обвинение в непристойном поведении, иногда выдвигаемое против их отцов и братьев, но, как правило, против священника или врача. В большинстве случаев эти обвинения настолько странны и фантастичны, что не заслуживают доверия, но иногда, к сожалению, им верят. Самый распространенный способ распространения этой клеветы - анонимные письма. В одном случае молодая девушка двадцати пяти лет, принадлежащая к знатной семье, донимала уважаемого священника любовными письмами и вскоре после этого обвинила его в соращении. Другая девушка восемнадцати лет сообщила государственному прокурору, что часто становилась жертвой безнравственных священников, и обвинила в соучастии одну из своих кузин. По ее рассказу, во время молитвы в церкви некий аббат Р... завел ее в ризницу и уговаривал сбежать с ним в Испанию. Она с негодованием отказалась, и, надеясь смягчить ее, он дважды ударил себя ножом в ее присутствии, после чего она потеряла сознание, а придя в

себя, обнаружила священника у своих ног, умоляющего о прощении. Далее она обвинила того же кузена в том, что он отвез ее в монастырь, где ее совратил священник, а монахини выступили в роли сообщниц. Последующее медицинское обследование доказало, что никакого соблазнения не было и что она страдала от истерии.

В другом случае шестнадцатилетняя девочка, дочь итальянского генерала, пожаловалась отцу, что некий лейтенант, ее сосед по столу, непристойно выражался в ее адрес. Вскоре после этого мир в семье нарушили анонимные письма - признания в любви матери девушки и угрозы в адрес дочери. Выяснилось, что автором всех этих писем была сама девушка.

Анонимные письма настолько распространены среди истеричных людей, что их можно считать патогномоничной характеристикой. Почерк имеет своеобразный характер, или, скорее, проявляет особую тенденцию варьировать от чрезмерного размера до крайней мелкости, что мы отмечали у эпилептиков.

Бред. Истерические, как и эпилептические, субъекты часто страдают от меланхолии или мономаниакального бреда. Действительно, по мнению Мореля, этот симптом встречается чаще, когда другие болезненные явления отсутствуют.

Психическая истерия, как и эпилепсия, может существовать без характерного истерического приступа, и тогда, как и в случае с эпилепсией, она наиболее опасна для общества.

В заключение хочу сказать, что хотя до сих пор медики были склонны рассматривать истерию как заболевание, отличное от эпилепсии, тщательное изучение этого недуга склонило моего отца к тому, чтобы отнести его к разновидности эпилепсии, распространенной среди женщин, которые при этом заболевании, как и при многих других, проявляют ослабленную форму.

ГЛАВА IV

КРИМИНАЛОИДЫ

Мы видели, как из-за болезней, алкоголизма и эпилепсии в обществе нормальных людей появляются физически и психически деградирующие личности. Но значительная часть совершенных преступлений не может быть приписана сумасшедшим, эпилептикам или морально ненормальным, и не все преступники демонстрируют ту совокупность атавистических и болезненных черт характера, - жестокость и звериную бесчувственность дикаря, импульсивность эпилептика, разнузданность, бред и стремительность безумца, - которые мы находим объединенными в прирожденном преступнике.

Согласно статистике, полученной моим отцом, доля, вносимая в общую сумму преступности этим последним типом, составляет всего 33%, что кажется магической цифрой для преступника, поскольку она соответствует проценту гистологической аномалии, обнаруженной Ронкорони, и всем важным аномалиям, включая аномалии поля зрения. Но кроме этого процента врожденных преступников, обреченных еще до рождения на преступную карьеру, которых не могут искупить все воспитательные усилия и которые поэтому должны быть сразу же изолированы; кроме эпилептиков, истериков, слабоумных и невменяемых от алкоголизации, о которых мы уже говорили, остается еще целая половина преступников, у которых вирус, так сказать, ослаблен, которые, хотя и являются

эпилептоидами, страдают от более легкой формы болезни, так что без какой-либо адекватной причины (*causa criminis*) преступность не проявляется. Сдерживающие центры несколько тусклы, но не полностью отсутствуют, так что здоровая среда, тщательное обучение, привычки к промышленности, привитие моральных и гуманных чувств могут предотвратить этих людей от поддавания бесчестным импульсам, при условии, что на их пути не возникнет особого соблазна к греху.

Мы уже говорили, что образования недостаточно, чтобы превратить преступника в честного человека. И наоборот, испытания, трудности и недостаток образования бессильны сделать из честного человека преступника. Гипноз, самое мощное средство внушения, не может побудить хорошего человека совершить преступление во время гипнотического сна, но порочное обучение оказывает огромное влияние на слабые натуры, которые являются кандидатами на добро или зло в зависимости от обстоятельств. Таких людей мой отец классифицировал как *криминоидов*.

Физические характеристики. У криминоидов нет особых скелетных, анатомических или функциональных особенностей. Поскольку криминоид представляет собой более мягкий тип прирожденного преступника, он может обладать теми же физическими дефектами черепа, волос, бороды, ушей, глаз, зубов, губ, суставов, рук и ног, а также всеми сенсорными аномалиями, пониженной чувствительностью к прикосновениям и боли, гиперчувствительностью к магниту и барометрическим колебаниям и т. д.; но все эти аномалии никогда не встречаются в той же пропорции, что и у прирожденных преступников; то есть криминоиды никогда не проявляют той совокупности физических и психических особенностей, которые отличают прирожденных преступников и морально невменяемых. С другой стороны, мы находим у криминоидов некоторые характеристики, такие как преждевременная седина, облысение и т. д., которые никогда не проявляются у прирожденных преступников. Реальное различие между криминоидом и прирожденным преступником скорее психологическое, чем физическое.

Психологические характеристики. Разница между прирожденными преступниками и криминоидами становится очевидной непосредственно при рассмотрении возраста, в котором последние начинают свою антиобщественную карьеру, и мотивов, побуждающих их к ней. В то время как прирожденный преступник начинает совершать преступления, так сказать, с колыбели и всегда по весьма банальным мотивам, криминоид совершает свое первое преступление позже в жизни и всегда по какой-то адекватной причине.

Преступник этого ослабленного типа, некий Сальвадор, без черепных и лицевых аномалий, вел честную жизнь в течение многих лет, но, вернувшись домой после длительного отсутствия по делам, обнаружил, что его дом разграблен бросившей его женой. С тех пор он, похоже, сознательно занялся нечестной карьерой, возглавив банду воров.

В другом случае гравер, у которого не было обнаружено никаких патологических аномалий, кроме чрезмерно развитых лобных пазух, получил заказ от одного общества на изготовление медали для них. Она оказалась точно такой же, как и монета, имеющаяся в его стране, и это совпадение подтолкнуло его к изготовлению фальшивых монет.

Но самым характерным случаем, вызвавшим в свое время большой интерес, является дело Оливо. Это был мужчина красивой внешности, с нормальной обонятельной остротой и чувствительностью к прикосновениям и боли. Однако он унаследовал от невротичных и безумных предков вторичные эпилептические явления, которые впоследствии переросли в судорожную эпилепсию, и некоторые признаки дегенерации (асимметрия лица и черепа, аномальные капиллярные вихри и длина руки, скотома в поле зрения и преувеличенное

сухожильное рефлекторное действие). До тридцати лет он вел безупречную жизнь; по сути, он был скрупулезен до крайности, и это, в сочетании с выраженным тщеславием и скупостью, было его единственным недостатком. Он женился на женщине простого происхождения, которая не была особо развратной, но она была грубой и неверной, и, что хуже всего в его глазах, беспринципной и расточительной. Эти недостатки, а также ее привычки ко лжи и обману омрачали существование бедняги. Однажды ночью, почувствовав себя очень плохо, вероятно, из-за приближающегося припадка, он обратился к жене за помощью и получил бесчувственный ответ, после чего вскочил с постели, взял нож и зарезал ее. После этого он погрузился в глубокий сон. Чтобы уничтожить все следы преступления, он разрезал труп на мелкие кусочки, упаковал их в портфель и выбросил в море. Через два месяца, когда его арестовали, он сразу же сделал полное признание, продемонстрировав глубокое раскаяние и искреннюю привязанность к своей жертве, заслуги которой он отметил в поэме собственного сочинения. На суде он не сделал ни одной попытки защитить себя; во время выслушивания показаний, которые, казалось, сильно взволновали его, с ним случился эпилептический припадок. Присяжные оправдали его, и он вернулся к своей прежней мирной профессии бухгалтера, и больше не вступал в конфликт с законом.

Нежелание совершать преступления. Еще одна черта, характерная для криминоидов, - это нерешительность, которую они проявляют перед совершением преступления, особенно в первый раз, когда оно не совершается, как в вышеупомянутом случае, во время эпилептического припадка.

В прекрасном сборнике Фейербаха есть описание братьев Клейнрот, отец которых жестоко обращался с женой и семьей, морил их голодом, а деньги тратил на низких женщин и их бастардов. Сыновья не хотели убегать и оставлять мать-инвалида на произвол судьбы, и вот, когда они оказались в этой ужасной ситуации, некий человек предложил убить их мучителя. После долгих колебаний это предложение было принято; будучи арестованными, молодые люди сразу же признались в своем соучастии и выразили глубокое раскаяние.

Исповедь. Преступника легко склонить к признанию в содеянном.

Некий К..., вернувшись из-за границы, застал свою бывшую любовницу замужем за его отцом. Пара возобновила связь, но через некоторое время, опасаясь скандала, женщина пригрозила утопиться, если ее любовник не найдет способа урегулировать отношения на удовлетворительной основе. К..., недолголюбивавший своего отца, отравил его и исчез вместе с вдовой, прихватив с собой несколько ценностей, принадлежавших его отцу. Через год, когда женщина тем временем умерла, он вернулся домой и сделал полное признание, сначала сестре, а затем в суде.

Нравственное чувство-интеллект. Вместо слабого, затуманенного или неуравновешенного ума и того цинизма и отсутствия нравственного чувства и естественных чувств, которые отличают прирожденных преступников самого возвышенного типа и даже гениев, криминоиды обычно обладают ясностью и уравновешенностью ума и могут показать себя достойными руководить судьбами нации. Примером тому могут служить люди, замешанные во французском Панамском скандале и в деле Римского банка (Banca Romana). Оказавшись под облаком позора, вместо бесчувствия, цинизма или легкомыслия, свойственных настоящим преступникам, они проявляют глубокую скорбь, стыд и раскаяние, которые нередко приводят к серьезным заболеваниям или смерти. Их естественные привязанности и другие чувства в норме.

Известно, что, как только были выдвинуты обвинения против тех, кто был замешан во французском Панамском скандале и деле Римского банка, большинство из них заболели, а двое внезапно умерли в конце судебного процесса.

В отличие от прирожденных преступников, криминоиды проявляют глубокое отвращение к обычным правонарушителям. Они требуют одиночного заключения и отказываются от физических упражнений, единственного отдыха, который дает тюремная жизнь, чтобы избежать любых контактов со своими сокамерниками.

Социальное положение и культура криминоида. Криминоиды, как мы уже убедились, набираются из всех слоев общества и занимают все позиции в шкале преступности: от мелких краж до сложных и преднамеренных убийств, от чеканки фальшивых монет до гигантских мошенничеств, наносящих неисчислимый ущерб обществу. Масштабность преступления не означает большей преступности его автора, а скорее говорит о том, что он - человек с выдающимися способностями, чья культура и таланты умножают его возможности и средства для совершения зла. Во всех случаях, когда возможность играет важную роль, преступление обязательно совершается людьми, подверженными особым соблазнам: кассирами, которые работают с чужими деньгами, которые они могут соблазниться потратить с иллюзорной мыслью о том, что впоследствии смогут заменить взятое, чиновниками и государственными людьми, обладающими определенной властью и кажущейся безнаказанностью, банкирами, которым доверяют чужие богатства, которыми они привыкли пользоваться в этом качестве. Таким образом объясняется, почему люди с большим талантом и лишь незначительными преступными наклонностями принимали участие в гигантских мошенничествах, таких как дела Римского банка и французского Панамского канала.

Характерен случай лорда С..., первого лорда казначейства, который совершил подделки на сумму в полмиллиона стерлингов. "Никакие пытки, - пишет он, - не стали бы адекватным наказанием за мое преступление. Шаг за шагом я стал автором бесчисленных злодеяний и разорил более десяти тысяч семей. При меньшем таланте и большей честности я мог бы стать тем, кем был раньше, - честным человеком. Теперь раскаяние напрасно".

В лорде С... мы находим объединение всех характеристик криминоида: раскаяние, желание признаться, безупречное происхождение, сильное побуждение к нечестности и большой ум.

Хотя ущерб, нанесенный обществу этим человеком, был, вероятно, гораздо больше, чем могло бы быть зло, причиненное вульгарным прирожденным преступником, его преступность, тем не менее, относится к ослабленному типу. Вред, который он причинил, обязан своей тяжестью не интенсивности его преступных наклонностей, а его замечательным талантам, которые увеличивали его силу для зла, как и для добра.

К этой категории преступников следует отнести тех ловких мошенников, которые заставили весь мир говорить о своих подвигах: Мадам Гумберт, Лемуан, капитан-сапожник из Кёпеника.

Иногда, особенно у политических или коммерческих преступников, мы встречаем случаи аутоиллюзии, жертвой которой становится как автор преступления, так и публика. Иногда это некое устройство или механизм, который, как убежден изобретатель, он изобрел или собирается изобрести, предприятие, в котором, как воображает организатор, он получит огромное богатство. Иногда это трюк, в котором доверчивость жертв и их готовность проглотить обещания больших и немедленных прибылей играют не меньшую роль, чем способности мошенника. Иногда это гигантская мистификация, в которой остро заинтересован сам организатор и на осуществление которой он тратит столько таланта и

энергии, сколько при честном подходе хватило бы для приобретения значительного богатства; мошенник же наслаждается своим хитроумным обманом, словно участвуя в захватывающей драме.

Типичный пример - некий К..., который около двадцати лет назад был заключен в тюрьму за обман одной женщины. Мой отец взялся вылечить его, пока тот находился в тюрьме, и смог проследить за его дальнейшей карьерой. Этот К... был молодым человеком из хорошей семьи, умным, честным и хорошо владеющим языком. Его лицо было приятным и не несло на себе никаких следов преждевременной преступности. В возрасте двадцати лет он проникся безудержной любовью к азартным играм и, чтобы потакать этому пороку, пообещал жениться на богатой женщине значительно старше себя, у которой занял крупные суммы с условием, что они должны быть возвращены. Однако вскоре после этого он влюбился в молодую девушку и женился на ней. Его бывшая невеста подала на него в суд, и он был приговорен к двум годам тюремного заключения. В течение этого времени он избегал встреч с людьми и отказывался от физических упражнений, чтобы избежать общения с сокамерниками. Он очень привязался к своей жене и заявил о своем намерении начать жизнь с чистого листа. Однако совершенное им преступление, похоже, почти не вызвало у него сожаления, поскольку, по его словам, он никогда бы не продолжил обман, если бы его жертва не проявила такую готовность быть обманутой. Из тюрьмы он отправился в Лондон, где из-за нехватки средств совершил еще одну аферу, но на этот раз ему удалось бежать в Неаполь. Здесь в течение двенадцати лет он честно работал в крупном отеле, но вновь острая нужда в деньгах заставила его совершить третье мошенничество значительной важности, за которое он до сих пор находится в заключении.

Привычные преступники

Развращающее влияние тюремной жизни и общения с вульгарными преступниками или злоупотребление алкоголем, к которому часто прибегают лучшие натуры, чтобы заглушить укоры совести, может привести к тому, что криминоиды, совершавшие свои первые преступления с отвращением и колебаниями, впоследствии превращаются в закоренелых преступников, то есть в людей, которые рассматривают систематическое нарушение закона в свете обычной профессии или занятия и совершают свои преступления с безразличием.

Физически закоренелые преступники не похожи на прирожденных преступников, но им присущи некоторые черты тех преступников, из которых они пополняют свои ряды, а также, в более выраженной степени, некоторые приобретенные черты, такие как зловещие морщины и вкрадчивый и подлый взгляд.

Психологически криминоиды похожи на прирожденных преступников, чьи привычки, вкусы, сленг, татуировки, оргии, безделье и т.д. они постепенно развивают, подобно тому, как пожилые пары, живущие изолированно в деревне, перенимают одинаковые привычки, жесты и тон голоса.

Тип криминоида, который превращается в закоренелого преступника, хорошо иллюстрирует случай Эйро, который вместе с Габриэль Бомпар убил Гуффре и упаковал труп в сундук. Благодаря своей заметной слабости к женщинам Эйро стал последовательно дезертиром, вором и убийцей. Он, конечно, обладал некоторыми чертами, свойственными дегенератам, - длинные, выступающие уши, чрезмерное развитие, вплоть до асимметрии, левой лобной пазухи, прогнатизм, преувеличенная брахицефалия, размах рук, превышающий общий рост, но у него не было общего преступного типа, зубы были ровными, борода обильной, а волосы скудными.

Его психология в точности соответствует его физической индивидуальности. В младенчестве и юности он не проявлял ничего аномального, кроме необычного преобладания половых инстинктов. Он не проявлял никаких признаков той любви к злу ради него самого, которая так характерна для преступников, прежде всего для убийц. По всем признакам, он был веселым человеком, любил повеселиться, но в то же время был грубым и жестоким, легко возбуждаемым до страстной ярости. Его крайняя восприимчивость к влечениям противоположного пола делала его не считающимся со всеми моральными соображениями. Чтобы удовлетворить эту слабость, он стал дезертиром, растратил все деньги, заработанные на винокурне и торговле шкурами, и в конце концов совершил убийство. На суде было доказано, что перед побегом в Америку он пытался убить женщину, которая отказалась оставить мужа ради него. Он жестоко влюбился в свою сообщницу, Габриэль Бомпар, к которой, как и многих других преступников, его влекла ее большая развращенность.

Крайнее легкомыслие, проявленное Эйро, кажется самым сильным связующим звеном между ним и прирожденным преступником. Он с необычайной легкостью переходил от веселья к меланхолии. Его интеллект был хорошо развит, он владел тремя или четырьмя языками и добился успеха в большинстве дел, за которые брался, хотя, похоже, был неспособен долго оставаться постоянным в чем-либо. Как бизнесмен он растратил свой капитал, и даже при совершении преступлений проявлял легкомыслие и бессвязность. В Лионе он нанял карету, в которую положил труп Гуффре, и, разъезжая по улицам вместе с Габриэль Бомпар, как сумасшедший, оставил тело своей жертвы в месте, возле которого постоянно проходили люди.

Судя по всему, Эйро был беспутным криминальным типом, чьи необузданные страсти и связь с Габриэль Бомпар привели к тому, что он превратился в закоренелого преступника. Этот диагноз подтверждается отсутствием болезненной наследственности.

Было бы бесполезно приводить длинный ряд случаев, в которых, несмотря на различия в деталях, мы всегда обнаруживаем одно и то же явление - постепенное превращение криминоида в преступника. Достаточно назвать большой класс преступников, у которых часто можно наблюдать это явление - разбойники, распространенные в Испании и Италии.

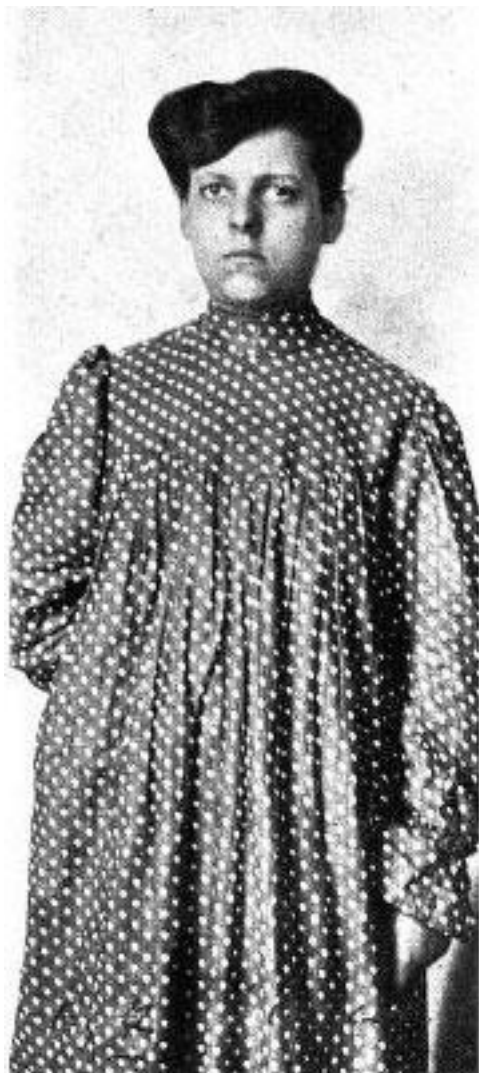
Эти разбойники, и особенно их лидеры, несмотря на тяжесть совершенных ими преступлений, редко рождаются преступниками, и они (за исключением редких случаев) начинают свою карьеру в раннем возрасте. Более того, они обладают хорошими качествами[3], способны на привязанность, щедрость и рыцарство, что объясняет, почему память о них бережно хранится в народе еще долго после того, как хорошие и законопослушные люди были забыты.

Разбойника Мандрина, известного как "генерал-контрабандист", с любовью и нежностью вспоминают в Дофине и других регионах Франции, Швейцарии и Савойи; и это чувство легко понять, ведь он был врагом "генеральных фермеров", которые в XVIII веке арендовали у французского правительства право взимать акцизы и жестоко угнетали народ.

Луи Мандрен, который в ранней жизни не проявлял никаких признаков извращенности и не обладал преступными наклонностями, стал бандитом, потому что с ним несправедливо обошлись те же самые "генеральные фермеры", отказавшие ему в оплате за выполненную работу. Он стал главарем небольшой банды контрабандистов и наводил ужас на акцизных чиновников и жандармов. Он открыто привозил контрабандные товары в окрестности деревень и городов и предлагал жителям купить их, причем купля-продажа происходила так, что ни жандармы, ни акцизные офицеры не смели вмешиваться. Администрация "женских фермеров" издала грозный указ против всех покупателей контрабандных товаров, после чего

Мандрин, не лишенный чувства юмора, заявил, что заставит саму администрацию покупать товар, а акцизных чиновников время от времени обяжет покупать контрабандные изделия по справедливой цене.

Рис. 18

Девушка-преступница

Рис. 19

Разбойник Саломон

Разбойник Гаспароне ([рис. 20](#)), память о котором до сих пор с большим почтением хранят сицилийцы, был человеком примерно такого же нрава.

Юридические преступники

В эту категорию входят люди, которые нарушают закон не в силу природной испорченности, не в силу тяжелых обстоятельств, а по чистой случайности. Их можно разделить на два класса:

Во-первых, авторы случайных проступков, таких как невольное убийство или поджог, которых общественное мнение или антропологи не считают преступниками, но закон обязывает их

возместить причиненный ущерб. Естественно, этот класс нарушителей закона ни физически, ни психически ничем не отличается от нормальных людей, кроме того, что ему, как правило, не хватает благоразумия, осторожности и предусмотрительности.

Во-вторых, авторы правонарушений, которые не наносят никакого ущерба обществу и не считаются преступными в целом, но были признаны таковыми законом в соответствии с каким-то господствующим мнением или предрассудком. Под эту категорию попадают сквернословие, подстрекательские сочинения, атеизм, пьянство, уклонение от соблюдения обычаев и любое нарушение мелких подзаконных актов. Примеры таких правонарушений слишком хорошо известны, чтобы их приводить. Лучше всего их можно выразить словами одного американского судьи, который указал, как легко было бы приговорить самого честного гражданина республики к тюремному заключению на сто лет и штрафу свыше тысячи долларов за нарушение ряда мелких местных правил, запрещающих плевать, пить, раздеваться у окна, сквернословить, открывать увеселительные заведения в воскресенье, нанимать людей на работу в определенные дни или на определенных условиях, запрещенных законом, и т. д.

Хотя лица, совершающие эти действия, часто ничем не отличаются от обычных людей, преступники и криминоиды чаще совершают подобные проступки, чем обычные люди, которые инстинктивно избегают вступать в конфликт с законом.

Сложность оценки этих проступков заключается в необходимости тщательно взвешивать мотив, который их порождает, то есть, были ли они невольно совершены честным человеком, или же они являются лишь пунктом в длинном списке преступлений, совершенных преступником. Такая дифференциальная диагностика должна основываться главным образом на анамнезе преступника.

К этой группе относятся и авторы более серьезных нарушений закона, которые не принято считать таковыми в то время или в том районе, где они происходят. К таким проступкам относятся: кража топлива в сельской местности, браконьерство, мелкая нечестность, распространенная в торговле и в некоторых профессиях, а в странах, где существуют тайные общества, такие как *каморра* в Неаполе и *мафия* на Сицилии, - связь с такими организациями, которая в определенной степени необходима для самообороны. Таковы же кражи и убийства во время революций, восстаний, войн, завоевания и эксплуатации новых территорий и рудников.

Рошфор и Уитмен отмечают, что во время золотой лихорадки в Австралии и Калифорнии наблюдался огромный рост преступности. Люди с хорошим происхождением вступали в смертельную борьбу за обладание самыми ценными территориями, и за этими кровавыми разборками следовали разнузданные оргии.

Во время экспедиции европейцев в Китай в 1900 году грабежами занимались солдаты с ранее безупречной карьерой.

Преступники страсти

Этот тип преступников, если его действительно можно назвать таковым, представляет собой противоположность обычному преступнику, чьи злодеяния являются результатом его свирепых и эгоистических импульсов, в то время как преступников страсти побуждает к нарушению закона чистый дух альтруизма. По сути, они не имеют никакого отношения к обычным преступникам, и только благодаря законодательному компромиссу их объединяют в одну группу. Они представляют собой ультрафиолетовый луч криминального спектра, в

котором вульгарный преступник - ультракрасный. Они не только свободны от эгоизма, бесчувственности, лени и отсутствия морального чувства, свойственных обычному преступнику, но их ненормальность заключается в чрезмерном развитии благородных качеств, чувствительности, альтруизма, честности, привязанности, которые, если довести их до крайности, могут привести к действиям, запрещенным законом, или, что еще хуже, опасным для общества.

Физические характеристики. Они также полностью противоположны тем, что присущи прирожденному преступнику. Лицо часто красивое, с высоким лбом, спокойным и мягким выражением, обильная борода. Чувствительность чрезвычайно обострена; высокая степень возбудимости и преувеличенные рефлекторные действия - все это характеристики нормального (или скорее гипернормального) человека, от которого преступника страсти не отличает ничего, кроме антисоциальных последствий его действий.

Психология. Здесь, как и во всех физических характеристиках, преступники страсти едва ли отличимы от своих собратьев, разве что в избытке присутствуют те качества, которые мы считаем свойственными добрым и святым людям - любовь, честь, благородные устремления, патриотизм. На самом деле мотив преступления всегда адекватен, часто благороден, а иногда и возвышен. Любовь побуждает некоторые натуры убивать тех, кто оскорбляет их возлюбленных или является причиной их бесчестия, а в некоторых случаях даже объект их привязанности, оказавшийся неверным. Преступления такого рода - убийство братьями человека, обесчестившего их сестру, убийство младенца незамужней матерью, убийство неверной жены мужем. Иногда мотив бывает патриотическим, как в случаях с Шарлоттой Кордей, Орсини Санд и Казерио (рис. 21), все из которых до момента совершения преступления были людьми мягкого нрава и безупречного поведения.

Преступники этого типа нередко кончают жизнь самоубийством после совершения преступления, а если это удастся предотвратить, то стремятся искупить вину долгими годами раскаяния и самоистязания.

Поступок почти всегда не обдуман и совершается публично, без сообщников и с помощью самых простых подручных средств - ногтей, зубов, ножниц или палки. Предыдущий герой всегда безупречен.

Кумано, Верано, Гульельмотти, Гарри, Курти, Милани, Бреннер, Мари, Цукка, Бечи, Були, Такко, Берруто и Санд, Камиция, Винчи и Леони (три последние женщины) - все они нападали на своих жертв в одиночку и публично.

В случае с Шалантоном женщина, которую он спас браком из нищеты, не довольствуясь предательством своего благодетеля, публично покрывала его оскорблениями и преследовала анонимными обвинениями. Его требование о разводе не имело успеха, и наконец, оказавшись, несмотря на свою честность, вовлеченным в скандальное дело, в котором его жена выступала в роли посредника, и терзаемый любопытством публики и непримиримыми вопросами репортеров, он убил причину всех своих несчастий. Другой убийца, Дель Прете, был вынужден убить свою жертву, старую женщину с репутацией колдуньи, потому что считал, что она стала причиной болезни его матери, к которой он был очень привязан.

Мотив преступления, как правило, серьезный и в большинстве случаев непосредственно предшествует ему. Були совершил свое преступление всего через несколько часов после получения известия, которое его побудило; Бунин, Бечис и Верано - через несколько минут; Милани, - через двадцать четыре часа, Зукка - через восемь часов; Курти - через несколько

дней. Таким образом, преступление редко бывает преднамеренным, а если и преднамеренным, то лишь на короткий промежуток времени, никогда на месяцы или годы.

Рис. 21

Brigand Caserio
(см. [стр. 119](#))

Убийства составляют 91% преступлений этой группы преступников. Определенная доля приходится и на детоубийства, что объясняется преобладающими предрассудками, которые осуждают безнравственность более сурово, когда ее результаты очевидны. Поджоги и кражи составляют всего 2 %. Однако такие случаи возможны. Молодая девушка, за которой мой отец наблюдал в тюрьме, видя, что ее семья находится в страшной нищете, совершила поджог, чтобы получить деньги по страховке.

В другом случае утонченная, образованная и мягкая женщина, попавшая из благосостояния в крайнюю нужду, совершила кражу, чтобы оплатить школьные сборы своего сына. Когда ее арестовали, она отказалась назвать свое имя, чтобы не опозорить мальчика, и, возможно, ее личность так и не была бы установлена, если бы ее не узнал адвокат в суде. Она умерла от разрыва сердца через несколько дней после суда.

ЧАСТЬ II

ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПРИЧИНЫ И ЛЕЧЕНИЕ

ГЛАВА I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Чтобы определить происхождение действий, которые мы называем преступными, нам придется обратиться к очень отдаленному периоду в истории человеческой расы. Во всех эпохах, о которых существуют записи, мы находим следы преступных действий. В самом деле, если мы тщательно изучим обычаи диких народов, как прошлых, так и нынешних, то обнаружим, что многие действия, которые сегодня цивилизованные народы считают преступными, были законными в прежние времена и до сих пор считаются таковыми среди примитивных рас.

Согласно Пикте, латинское слово *crimen* происходит от санскритского *karman*, что означает действие, соответствующее *kri* - делать. Этому противоречит Ваничек, который выводит его из *kru*, to hear, *croemen* (обвинение). Во всяком случае, санскритское слово *apaz*, означающее грех, соответствует *apas*, работа (*opus*), латинское *facinus* происходит от *facere*, а *culpa*, по мнению Пикте и Потта, от санскритского *kalp*, делать или исполнять. Латинское слово *fur* (вор), которое Ваничек выводит из *bahr*, нести, еврейское *ganav* и санскритское *sten* означают только откладывать, прятать, покрывать (*gonav*). Греческое слово *peirao* (πειράω), от которого происходит пират, означает рисковать; греческое *chleptein* (χλέπτειν) прятать или красть, происходит от санскритского *harp-hlap* прятать и красть (Vanicek).

В Индии, от Цейлона до Гималаев, детоубийство освящено религией не только среди более варварских рас, но и среди знати - раджпутов, которые считают себя обесчещенными, если одна из их дочерей остается незамужней. Жители острова Тикопия убивают больше детей мужского пола, чем женского, что объясняет практику многоженства.

Марко Поло рассказывает о детоубийстве, практикуемом в Японии и Китае, которое тогда, как и сейчас, было средством регулирования численности населения. Такая же практика, характерная для бушменов, готтентотов, фиджийцев, существовала и среди аборигенов Гавайских островов и Америки. На острове Таити, по свидетельству миссионеров, две трети рожденных детей уничтожаются их родителями.

"Среди гуарани, - говорит д'Азара, - матери убивают большую часть своих младенцев женского пола, чтобы оставшиеся в живых дети ценились более высоко". (*Путешествия по Америке*, 1835.)

У карфагенян изначально существовал обычай приносить в жертву Кроносу (Молоху) самых благородных и красивых детей, но впоследствии жертвы всегда покупались и выращивались для этой цели. После поражения от Агафокла они принесли в жертву двести детей, принадлежавших к самым знатным карфагенским семьям, чтобы утихомирить божественный гнев.

Подобные обычаи были у финикийцев, египтян, критян, киприотов, родосцев и персов.

Среди лидийцев священные куртизанки были настолько многочисленны и богаты, что их пожертвования в мавзолей Алятты превышали пожертвования художников и купцов вместе взятых (Геродот, Книга I.); в Армении (Страбон XII.) только жрицам разрешалось заниматься многоженством, а в Мидии женщина, хваставшаяся пятью мужьями, была очень почитаема, что показывает, что многоженство было не только разрешено, но и почитаемо.

В Тибете старший мужчина в семье делит свою жену с братьями, вся семья живет в доме невесты, а дети наследуют ей. *У тогда* жена берет в жены всех младших братьев мужа, когда они достигают совершеннолетия, а они, в свою очередь, становятся мужьями ее младших сестер (Short).

Среди *наиров*, знатной касты негров на Малабаре, принято, чтобы одна женщина имела пять или шесть мужей, максимальное число которых может быть десять.

В Египте профессия вора была признана. Те, кто желал заниматься этим призванием, записывали свои имена на общественной табличке, собирали все украденные вещи в одном месте и возвращали их владельцам в обмен на определенную монету. Древние германцы поощряли молодежь совершать набеги на имущество соседних народов, чтобы у них не развивалась привычка к безделью. Фукидид утверждает, что греки, а также варварские народы, населявшие острова и побережья, были пиратами, и призвание это было благородным.

Среди спартанцев, как известно, воровство было разрешено, но неудачливый мародер, пойманный на месте преступления, наказывался не за сам поступок, а за недостаток мастерства. В Восточной Африке, согласно Бертону (*First Footsteps in East Africa*, p. 176), грабеж считается почетным. В Караманзе (Португальская Гвинея) в Африке бок о бок с мирными багну, возделывающими рис, живут баланте, которые живут за счет погони и добычи от своих набегов. Они убивают тех, кто осмеливается воровать в своей родной деревне, но при этом поощряют грабежи других племен (*Revue d' Anthropologie*, 1874). Самые ловкие воры пользуются большим уважением, платят за обучение мальчиков своему ремеслу и выбираются во главе экспедиций.

В Индии племя Закка Кхел посвятило себя этому бесчестному занятию, и при рождении каждый ребенок мужского пола посвящается в воры с помощью особой церемонии, в ходе которой новорожденного пропускают через пролом в стене дома его отца, при этом трижды хором произносятся слова "Стань вором". Среди древних германцев, по свидетельству Тацита, кражи, совершенные вне пределов самого племени, были отнюдь не позорными. При большом стечении народа вождь призывал тех, кого он хотел, следовать за ним; они демонстрировали свою готовность, поднимаясь на ноги под аплодисменты толпы. На тех, кто отказывался принять участие, смотрели как на дезертиров и предателей (Spencer, *Principles*

of Ethics, 1895). Среди команчей (Mülhausen, *Diary of a Journey from the Mississippi to the Pacific*) ни один человек не считался достойным быть причисленным к воинам племени, если он не принимал участия в какой-нибудь успешной грабительской экспедиции. Самые ловкие воры были самыми уважаемыми членами племени. Ни один патаговец не считается достойным жены, если он не обучился искусству грабежа чужаков (Snow, *Two Years' Cruise round Tierra del Fuego*). Среди кукисов (Dalton, *Descriptive Ethnology of Bengal*) умение воровать - самый уважаемый талант. В Монголии (Gilmour, *Among the Mongols*) воры считаются уважаемыми членами общества, если они воруют ловко и избегают обнаружения.

Преступность у детей

Преступные инстинкты, свойственные первобытным дикарям, были бы пропорционально присущи почти всем детям, если бы на них не влияло нравственное воспитание и пример. Это не означает, что без воспитательных ограничений все дети превратятся в преступников. По наблюдениям профессора Марио Каррара в Кальяри, группы безнадзорных детей, которые бегают по улицам сардинской столицы и пристрастились к воровству и более серьезным порокам, спонтанно исправляются от этих привычек, как только достигают половой зрелости.

Этот факт, что зародыши морального безумия и преступности обычно обнаруживаются в человеке на первых этапах его существования, точно так же, как формы, считающиеся чудовищными, когда они проявляются у взрослых, часто существуют в foetus, - настолько простой и распространенный феномен, что он ускользал от внимания, пока не был ясно продемонстрирован такими наблюдателями, как Моро, Перес и Бейн. Ребенок, как и некоторые взрослые, чья ненормальность заключается в отсутствии морального чувства, представляет собой то, что известно алиенистам как морально ненормальное существо, а криминологам как прирожденный преступник, и он, безусловно, напоминает эти типы в своем импульсивном насилии.

Перес (*Psychologie de l'enfant*, 2d ed., 1882) отмечает частоту и быстроту возникновения гнева у детей:

"В течение первых двух месяцев он проявляет движениями бровей и рук несомненные приступы гнева, когда подвергается какому-либо неприятному процессу, например, мытью, или когда его лишают какого-либо предмета, который ему нравится. В возрасте одного года он доходит до того, что бьет тех, кто вызывает его неудовольствие, разбивает тарелки или бросает их в тех, кто ему не нравится, в точности как дикари".

Моро (*De l'Homicide chez les enfants*, 1882) приводит многочисленные случаи, когда дети впадают в ярость, если их желания не выполняются немедленно. В одном случае, наблюдаемом им, очень умный ребенок восьми лет, когда родители или посторонние люди упрекали его даже в самой мягкой форме, впадал в яростный гнев, хватался за ближайшее оружие, а если оказывался не в состоянии отомстить, ломал все, что попадалось под руку.

Одна девочка проявляла крайне буйный нрав, но по достижении двух лет стала кроткой (Перес). Другая, наблюдаемая тем же автором, когда ей было всего одиннадцать месяцев, впадала в буйную ярость, потому что ей не удалось оторвать нос своему дедушке. Еще одна, в возрасте двух лет, пыталась укусить другого ребенка, у которого была такая же кукла, как у нее, и так сильно разгневалась, что потом три дня болела.

Нино Биксио, когда ему было семь лет (*Vita, Guerzoni, 1880*), увидев, что его учитель смеется из-за того, что он написал упражнение на конторской бумаге, бросил чернильницу ему в лицо. Этот мальчик был буквально ужасом школы из-за жестокости, которую он проявлял при малейшей обиде.

Известны случаи, когда младенцы семи-восьми месяцев царапались при любой попытке отнять у них грудь и отвечали шлепками.

Один отсталый и слегка гидроцефальный мальчик, за которым наблюдал мой отец, в возрасте шести лет начал проявлять сильное раздражение при малейшем упреке или исправлении. Если ему удавалось ударить того, кто его раздражал, его ярость немедленно утихала; если нет, он беспрестанно кричал и кусал себя за руки с жестами, похожими на те, которые часто можно наблюдать у медведей в клетке, которых дразнят, а они не могут ответить.

Приведенные выше случаи показывают, что желание отомстить чрезвычайно распространено и развивается у детей. Гнев - это элементарный инстинкт, врожденный в человеческие существа. Его следует направлять и сдерживать, но никогда нельзя искоренить.

В первые месяцы или годы своего существования дети совершенно лишены нравственного чувства. Добро и зло в их понимании - это то, что разрешено и что запрещено старшими, но они не способны самостоятельно судить о моральной ценности того или иного поступка.

"Ложь и непослушание - это очень плохо, - сказал мальчик Пересу, - потому что они неприятны маме". Все, к чему он привык, было правильным и необходимым.

Ребенок не постигает абстрактных идей справедливости или прав собственности, пока его не лишат какого-то имущества. Он склонен ненавидеть несправедливость, особенно когда сам является ее жертвой. Несправедливость, по его мнению, - это разлад между привычным и случайным способом обращения. Когда его ставят в другие условия, он проявляет полную неуверенность. Ребенок, отданный под опеку Переса, менял свои привычки в зависимости от каждого нового поступления. Он начал приказывать своим товарищам и отказывался подчиняться кому-либо, кроме Переса.

Привязанность у детей развита очень слабо. Их воображение легко привлекает приятная внешность или все, что способствует их развлечению; подобно домашним животным, которых они любят дразнить и тянуть за собой, они проявляют большую антипатию к незнакомым предметам, внушающим им страх. До семи лет или даже после они почти ни к кому не проявляют настоящей привязанности. Даже своих матерей, которых они, кажется, любят, они быстро забывают после короткой разлуки.

В заключение следует сказать, что в детях проявляется множество импульсов, которые мы наблюдали у преступников: гнев, дух мести, безделье, непостоянство и отсутствие привязанности.

Мы также отметили, что многие действия, считающиеся преступными в цивилизованных сообществах, являются нормальной и законной практикой среди примитивных рас. Поэтому очевидно, что такие действия естественны для ранних стадий как социальной эволюции, так и индивидуального психического развития.

В свете этих фактов нет ничего странного в том, что в цивилизованных сообществах появляется определенный процент взрослых людей, совершающих действия, которые считаются вредными для общества и караются законом. Это всего лишь атавистический феномен, возвращение к прежнему состоянию. Кроме того, у преступника это явление сопровождается другими, также естественными для примитивной стадии эволюции. О них уже говорилось в первой главе, где описано множество странных обычаев, свойственных преступникам и явно имеющих первобытное происхождение - татуировка, жестокие игры, любовь к оргиям, своеобразный сленг, напоминающий в некоторых чертах языки первобытных народов, использование иероглифов и пиктографии.

Рис. 22

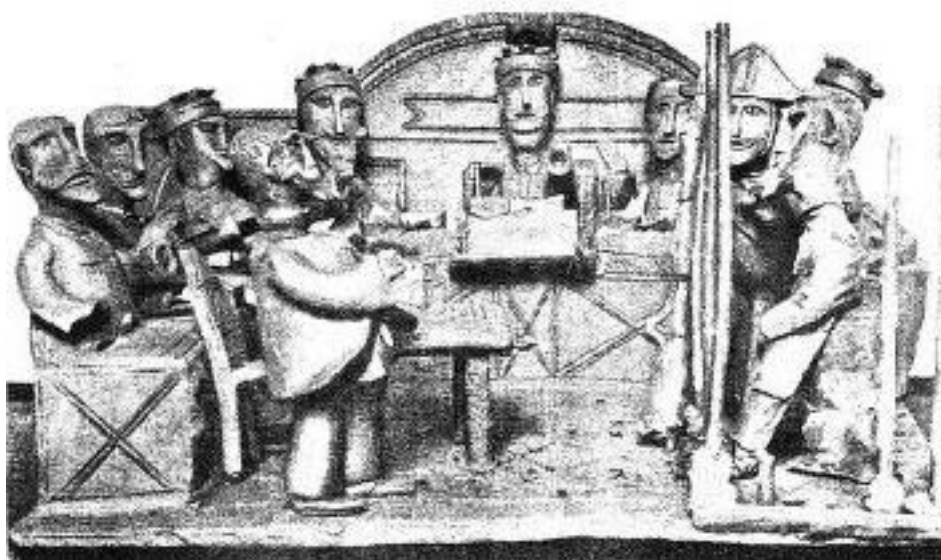

Художественные проявления преступника имеют те же особенности. Несмотря на тысячи лет, отделяющие его от доисторических дикарей, его искусство является точным воспроизведением первых, грубых художественных попыток примитивных рас. В музее криминальной антропологии, созданном моим отцом, хранятся многочисленные образцы криминального искусства: камни, по форме напоминающие человеческие фигуры, как в Австралии, грубая керамика, покрытая узорами, напоминающими египетские украшения ([рис. 22](#)), или сцены из терракоты ([рис. 23](#)), напоминающие гротескные творения детей или дикарей.

Преступник - это атавистическое существо, реликт исчезнувшей расы. Это далеко не редкое явление в природе. Атавизм, возвращение к прежнему состоянию, - это первый слабый признак реакции, которую природа вызывает в ответ на возмущающие причины, стремящиеся изменить ее тонкий механизм. При определенных неблагоприятных условиях, холоде или бедной почве, обычный дуб приобретает черты дуба четвертичного периода. Собака, оставленная на произвол судьбы в лесу, через несколько поколений вернется к типу своего первоначального волкоподобного прародителя, а культивируемые садовые розы, когда ими пренебрегают, проявляют тенденцию вновь принять форму первоначальной собачьей розы. В особых условиях, вызванных алкоголем, хлороформом, жарой или травмами, муравьи, собаки и голуби становятся раздражительными и дикими, как их дикие предки.

Эта тенденция к изменению в особых условиях характерна и для человека, у которого голод, сифилис, травмы и, что еще чаще, болезненные состояния, унаследованные от безумных, преступных или больных предков, или злоупотребление нервными ядами, такими как алкоголь, табак или морфий, вызывают различные изменения, из которых преступность, то есть возвращение к характеристикам, свойственным первобытным дикарям, в действительности является наименее серьезной, поскольку представляет собой менее продвинутую стадию, чем другие формы изменения головного мозга.

Этиология преступности, таким образом, смешивается с этиологией всех видов дегенерации: рахита, глухоты, уродства, волосатости и кретинизма, из которых преступность является лишь разновидностью. Однако преступность всегда рассматривалась как нечто отдельное, из-за общего инстинктивного отвращения к тому, чтобы признать, что явление, чьи проявления столь обширны и проникают во все сферы общественной жизни, на самом деле происходит от тех же причин, что и такие социально незначительные формы, как рахит, бесплодие и т. д. Но на самом деле это отвращение - всего лишь чувственная иллюзия, как и многие другие, имеющие самую разнообразную природу.

Художественное производство из тюрьмы
(см. [стр. 135](#))

Рис. 24

Бой между разбойниками и жандармами
Спроектированный преступником
(см. [стр. 135](#))

Патологическое происхождение преступности. Атавистическое происхождение преступлений - это, безусловно, одно из самых важных открытий криминальной антропологии, но оно важно лишь теоретически, поскольку просто объясняет это явление. Вскоре антропологи поняли, насколько необходимо дополнить это открытие открытием происхождения или причин, которые вызывают в определенных индивидах эти атавистические или преступные инстинкты, поскольку именно непосредственные причины составляют практическое ядро проблемы, и именно их устранение делает возможным лечение болезни.

Эти причины делятся на органические и внешние факторы преступности: первые - отдаленные и глубоко укоренившиеся, вторые - сиюминутные, но часто определяющие преступное деяние, а третьи - тесно связанные и слитые воедино.

Наследственность - главная органическая причина преступных наклонностей. Ее можно разделить на два класса: косвенная наследственность от дегенеративной семьи, среди членов которой нередко случаи сумасшествия, глухоты, сифилиса, эпилепсии и алкоголизма; прямая наследственность от преступных родителей.

Непрямая наследственность. Почти все формы хронических, конституциональных заболеваний, особенно нервного характера: хорея, радикулит, истерия, сумасшествие и, прежде всего, эпилепсия, могут породить преступность у потомков.

Из 559 солдат, осужденных за правонарушения, обследованных Бранкалеоне РибAUDO, 10 % имели родителей-эпилептиков. По данным Дежерина, среди преступников-эпилептиков эта цифра достигает 74,6%. Известно, что артрит и подагра порождают преступность у потомков. Но самой серьезной и в то же время самой распространенной формой косвенной наследственности является алкоголизм, который, вопреки общему мнению, несет разрушения во всех классах общества, среди богатых и бедных без различия пола, ибо алкоголь может проникать повсюду под самой изысканной и приятной маскировкой, в ликерах, сладостях и кофе.

По подсчетам моего отца, 20 % итальянских преступников происходят из семей опьянителей; по данным Пенты, этот процент составляет 27, а среди опасных преступников - 33 %. Семья Джуксов, о которой мы поговорим позже, происходила от пьяницы.

Первой отличительной чертой наследственного алкоголизма является преждевременное появление вкуса к интоксикантам; во-вторых, восприимчивость к алкоголю, который бесконечно более вреден для потомства пьяниц, чем для нормальных людей; в-третьих, рост тяги к крепким напиткам, которые неизбежно подрывают конституцию.

Прямая наследственность. Последствия прямой наследственности еще более серьезны, ведь они усугубляются средой и воспитанием. По официальной статистике, 20 % малолетних преступников принадлежат к семьям с сомнительной репутацией, а 26 % - к тем, чья репутация основательно испорчена. Преступник Галлетто, уроженец Марселя, был племянником столь же свирепого антропофага, нарушителя прав женщин, Орсолано. Дюмоллар был сыном убийцы; дед и прадед Патето сидели в тюрьме, как и деды и отцы Папе, Крокко, Серравалле и Кавалланте, Комптуа и Лемпаве; родители знаменитой женщины-воровки Санс Рефус были оба ворами.

Генеалогическое исследование некоторых семей показало, что существуют целые поколения, почти все члены которых принадлежат к числу преступников, сумасшедших и проституток (последнее среди женщин эквивалентно преступности среди мужчин). Яркий пример тому - печально известная семья Джуксов, насчитывающая 77 преступных потомков.

Родоначальник, Макс Джукс: 77 преступников; 142 бродяги; 120 проституток; 18 содержателей домов с дурной славой; 91 незаконнорожденный; 141 идиот или страдающий импотенцией или сифилисом; 46 бесплодных женщин.

Подобный криминальный контингент можно найти в родословной Кретьена, Лемайеров, семьи Фиески и т. д.

Раса. Этот вопрос имеет большое значение в связи с атавистическим происхождением преступности. Существуют целые племена и расы, в большей или меньшей степени склонные к преступлениям, как, например, племя Закка Кхел в Индии. Во всех регионах Италии целые деревни представляют собой очаги преступности, что, несомненно, обусловлено этническими причинами: Артена в провинции Рим, Карде и Сан-Джорджо Канавезе в Пьемонте, Пергола в Тоскане, Сан-Северо в Апулии, Сан-Мауро и Никосия на Сицилии. Частота убийств в Калабрии, Сицилии и Сардинии в основном обусловлена африканскими и восточными элементами.

В цыганах мы имеем целую расу преступников со всеми страстями и пороками, характерными для правонарушителей: праздность, невежество, порывистая ярость, тщеславие, любовь к оргиям и свирепость. Убийства часто совершаются ради какой-то пустяковой выгоды. Женщины - искусные воровки и обучают своих детей нечестным приемам. Напротив, процент преступлений среди евреев всегда ниже, чем среди окружающего населения; хотя среди них распространены некоторые специфические формы преступлений, часто наследственные, такие как мошенничество, подлог, клевета и, прежде всего, торговля проституцией; убийства крайне редки.

Болезни, интоксикации, травматизм

Эти причины, хотя и кажутся такими же важными, как и наследственность, на самом деле являются гораздо менее значимыми. И болезни, и травмы могут усиливать или вызывать скрытые извращения, но реже становятся их причиной. Есть, однако, некоторые случаи, когда травматический менингит, тиф или другие заболевания, поражающие мозг, несомненно, вызвали преступные наклонности у доселе нормальных людей. Двадцать из 290 преступников, которых мой отец изучал с особой тщательностью, страдали от травм головы в детстве; а недавно ему на глаза попался случай, когда юноша из хорошей семьи и с прекрасным характером получил травму головы в возрасте четырнадцати лет и заболел эпилепсией, превратившись впоследствии в азартного игрока, вора и убийцу. Такие случаи, однако, встречаются нечасто.

Есть одна болезнь, которая без других причин - либо наследственного вырождения, либо пороков, вызванных плохим воспитанием и окружением, - способна превратить здорового человека в порочное, безнадежно злое существо. Этой болезнью является алкоголизм, о котором мы уже говорили в предыдущей главе, но на котором я должен остановиться еще раз, поскольку он является столь важным фактором преступности.

Только временное пьянство может привести к преступлению, так как оно разжигает страсти, затуманивает умственные и нравственные способности и уничтожает всякое чувство приличия, заставляя людей совершать преступления в состоянии автоматизма или сомнамбулизма. Иногда пьянство порождает kleptomania. Небольшой перебор в выпивке заставит абсолютно честных людей присваивать любые предметы, которые попадутся им под руку. Когда действие алкоголя ослабевает, они испытывают стыд и раскаяние и спешат вернуть украденное. Алкоголь, однако, чаще всего становится причиной насилия. Один офицер, знакомый с моим отцом, будучи пьяным, дважды пытался пронзить шпагой своих друзей и собственного сопровождающего.

Среди восточных сект убийц, как хорошо известно, убийственная ярость возбуждалась и поддерживалась напитком, сваренным для этой цели из конопляного семени.

Бюхнер показывает, что инстинкты нечестности можно развить у пчел с помощью специального корма, состоящего из меда, смешанного с коньяком. Насекомые приобретают

вкус к этому напитку так же, как и люди, и под его воздействием перестают работать. Похожие симптомы наблюдаются у муравьев после наркоза с помощью хлороформа. Их тела остаются неподвижными, за исключением головы, которой они огрызаются на всех, кто к ним приближается.

Приведенные выше случаи свидетельствуют о существовании разновидности алкогольной психической эпилепсии, сходной с врожденной эпилепсией, при которой после алкогольного отравления человек побуждается поднять руку на себя или других без всякой на то причины. Но помимо насильственных преступлений, совершаемых в пьяном виде, длительное злоупотребление алкоголем, опиумом, морфием, кокаин и другими нервными препаратами может привести к хроническому возмущению психики, и без других причин, врожденных или воспитательных, превратить честного, воспитанного и трудолюбивого человека в праздного, жестокого и апатичного товарища, в невежественное существо, способное на любые развратные действия, даже когда он не находится под непосредственным воздействием наркотика.

Когда мы были детьми, в нашем доме часто бывал некий Бельм... (см. [рис. 16](#), гл. III.), очень умный человек и искусный лингвист. Он был военным офицером, но позже занялся журналистикой, и его сочинения отличались живым стилем и высотой мысли. Он женился, у него было несколько детей, но в возрасте тридцати лет какая-то беда заставила его начать пить. Вскоре его характер полностью изменился. Хотя раньше он был гордым человеком, теперь он не стеснялся приставать к друзьям с просьбами о деньгах и позволять своей семье погружаться в жесточайшую нищету.

Социальные причины преступности

Образование. Теперь мы переходим ко второму ряду криминальных факторов - тем, которые зависят не от организма, а от внешних условий. Мы уже говорили, что самое лучшее и тщательное воспитание, моральное и интеллектуальное, бессильно добиться улучшения у нравственно ненормальных, но в других случаях воспитание, окружение и пример чрезвычайно важны, по этой причине безнадзорные и обездоленные дети легко приобщаются к дурной практике.

В Неаполе "Эспозито" (подкидыш) - распространенное имя среди заключенных, как и в Болонье и Ломбардии - "Коломбо", означающее то же самое. В Пруссии незаконнорожденные мужчины составляют 6 % преступников, незаконнорожденные женщины - 1,8 %; в Австрии - 10 и 2 % соответственно. Среди малолетних преступников, проституток и рецидивистов этот процент значительно выше. Во Франции в 1864 году 65 % арестованных несовершеннолетних были незаконнорожденными или сиротами, а в Гамбурге 30 % проституток были незаконнорожденными. В Италии 30 % рецидивистов - это естественные дети и подкидыши.

Это в значительной степени зависит от наследственности, которая, как правило, плохая, но еще больше от трудности найти средства к существованию из-за состояния запустения, в котором находятся эти несчастные существа, даже когда их собирают в благотворительные школы и сиротские приюты - оба из которых еще более антигигиеничны в моральном, чем в физическом плане.

Развращенное окружение, которое поощряет или даже настаивает на совершении противоправных действий, и дурной пример родителей или родственников оказывают на детей еще более злое влияние, чем дезертирство. Преступная семья Корну, обнаружив, что один из их детей, маленькая девочка, категорически не приемлет их злодеяний,

заставила ее пронести голову одной из жертв в своем сарафане несколько миль, после чего она стала одной из самых свирепых в группе.

Метеоритные причины часто являются определяющим фактором для окончательного импульсивного поступка, который превращает латентного преступника в эффективного. Чрезмерно высокая температура и резкие перепады барометра, предрасполагая эпилептиков к судорожным припадкам, а безумцев - к беспокойству, неугомонности и шумным вспышкам, способствуют ссорам, дракам и поножовщине. Этой же причине можно приписать распространенность в жаркие месяцы изнасилований, убийств, мятежей и восстаний. Сравнивая статистику преступности во Франции с колебаниями температуры, Ферри отметил рост преступлений, связанных с насилием, в теплые годы. Изучение европейской и американской статистики показывает, что количество убийств уменьшается по мере перехода от жаркого к более прохладному климату. Хольцендорф подсчитал, что количество убийств, совершенных в южных штатах Северной Америки, в пятнадцать раз превышает количество убийств, совершенных в северных штатах. Низкая температура, напротив, увеличивает число преступлений против собственности, что связано с повышенной необходимостью, и как в Италии, так и в Америке доля краж возрастает тем больше, чем дальше на север мы продвигаемся.

Плотность населения. Скопление людей в большом городе является определенным стимулом для преступлений против собственности. Грабежи, мошенничества и преступные сообщества увеличиваются, в то время как количество преступлений против личности уменьшается из-за ограничений, налагаемых взаимным надзором.

"Тот, кто изучал человечество, или, что еще лучше, сам [пишет мой отец], должен был заметить, как часто человек, уважаемый и сдержанный в кругу своей семьи, становится непристойным и даже безнравственным, когда оказывается в обществе нескольких своих товарищей, к какому бы классу они ни принадлежали. Примитивные инстинкты воровства, убийства и похоти, зародыши которых дремлют в каждом человеке, пока он одинок, особенно если они сдерживаются разумным нравственным воспитанием, пробуждаются и внезапно достигают гигантских размеров, когда он вступает в контакт с другими людьми, причем их рост усиливается у тех, кто уже обладает такими преступными наклонностями в заметной степени".

Во всех больших городах низкие ночлежные дома являются излюбленными местами преступлений.

Подражание. Подробные отчеты о преступлениях, распространяемые в больших городах газетами, оказывают крайне пагубное влияние, потому что пример - мощное средство как для зла, так и для добра.

В Марселе в 1868 и 1872 годах газетные сообщения о случаях дезертирства детей вызвали совершенную эпидемию подобных случаев, доходившую в одном случае до восьми за один день.

Говорят, что перед тем, как Корридори убил директора своей школы-интерната, он заявил: "Будет повторение того, что случилось с директором в Катанзаро" (который был убит таким же образом).

Анархист Луккези убил Банти в Ливорно вскоре после убийства Карно Казерио и в похожей манере. Некоторые формы преступлений, которые становятся обычными в определенные

периоды, бросание бомб, разрезание тел убитых, особенно женщин, и мошенничества особого типа, безусловно, можно объяснить подражанием, как и насилие, совершаемое толпами, в которых жестокость принимает форму эпидемии, поражающей даже людей с мягким нравом.

Иммиграция. Агломерация населения, вызванная иммиграцией, является сильным стимулом для преступности, особенно связанной с ней, - из-за роста нужды, ослабления надзора и, как следствие, легкости, с которой преступники избегают обнаружения. В Нью-Йорке наибольший контингент преступников составляют иммигранты.

Факт агломерации объясняет большую частоту убийств во Франции в густонаселенных районах.

Преступность иммигрантского населения возрастает в прямой зависимости от его нестабильности. Это относится к мигрирующему населению внутри страны, особенно к тому, которое не имеет определенного места назначения, как, например, торговцы и т.д. Даже те иммигранты, которых мы, естественно, считаем людьми доброго нрава - религиозные паломники - совершают значительное количество сопутствующих преступлений.

Итальянское слово *mariuolo*, означающее "мошенник", обязано своим происхождением поведению некоторых паломников к святыням Лорето и Ассизи, которые, восклицая *Viva Maria!* ("Слава Деве Марии!") совершали самые жестокие преступления, уверенные, что само паломничество послужит им средством искупления. В своих *"Воспоминаниях"* Массимо д'Азельо отмечает, что места, где находятся прославленные святыни, всегда пользуются дурной репутацией.

Тюремная жизнь. Плотность населения в самых криминальных городах не оказывает такого дурного влияния, как содержание в тюрьмах, которые вполне можно назвать "криминальными университетами".

Почти все лидеры злоумышленников: Майно, Ломбардо, Ла Гала, Лакенер, Суфляр, Хардуэн были беглыми каторжниками, которые выбирали себе сообщников среди тех своих сокамерников, которые проявили дерзость и свирепость. На самом деле, в тюрьме преступники имеют возможность знакомиться друг с другом, обучать менее опытных в подлом деле и объединяться для достижения злых целей. Даже дорогостоящая система сотовой связи, от которой ожидалось столько преимуществ, не достигла своей цели и не препятствует общению между заключенными. Более того, в тюрьме семи-восьмилетние дети, посаженные за кражу виноградной грозди или птицы, вступают в тесный контакт со взрослыми и приобщаются к дурным обычаям, о которых эти маленькие бедные жертвы глупых законов раньше были совершенно не осведомлены.

Образование. Вопреки общему мнению, влияние образования на преступность очень незначительно.

Число арестованных в Европе неграмотных пропорционально меньше, чем образованных людей. Тем не менее, хотя определенная степень образованности часто способствует преступности, ее распространение действует как корректор, или, по крайней мере, имеет тенденцию смягчать характер совершаемых преступлений, делая их менее свирепыми, и уменьшать количество насильственных преступлений, в то время как мошеннические и сексуальные преступления увеличиваются.

Профессии. Профессии, способствующие пьянству тех, кто им следует (повара, кондитеры, трактирщики), те, которые приводят бедных (слуги всех видов, особенно лакеи, кучера и

шоферы) в контакт с богатством, или , которые обеспечивают средства для совершения преступлений (каменщики, кузнецы и т. д.), обеспечивают заметную долю преступности. В еще большей степени это относится к профессиям нотариуса, судебного исполнителя, адвоката и военного.

Следует, однако, заметить, что характерная для преступников праздность не позволяет им выбирать какую-либо профессию, а если они и выбирают ее, то их крайнее непостоянство побуждает их постоянно менять ее.

Экономические условия. Бедность часто является прямым стимулом к воровству, когда несчастные жертвы экономических условий оказываются лицом к лицу с голодной смертью, и действует еще косвенно через некоторые болезни: пеллагру, алкоголизм, золотуху и цингу, которые являются результатом несчастья и приводят к преступному вырождению; тем не менее, ее влияние часто преувеличивается. Если воры, как правило, не имеют ни гроша, то это объясняется их крайней праздностью и поразительной экстравагантностью, благодаря которой они с легкостью проматывают огромные суммы, а не тем, что бедность подтолкнула их к воровству. С другой стороны, обладание богатством часто является стимулом к преступлению, потому что оно порождает постоянно растущий аппетит к богатству, а также предоставляет тем, кто занимает высокие государственные посты или важные должности в банковском и торговом мире, многочисленные возможности для подлости и убеждает их в том, что деньги покроют любое злодеяние.

Секс. Статистика всех стран показывает, что доля преступности женщин очень мала по сравнению с долей преступности противоположного пола. Эта доля становится еще меньше, если исключить детоубийства, поскольку почти во всех подобных случаях виновные должны быть классифицированы как преступники из страсти. В Австрии преступления, совершенные женщинами, едва ли составляют 15 % от общей преступности, в Испании - 11 %, в Италии - 8,2 %.

Однако это относится только к тяжким преступлениям. В отношении менее тяжких статистика расходится с результатами, полученными современной школой, которая относит проституток к преступникам. Согласно этому способу расчета, разница между преступностью двух полов значительно уменьшается, что, возможно, приводит к незначительному преобладанию преступности среди женщин. В любом случае, женская преступность имеет тенденцию расти пропорционально росту цивилизации и сравняться с мужской.

Возраст. Больше всего преступлений совершается в возрасте от 15 до 30 лет, в то время как вспышки безумия между этими возрастными группами крайне редки, максимальное их количество приходится на возраст от 40 до 50 лет. В целом преступность гораздо более скороспелая, чем психическое отчуждение, и ее скороспелость, которая больше среди воров, чем среди убийц, мошенников и виновных в насилии и нападении, является еще одним доказательством врожденной природы преступности и ее атактистического происхождения, поскольку скороспелость характерна для диких рас.

Среди прирожденных преступников редко можно встретить признаки так называемой криминальной шкалы, ведущей по степеням от мелких правонарушений к преступлениям самого серьезного характера. Как правило, они начинают свою карьеру именно с тех преступлений, которые отличают ее на протяжении всей жизни, даже если они относятся к самым тяжким, таким как грабежи и убийства. Скорее можно сказать, что каждый возраст имеет свою специфическую преступность, и особенно это касается криминоидов. На границе между детством и юностью, по-видимому, существует некая инстинктивная

склонность к нарушению закона, которую незрелые умы часто считают признаком мужественности. Итальянский романист и поэт Мандзони очень хорошо описывает эту идею в "*Promessi Sposi*", говоря о полубезумном мальчике Джервазо, который "из-за того, что принял участие в заговоре, смахивающем на преступление, почувствовал, что внезапно стал мужчиной".

Эта мысль таится в жаргонном слове *omerta*, используемом итальянскими преступниками, которое означает не только быть мужчиной, но и человеком, достаточно смелым, чтобы нарушить закон.

ГЛАВА II

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Излечимость преступлений - совершенно новая идея, возникшая благодаря современной уголовной школе. До тех пор пока в глазах мира преступник был нормальным человеком, добровольно и сознательно нарушающим законы, не могло быть и речи об излечении, а скорее о наказании, достаточно суровом, чтобы предотвратить его рецидив и внушить другим спасительный страх перед нарушением закона.

В прошлые века оправдывались самые разные наказания: порка, каторжные работы, тюремное заключение и изгнание. В последнее столетие они выкристаллизовались в форме тюремного заключения, как наиболее гуманной, хотя на самом деле это самая нелогичная форма, поскольку она не служит ни запугиванию преступника, ни его исправлению. На самом деле, хотя тюрьма с ее принудительной разлукой с домом и семьей является страшным наказанием для тех честных людей, которые иногда страдают вместе с виновными, для обычных преступников она является пристанищем отдыха, или, на худой конец, ничем не уступает их обычным местам обитания. Здесь есть определенная доля лишения воздуха, света и пищи, но эти недостатки полностью компенсируются наслаждением полным досугом и компанией людей своего круга.

Если тюремное заключение не служит для запугивания инстинктивных преступников, то тем более оно не является средством перевоспитания. В силу какого закона любой человек, даже если он нормален, должен исправиться после определенного периода содержания в мрачной камере, где он изолирован от лучших элементов общества и лишен всех возвышающих влияний - искусства, науки и высоких идеалов; где он теряет регулярные привычки к работе, дисциплинирующую борьбу с обстоятельствами и чувство ответственности, естественное для свободных граждан, и запятнан постоянным контактом с худшими типами человечества?

Автобиографии преступников показывают нам, что тюрьма отнюдь не исправляет злодеев, а на самом деле является криминальным университетом, где содержатся преступники всех категорий в течение различных периодов времени; что она отнюдь не является средством искупления, а представляет собой рассадник разврата, где готовятся и развиваются микробы, которые впоследствии заражают общество, и в то же время именно в этом инкубаторе преступности общество ищет защиты от тех самых элементов беззакония, которые оно активно возвращает.

В своей книге *"Тюремные палимпсесты"* мой отец собрал все надписи, рисунки и аллегории, нацарапанные или написанные преступниками во время пребывания в тюрьме на стенах, посуде и книгах. От причитаний, отчаяния и раскаяния не осталось и следа, зато бесчисленные проклятия, планы мести врагам, проекты будущих краж и убийств, а также советы по разумному воспитанию преступников.

Хотя современная школа доказала бесполезность, а то и вредность тюрьмы, она не желает оставлять общество вдруг без защиты, а преступника на свободе. Природа не развивается скачками, и современная школа стремится совершить революцию, а не бунт в уголовной юриспруденции. Поэтому она предлагает постепенное преобразование существующей системы, которая должна быть сделана как можно менее вредной и как можно более полезной. Такого же курса придерживается современная медицинская наука, которая из первоначальных абсурдных средств и столь же абсурдных эмпирических операций теперь сумела поставить лечение болезней на более прочную основу опыта.

Современная школа стремится предотвратить формирование преступников, а не наказывать их, или, если не удастся предотвратить, добиться их излечения; а если не удастся излечить, изолировать такие безнадежные случаи на всю жизнь в подходящих институтах, которые должны защищать общество лучше, чем нынешняя система тюремного заключения, но быть полностью свободными от позора, связанного с тюрьмой. Современная школа предлагает лечить преступников превентивными и законодательными мерами.

Профилактические учреждения для обездоленных детей

Лечение преступности, как и любой другой болезни, имеет тем больше шансов на успех, чем раньше за него взялись. Поэтому особое внимание должно быть сосредоточено на детстве тех, кто может стать преступником: сироты и обездоленные дети, которые, став взрослыми, вносят наибольший вклад в преступность. Общество, серьезно решившее защитить себя от зла, должно, прежде всего, обеспечить хорошее образование тем несчастным, которые лишились своих естественных защитников в результате смерти или порока. Необходимо проявлять величайшую заботу о том, чтобы поместить их, когда это возможно, в респектабельные частные семьи, где они будут находиться под тщательным надзором, или в подходящие институты, где не пожалеют усилий, чтобы дать им хорошее образование и, что еще более важно, хорошую нравственную подготовку.

Для достижения этой цели государство не может сделать ничего лучше, чем пойти по стопам филантропов редкого таланта, таких как Дон Боско, доктор Барнардо, генерал Бут, Броквей и многие другие, которые так успешно спасали обездоленных детей.

Дон Боско, Черный Папа, как его называли в Турине, где он жил во второй половине прошлого века, был римско-католическим священником, основавшим многочисленные институты для детей-сирот во всех частях Италии и во многих частях обеих Америк, особенно Южной Америки. Психологическая основа, на которой он строил обучение детей в этих школах, была почерпнута в основном из опыта и оказалась настолько успешной на практике, что ее стоит процитировать:

"Большинство запущенных и брошенных детей [говорил он], имеют обычный характер и склонность, но склонны к переменчивости и безразличию. Краткие, но частые увещания, добрые советы, небольшие вознаграждения и поощрения за настойчивость очень эффективны, но прежде всего учитель должен проявлять полное доверие к своим

подопечным, не ослабляя при этом бдительности. Однако наибольшую заботу следует проявлять о непокорных учениках, которых, как правило, около одной пятой от общего числа. Учитель должен приложить особые усилия, чтобы досконально изучить их нравы и прошлую жизнь и убедить их в том, что он их друг. Их следует поощрять к свободной болтовне, в то время как беседа учителя должна быть краткой и изобиловать примерами, афоризмами и анекдотами. Прежде всего, демонстрируя полную уверенность в своих учениках, он никогда не должен терять их из виду.

"Периодические развлечения полезного и привлекательного характера, пикники и прогулки сделают мальчиков счастливыми и довольными. Распушенность - единственный порок, которого следует опасаться; любой мальчик, упорствующий в безнравственных практиках, должен быть исключен.

"Никогда не следует прибегать к суровым наказаниям. Репрессивная система может сдерживать невоспитанность, но никогда не может повлиять на нее в лучшую сторону. Она не доставляет особых хлопот тем, кто ею пользуется, и может быть эффективна в армии, состоящей из ответственных взрослых, но она оказывает пагубное влияние на молодежь, которая ошибается скорее по легкомыслию, чем из-за дурного нрава. Гораздо более подходящей в их случае является превентивная система, которая заключается в том, что их тщательно знакомят с правилами, которым они должны подчиняться, и следят за ними. Таким образом, они всегда чувствуют бдительность директора или его помощников, готовых подсказать и посоветовать им в любой ситуации и предугадать их желания. Ученики никогда не должны быть предоставлены сами себе, но при этом у них должна быть полная свобода, чтобы бегать, прыгать и развлекаться в своей шумной манере. Гимнастика, вокальная и инструментальная музыка, а также много упражнений на свежем воздухе - самые эффективные средства поддержания дисциплины и улучшения физического и умственного состояния мальчиков".

В институты, основанные Доном Боско, принимали только детей старше семи лет. Доктор Барнардо, спасший тысячи сирот и обездоленных детей в Лондоне и ставший свидетелем значительного снижения уровня преступности в столице, сосредоточил свои благотворные усилия на обездоленных детях с самого раннего возраста, стремясь как можно скорее вырвать их из дурной среды, в которой они родились. Кроме того, он желал, чтобы они разделили с более удачливыми детьми благословение счастливого детства, и постановил, что до семи лет они должны воспитываться без образовательных или иных ограничений, кроме привязанности тех, кто назначен присматривать за ними в первые годы, чтобы они могли впитать достаточно любви и радости на всю оставшуюся жизнь. Именно такого правила придерживаются в зданиях, отведенных для младенцев, - "Птичьей замке", "Крошечном домике" и "Джерси-хаусе", которые являются идеальными гнездами для счастливых птиц.

Несмотря на кажущуюся невозможность получить индивидуальное образование в школе, благодаря системе, разработанной доктором Барнардо, дети постарше действительно пользуются этим преимуществом. Новичков помещают в специальное отделение до тех пор, пока не будут выяснены факты их прошлой жизни и не сформируется представление об их индивидуальности. Результаты этих предварительных расспросов определяют, в какую школу будет помещен мальчик и какой профессии он будет следовать. Более того, любому мальчику, желающему сменить род деятельности, предлагается сделать это. Каждый год проводится повторное распределение в соответствии со способностями ребят к учебе и

ручному труду, а также их физическим и интеллектуальным развитием, при этом особое внимание уделяется тому, чтобы младшие дети не попадали к тем, кто достиг более высокой стадии физического и умственного развития. Таким образом, обеспечивается свободное развитие различных индивидуальных способностей, избегая при этом такого распространенного недостатка школ, как превращение в многочисленных ребят, созданных по одному шаблону.

Придя к выводу, что жизнь в институте, несмотря на все эти меры предосторожности, не подходит для девочек, доктор Барнардо основал деревню на небольшом расстоянии от Лондона с коттеджами для детей обоих полов. Каждый коттедж содержит от пятнадцати до двадцати детей и образует семью, а домашние обязанности в доме выполняют девочки.

Однако доктор Барнардо понимал, что устройство детей в частные семьи - лучшее средство их спасения, и прилагал огромные усилия как в частном, так и в общественном порядке, чтобы побудить доброжелательных людей взять на воспитание его подопечных. Наконец, он организовал регулярную эмиграцию мальчиков в Канаду, где специальный агент обеспечивает им работу на фермах или фабриках.

Америка, безусловно, не отстает от Европы по количеству и совершенству организаций, занимающихся спасением маленьких беспризорников в городах. В каждом городе Соединенных Штатов, который я посетил, я имел удовольствие осмотреть такие учреждения, все из которых содержатся с необычайной заботой, а в некоторых случаях и с элегантноcтью. Среди прочих я могу упомянуть Еврейское приютское попечительское общество в Нью-Йорке и Республику Джорджа Джуниора во Фривилле, недалеко от Итаки, которые показались мне самыми оригинальными в своем роде.

Еврейское опекуновское общество - это сиротский приют для евреев, которым с редкой проникательностью и умом руководит мистер Льюиссон. Институт основан только для сирот, и здесь нет ограничений ни по возрасту, ни по состоянию. Младенцы и молодые люди, больные и здоровые, умные и умственно отсталые, нормальные и ненормальные, хорошие и плохие - все они желанные гости. Чтобы предотвратить переполненность учреждения и обеспечить приютом как можно больше детей, был создан комитет, который занимается поиском приюта в частных семьях для всех детей младше шести лет, а также для больных и ослабленных. Некоторая часть детей усыновляется, а другие остаются на пансионе, но сумма, выплачиваемая за их содержание, всегда меньше, чем стоило бы поместить их в школу; кроме того, всегда есть шанс, что они будут усыновлены позже. В возрасте шести лет все здоровые и крепкие дети поступают в Институт, который становится их домом, обеспечивая им питание, жилье, одежду, нравственное и религиозное воспитание и обучение какому-либо труду, но для того, чтобы они могли смешиваться с другими детьми, их обучают в государственных школах, и благодаря экономии средств и места Институт может принять большее количество детей, чем мог бы в противном случае.

Вместо привычной для подобных учреждений униформы, которая унижительным образом подчеркивает контраст между воспитанниками и более удачливыми детьми, имеющими родителей и дом, одежда сирот Еврейского попечительского общества разнообразна по цвету и стилю. Девочки, умеющие пользоваться иглой, переделывают их платья в соответствии со своими индивидуальными вкусами, и им разрешается шить, бесплатно или за плату, для мальчиков и других девочек института, которые не могут или не хотят делать эти переделки сами. По окончании школьных занятий мальчикам и девочкам старше двенадцати лет разрешается заниматься легкими профессиями - рукоделием, письмом и т.

д., предоставляемыми Институтом, чтобы они могли заработать немного карманных денег и научиться правильно их тратить.

После того как мальчики и девочки сдадут все нормативы начальной школы, они поступают в торговые школы, где остаются до тех пор, пока не овладеют каким-либо ремеслом, которое позволит им зарабатывать на жизнь. Тех, кто проявляет выдающиеся интеллектуальные или деловые способности, отправляют в колледжи или коммерческие школы.

Детей поощряют интересоваться общественной и политической жизнью, основывая миниатюрную республику, или, скорее, две отдельные республики, одна для мальчиков, другая для девочек, каждая со своим президентом, мальчиком или девочкой в зависимости от случая. В действительности, однако, они находятся под управлением дамы, которая придумывает для детей различные развлечения, чтение, игры и т.д., учит их музыке и рисованию, а также помогает маленькому президенту организовывать развлечения, на которые приглашаются посторонние, родственники и школьные товарищи.

Naffale Baigalyro
Naffale Baigalyro
Naffale Baigalyro
Naffale Baigalyro

Ma se tutte queste querele sp. sta del noia dormono al sonno
 beate dei fetta dormienti, non dormivano già quella infame
 che stavano a lavoro dello sp. Maia tutte potterono in quella
 spunta dal letto primo, giacché come già ebbi lorior da dire...

Naffale Baigalyro
Naffale Baigalyro

NOME
Naffale
 КОУПОМЕ
Baigalyro

Рис. 17
 Подписи преступников

Республика Джорджа Джуниора (Америка) - это совсем другое учреждение, основанное для непокорных и буйных мальчиков, которые не поддаются контролю родителей. Это разновидность исправительного учреждения, а не дом для слабаков.

Мистер Джордж, основатель Республики, человек оригинальный и умный, если я могу судить о его индивидуальности понаслышке, принял решение о ее создании после многих попыток подобного рода. Будучи обеспокоенным будущим стольких непокорных подростков, которые, предоставленные сами себе во время летних каникул, превращаются в хулиганов, он пригласил около сотни таких ребят провести летние месяцы в своем поместье во Фривилле, недалеко от Итаки, и попытался повлиять на них в лучшую сторону. Поначалу попытка не увенчалась успехом. Мистер Джордж вскоре понял, что, как бы легко ни было оказать благотворное влияние на одного или двух мальчиков, применяя мягкие методы, крайне трудно управлять сотнями таким образом. Однако он заметил, насколько справедливы и строги честные мальчики в своих играх и насколько они готовы осудить любую подлость, и у него возникла идея заставить своих подопечных присматривать друг за другом. Таким образом, каждый из них будет чувствовать себя ответственным судьей поступков своих товарищей.

В конце летних каникул 1895 года, когда пришло время мальчикам возвращаться домой, пятеро остались во Фривилле в коттедже на трех акрах земли; на следующий год число оставшихся ребят удвоилось или утроилось. Была основана миниатюрная республика, гражданами которой стали ребята, и в этом качестве они должны были принимать законы и настаивать на их соблюдении. Республика оказалась очень успешной, временная колония превратилась в постоянную, способную перевоспитать диких, неуправляемых мальчишек, которые, если бы им позволили бродить по улицам и смешиваться со старшими и более порочными ребятами, возможно, были бы уничтожены. Недавняя перепись населения республики показала, что в ней проживает 150 человек, 82 мальчика и 68 девочек, триста акров земли, двадцать четыре здания, часовня, тюрьма, школа и суд.

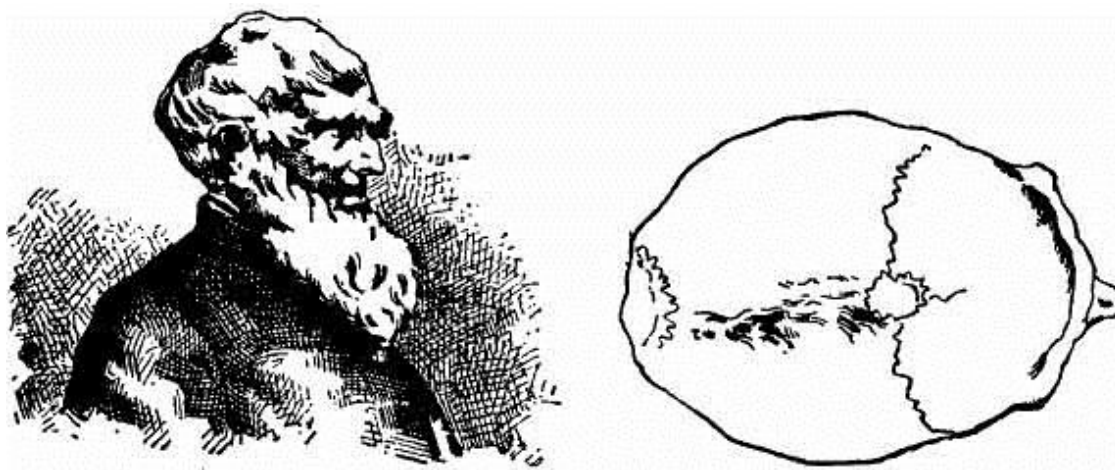

Рис. 20
Бригантина Гаспароне

Чтобы колонисты не потеряли полностью связь с внешним миром, но были в какой-то мере подготовлены к социальным требованиям своей будущей жизни, колония организована как миниатюрный город. Дети, мальчики и девочки, разделены на множество семей, каждая из которых состоит из десяти или двенадцати членов под руководством двух взрослых, которые занимают место родителей и следят за хозяйством. Большая часть населения занимается

сельским хозяйством, обрабатывая земли, принадлежащие Республике, но некоторая часть осваивает необходимые для каждого сообщества искусства и ремесла: столярное, переплетное, печатное, сапожное или магазинное дело. Колония чеканит собственные деньги и имеет банк, управляемый самими мальчиками, куда колонисты могут вкладывать свои сбережения. Весь труд и продукция оплачиваются отдельно. В колонии действуют свои законы, утвержденные парламентом, трибуналом, члены которого, выбранные из числа граждан, призваны следить за исполнением законов. Парламент, состоящий без различия пола, из мальчиков и девочек, устанавливает праздники, организует игры и развлечения, устанавливает государственные расходы, доходы, налоги и т. д. (см. [рис. 19](#) и [20](#)).

Результаты этой системы, судя по всему, отличные; большинство бывших колонистов хорошо себя зарекомендовали, и в связи с этим в разных частях Соединенных Штатов организуются республики по аналогичной схеме. В эту республику принимаются только дети старше двенадцати лет, которые остаются в колонии около трех лет.

Профилактические учреждения для обездоленных взрослых

Помимо учреждений для тщательного воспитания молодежи, методы предупреждения преступности включают в себя все попытки помочь молодым или взрослым людям в любой кризисный момент их жизни, когда они остаются без друзей и работы, поскольку именно тогда они наиболее подвержены искушению.

Народные гостиницы, приюты для эмигрантов и чужаков, читальни, недорогие, но полезные развлечения, вечерние классы для обучения ручному труду, бюро труда, организации помощи эмигрантам и т. д. являются наиболее эффективными учреждениями такого рода. В этой связи я должен упомянуть о работе Армии спасения, которая, судя по тому, что я смог наблюдать в Америке, кажется мне наиболее хорошо организованной из всех существующих благотворительных ассоциаций, поскольку с помощью тысячи рук она охватывает все формы бедности и несчастья и стремится сделать все свои учреждения самокупаемыми. Она борется с пьянством с помощью лекций, комнат отдыха и гостиниц; она борется с бедностью, исследуя каждый отдельный случай нищеты, посещая бедные семьи, оказывая сочувствие и помощь, предоставляя ночлег по минимальной цене и промышленные дома для тех, кто не имеет работы. Иногда комнаты превращаются в залы отдыха для пьяниц или промышленные школы для девочек бедных матерей, вынужденных выходить на работу, или временные больницы для экстренных случаев, которые из-за бюрократических формальностей больницы не могут принять немедленно, или комнаты с движущимися картинами для дружеских встреч по праздникам, таким образом прививая одну благотворительную работу к другой, чтобы получить наилучшие результаты при наименьших затратах.

В этой интересной книге *"Там, где удлиняются тени"* рассказывается о различных учреждениях, основанных Армией спасения в Соединенных Штатах. Существует шестьдесят пять промышленных домов, где безработные всех классов могут найти работу. В этих домах мусор и изношенные вещи, собранные в отдельных домах соответствующих городов, дезинфицируются и превращаются в полезные предметы, которые продаются по низким ценам соседним беднякам, принося пользу покупателям, рабочим и обществу в целом. В течение года эти дома дали работу 8696 мужчинам, раздали 1 318 044 обедов (рабочие, временно занятые в этих домах, имеют право только на питание и ночлег) и предоставили ночлег 463 550 человек.

Кроме того, армия располагает семьюдесятью семью гостиницами, где рабочие находят ночлег по низким ценам (достаточным для содержания приюта), и 7990 ночлежками, которые за год обеспечили ночной отдых 2 114 037 человек. Кроме того, у нее есть три

колонии на 420 человек, два пансиона для слуг и продавщиц, не имеющих работы, где за несколько пенсов они могут получить кровать, самостоятельно готовить себе еду, стирать и чинить одежду, а также получить помощь в поиске работы.

Армия спасения также имеет 22 Дома спасения, где молодые девушки, осужденные судом по делам несовершеннолетних и, как правило, более запущенные, чем порочные, исправляются с помощью заботы и ласки, и 3599 приютов, в которые в течение одного года была принята 1701 девушка.

Чтобы обеспечить тщательный надзор за всеми кварталами для бедных, Армия спасения разделила их на двадцать трущоб, в каждой из которых она создала штаб-квартиру и направила своих солдат для расследования и оказания помощи в случаях бедности и несчастия любого рода. В каждой трущобной штаб-квартире есть залы для собраний, комнаты для чиновников, детский сад и общежития, которые также служат приютами или больницами в экстренных случаях. За год армия посетила 26 290 семей и оказала помощь 38 290. Для 66 621 человека была найдена временная и постоянная работа.

Все бедняки, независимо от состояния, национальности или вероисповедания, честные или преступные, обратившись в ближайший из этих штабов, могут быть уверены, что найдут сочувствие и помощь.

Армия основала пять приютов для беспризорников и детей, чьи матери вынуждены уходить на работу, и 225 приютов, где дети могут найти временный или постоянный дом.

Недавно специальный отряд солдат с большим успехом занялся работой среди заключенных. За два месяца они посетили 43 тюрьмы, написали 1732 письма заключенным и распространили 10 000 брошюр. 19 882 заключенных посетили собрания, проведенные в тюрьмах, было роздано 194 предмета одежды, 128 человек получили работу после освобождения и 300 - спальные места.

В Южной Америке армия основала аналогичные учреждения, которые включают в себя другие, такие как госпитали и т.д., отвечающие потребностям каждого места.

Другие благотворительные организации, которые кажутся мне достойными восхищения, - это Сестричества, основанные двадцать лет назад раввином Готтейлом. Как можно догадаться из названия, этими сестринскими организациями полностью руководят женщины. Они состоят из помещений, иногда пристроенных к синагоге, в других случаях расположенных отдельно, которые образуют своего рода штаб-квартиру для филантропической работы, проводимой в близлежащих районах. Сестричество открыто днем и ночью для всех бедных, нуждающихся в помощи любого рода. Здесь есть постоянная директриса, по распоряжению которой несколько дам по очереди помогают просителям. Сестричество было основано на принципе, что люди способны принести максимальную пользу другим, если они следуют своим собственным наклонностям и стараются использовать свои индивидуальные таланты для удовлетворения интеллектуальных, моральных или рекреационных потребностей бедных. Некоторые дамы посвящают себя простым юридическим вопросам, разыскивая отсутствующего мужа или жену, регистрируя рождение детей, доставляя непокорных детей в ювенальные суды или присматривая за ними и т. д. Другие занимаются медицинскими вопросами, устраивают детей и взрослых в больницы и т. д.; третьи организуют развлечения, преподают пение, рисование, рукоделие, кулинарию. Помещения, в свою очередь, используются работающими девушками, обучающимися шитью, или теми, кто репетирует пьесу или оперный хор. Почти во всех сестричествах есть постоянный детский сад для детей женщин, вынужденных работать вне

дома, и бюро по трудоустройству. Все женщины, кроме директрисы, предоставляют свои услуги безвозмездно. За любую помощь, оказываемую Сестричеством, за исключением помощи очень бедным, взимается небольшая плата, что позволяет Сестричеству не зависеть от пожертвований и подписки частных лиц, а также без труда распространять и увеличивать свою работу.

Еще одним учреждением, заслуживающим упоминания, является "Образовательный альянс" в Нью-Йорке, основанный для оказания помощи еврейским эмигрантам, прибывающим в этот город со всех концов света. У этого "Альянса" есть большое здание в еврейском квартале рядом с доками, где эмигранты могут получить обучение гимнастике, кулинарии, домашнему хозяйству, английскому языку, рукоделию и т. д. Здесь также есть комнаты отдыха, бани, библиотека и помещения, где школьники могут готовить уроки. Мужчинам и женщинам помогают найти работу, оказывают медицинскую и юридическую помощь. Существует также разновидность трибунала для разрешения мелких споров в случаях, когда заинтересованные стороны возражают против обращения в обычные суды. Когда я его видел, он был переполнен, и я не удивился, узнав, что он оказывает большую услугу эмигрантам. В дни государственных праздников Альянс организует концерты, экскурсии и лекции, а во время летних каникул открывает несколько пансионатов в стране.

Все эти благотворительные учреждения, школы, дома спасения, детские дома и приюты, организованные с такой заботой о предотвращении преступлений и принятые в Америке всеми общинами любого вероисповедания, независимо от затрат, дали прекрасные результаты. Боско и Райс (*Les Homicides aux Etats-Unis*) и мой отец (*Crimes, Ancient and Modern*) статистически доказали, что в таких штатах, как Массачусетс, где нет большого притока иммигрантов и цветного населения, количество преступлений сокращается очень быстро, а процент убийств примерно равен английскому, то есть ниже, чем в большинстве европейских государств.

Надо отдать должное жителям Соединенных Штатов, они с готовностью признают свои недостатки и постоянно сожалеют о большом количестве преступлений в своей стране. Но когда они задумываются о том, что постоянный поток иммигрантов содержит множество незаконных элементов, что различные законы, действующие в разных штатах, позволяют во многих случаях легко уклоняться от правосудия, что строительство домов с пожарным выходом, сообщающимся непосредственно с общественной улицей, обеспечивает легкое проникновение и выезд, и что огромная часть плотного населения их городов состоит из людей со всех концов света, привыкших к различным моральным нормам, они могут с гордостью осознавать, что процент преступности в Соединенных Штатах, безусловно, ниже, чем в любом континентальном государстве при аналогичных условиях.

ГЛАВА III

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ И ПОДАВЛЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Профилактические методы, тщательное воспитание детей и помощь взрослым в критические моменты их жизни могут снизить уровень преступности, но не могут полностью ее подавить. Эти методы должны быть дополнены учреждениями, которые обязуются лечить преступников, защищая общество от их нападков, а также учреждениями для изоляции

неизлечимых преступников, которых следует сделать как можно более полезными, чтобы минимизировать ущерб, наносимый ими обществу.

Хотя криминальных антропологов несправедливо обвиняют в желании совершить революцию в уголовной юриспруденции, они с самого начала понимали, что законы нельзя менять до того, как произойдут соответствующие изменения в общественном мнении, и что даже справедливые изменения в законах, если они слишком внезапны, всегда чреваты опасными последствиями. Поэтому вместо радикальных изменений в уголовном кодексе их целью было внести несколько незначительных изменений в градацию наказаний в соответствии с возрастом, полом и степенью развращенности, проявленной преступниками в своих преступлениях. Они также советовали внести некоторые изменения в применение законов, реформировать в соответствии с современными представлениями тюрьмы, приюты, колонии и все учреждения для наказания и искупления преступников, а также широко применять наказания, разработанные в прошлые века в качестве замены тюремному заключению, преимущество которых заключается в том, что они меньше развращают преступника и обходятся обществу очень дешево.

Несовершеннолетние правонарушители. С молодыми людьми, и прежде всего с детьми, следует бороться отдельно, используя специальные законодательные методы.

За исключением Англии, где совсем недавно в Вестминстере был открыт детский суд, специальные трибуналы для несовершеннолетних неизвестны в Европе. Однако в наше время уголовные кодексы почти всех европейских государств делают заметную поправку на возраст преступников, а там, где нет дифференциации в законах, мировой судья пользуется собственным усмотрением и во многих случаях отказывается осуждать несовершеннолетних преступников, даже если они виновны в серьезных преступлениях.

Эти инстинктивные методы работы с молодежью имеют множество недостатков:

1. В отсутствие специальных судов дети, виновные в простых актах неповиновения или мелких правонарушениях (кража фруктов или катание в трамваях и поездах без оплаты проезда), которые нельзя отделить жесткой чертой от обычных детских шалостей, соприкасаются в суде или в тюрьме с преступными типами, и это наносит им большой моральный ущерб. Если они от природы склонны к нечестности, то рискуют превратиться в случайных преступников и потерять всякое чувство стыда: а если действительно честны, то общение с плохими личностями не может не шокировать и не возмущать их, даже если их пребывание в тюрьме будет совсем недолгим.
2. Магистрат не имеет законных полномочий ни надзирать за несовершеннолетними преступниками, ни, если их действия свидетельствуют о серьезном развращении, изолировать и лечить их, чтобы предотвратить их превращение в преступников. Уже было показано, что прирожденные преступники начинают свою карьеру в самом раннем возрасте. В одном случае, приведенном в предыдущей главе, морально ненормальный ребенок двенадцати лет убил одного из своих товарищей по пустяковому поводу - из-за спора о яйце; в другом - ребенок десяти лет стал причиной ареста своего отца по ложному обвинению; до этого он пытался задушить младшего брата. Дети такого типа, несмотря на их нежный возраст, представляют собой социальную опасность, и моральную болезнь, от которой они страдают, следует немедленно взять под контроль. В любом случае их следует тщательно изолировать друг от друга до тех пор, пока не наступит излечение.

Несовершеннолетние нуждаются в особом кодексе, учитывающем тот факт, что некоторые правонарушения являются случайными для детства и что дети, совершившие эти

преступления, могут вырасти честными людьми. Он также должен содержать положения о том, как поступать с прирожденными преступниками, эпилептиками и морально ненормальными в раннем возрасте, изолируя их в специальных исправительных учреждениях, где они не смогут развратить несовершеннолетних правонарушителей некриминального типа и где можно будет предпринять тщательную попытку их излечения.

Отличная реформа такого рода была проведена во многих Соединенных Штатах Америки с принятием системы пробации и ювенальных судов, которые защищают детей от развращения тюремной жизнью и контактов с закоренелыми преступниками. Во многих Соединенных Штатах Америки суд по делам несовершеннолетних, учрежденный исключительно для несовершеннолетних, был доведен до совершенства. В некоторых из них для рассмотрения дел детей построены специальные здания, что позволяет избежать всякого контакта со взрослыми преступниками; в других, где это невозможно, для них отведена часть обычного суда с отдельным входом.

Несовершеннолетних преступников также не судят по общему праву; их преступления рассматриваются специальными магистратами, которые относятся к ним скорее по-отечески, чем в строго судебном духе, а наказания незначительны, разнообразны и подходят для детей. Судьям помогают офицеры, которые получают от учителей, родителей и соседей сведения о характере, поведении, недостатках и хороших качествах преступника, и на основании этих сведений мировой судья может составить эссе об исправлении не конкретного проступка, из-за которого ребенок попал под его юрисдикцию, а его общих органических недостатков. Наказания не включают в себя тюремное заключение и основаны на практическом опыте и здравом смысле, а не на какой-либо статье уголовного кодекса.

Я присутствовал на слушании дела против парня, которого обвиняли в том, что он проехал в метро, не заплатив. Его приговорили к тому, чтобы он двадцать раз переписал подзаконные акты, выучил их наизусть и повторил через месяц в том же суде. В случае более серьезных проступков дети могут быть отправлены в государственную или частную исправительную колонию, в зависимости от обстоятельств, в которых находятся родители. Однако ни одно из этих наказаний не является позорным, и сами родители, когда не могут контролировать своих детей, прибегают к помощи суда по делам несовершеннолетних.

Очень эффективным дополнением к нему является система пробации - организация мужчин и женщин, которые берут на себя надзор за детьми, когда суд решает, что они нуждаются в этом. Эти защитники используют все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы не допустить пагубного поведения своих подопечных, и всячески помогают им исправить свои недостатки.

Эта система оказалась настолько эффективной и в то же время настолько лишенной недостатков, что ее безусловное принятие всеми государствами Европы и Америки принесло бы огромную пользу обществу.

Учреждения для женщин-правонарушителей

Весомые причины, требующие создания отдельных судов и исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников, в равной степени справедливы и в отношении женщин-нарушительниц, для которых должны быть предусмотрены специальные суды и законодательство.

Процент преступности среди женщин значительно ниже, чем среди мужчин, и почти во всех случаях преступницы относятся к категории криминоидов.

В работе моего отца *"Женщина-преступница"* показано, что проституция является истинным эквивалентом преступности. Если исключить этот класс несчастных, остаются только истеричные и случайные преступницы, виновные, как правило, в мелких кражах (особенно бытового характера) или в укрывательстве преступников и выступающие в роли более или менее пассивных соучастниц; и преступницы из страсти, совершающие детоубийства или убивающие неверных мужей и любовников. Во всех этих случаях не следует прибегать к тюремному заключению; более того, в большинстве случаев можно обойтись выговором или предоставлением условной свободы. Учитывая также, что в женском мире важную роль играют одежда, украшения и т. д., наказания, налагаемые из тщеславия - отрезание волос, обязательство носить определенный костюм и т. д., - могут быть с успехом заменены тюремным заключением.

Более мягкий характер женской преступности, полезность женщин в домашнем хозяйстве, серьезная травма, наносимая семье и обществу в целом сегрегацией жены и матери (хотя бы на короткое время), являются причинами, побуждающими к учреждению специальных трибуналов для рассмотрения преступлений женщин и специального законодательства, учитывающего их положение в семье и тот факт, что они редко представляют собой серьезную социальную опасность.

В настоящее время, по крайней мере в Европе, такого дифференцированного подхода не существует. Смягчение наказания оставлено целиком на усмотрение и гуманность судей, которые во многих случаях, правда, инстинктивно склонны быть более снисходительными к женщинам и принимать во внимание эти условия. Но было бы гораздо более удовлетворительным положением вещей, если бы законодательство уделяло должное внимание таким обстоятельствам, подобно тому, как в Италии при зачислении новобранцев на обязательную военную службу учитываются социальные и семейные отношения, освобождаются единственные сыновья овдовевших матерей, мужчины с тонкой конституцией и т. д.

Несмотря на низкий процент и, в общем-то, незначительное значение преступлений, совершаемых женщинами, существует небольшое количество женщин-преступниц, некоторые из которых демонстрируют необычайную степень развращенности, как будто все извращения, отсутствующие у других, сконцентрировались в этих немногих. Это настоящие прирожденные преступницы, эпилептики и морально ненормальные.

Эти серьезные антисоциальные элементы, убийцы, отравители и мошенники, могут быть изолированы в небольшом исправительном учреждении с принудительным трудом и молчанием в качестве дополнительных наказаний. Отдельные камеры, однако, не обязательны. Все женские исправительные учреждения должны быть оборудованы яслями, где детей, рожденных в тюрьме, могли бы кормить их матери, тем самым уменьшая социальный ущерб, который должен быть вызван заключением любой матери, и способствуя росту возвышенных и священных материнских чувств, которых, к сожалению, так часто не хватает преступникам.

Женская реформаторская тюрьма в Саут-Фрамингеме, недалеко от Бостона, под руководством миссис Мортон, является прекрасным примером учреждения, работающего по принципам, разработанным криминологами. Реформаторий расположен примерно в часе езды по железной дороге от Бостона, посреди полей, которые обрабатывает часть осужденных. Высокие стены не окружают здание и не отделяют его от внешнего мира, за ним

не следит охрана. Широкая аллея ведет к входу, где в ответ на мой звонок меня встретили опрятные служители в белых одеждах и провели в очаровательную комнату, выходящую в прекрасный сад. Из этой комнаты я прошла по коридорам, где не было слышно скрежета ключей в замках, в столовые, общежития, комнаты отдыха и рабочие комнаты.

Как только заключенные поступают в реформаторий, их тщательно осматривает интеллигентная и приятная женщина-врач, которая заведует лазаретом, где проводится антропологическое обследование. Когда заключенную признают дееспособной, ее помещают в одну из рабочих комнат, чтобы она училась и занималась ремеслом, указанным медицинским работником как наиболее подходящее для ее телосложения и способностей. Ночью ее проводят в камеру второго класса, расположенную в большом, хорошо освещенном коридоре. В камере есть стол, кровать, стул, прищепки для развешивания одежды, календарь, картина и одна-две книги.

Работа обязательна и выполняется поштучно, а когда каждый заключенный выполнит свое задание, он может заняться собой или почитать книги, которые выдают в библиотеке. Если она не имеет навыков, ее обучают какому-либо ручному труду, а оплата за ее труд откладывается и передается ей при освобождении вместе с небольшим нарядом, который она приготовила и сшила во время заключения.

Женщинам с детьми до года или тем, кто родил ребенка в реформатории, разрешается оставлять своих малышей с собой на ночь и часть дня. Когда каждое утро они уходят на работу, малышей оставляют в яслях, которые примыкают к лазарету и находятся под непосредственным наблюдением врача. Ясли - большая, хорошо освещенная комната, безупречно чистая и украшенная цветами, - настоящий рай для малышей.

В полдень заключенной разрешается принести ребенка, покормить и держать его рядом с собой в обеденный перерыв. В два часа она возвращается к работе до пяти часов, после чего снова присматривает за ребенком до следующего утра. В камере для младенца ставят колыбельку и устраивают небольшую ванну.

Ряд незначительных поощрений стимулирует моральное совершенствование. Тех, кто хорошо ведет себя в течение первых двух месяцев, переводят в первый класс с сопутствующими привилегиями, лучшей и более просторной камерой, нарядным ошейником, правом переписываться с друзьями и чаще принимать посетителей, иметь часовой отдых в компании других хорошо ведущих себя заключенных и принимать родственников в красивой гостиной, а не в общей комнате для посетителей.

Конечной наградой за непрерывное совершенствование и неустанную работу заключенной является ее окончательное освобождение, которое, поскольку срок заключения неограничен, может состояться, как только директриса сочтет ее способной честно зарабатывать на жизнь. Но освобожденные заключенные не предоставлены сами себе и не рискуют быстро поддаться искушению. Перед освобождением каждой заключенной комиссия заинтересованных в реформатории дам (одна из которых, миссис Рассел, была моим гидом во время моего визита туда) проводит консультации и обязуется обеспечить ее подходящей работой, а также направлять и наблюдать за ней в течение первых нескольких месяцев, чтобы она могла быть уверена в совете и помощи при любых трудностях.

Учреждения для несовершеннолетних преступников

Наказания должны варьироваться в зависимости от типа преступника, при этом различают преступников по страсти, криминоидов и прирожденных преступников.

Преступники по страсти. Настоящий преступник страсти больше страдает от угрызений совести, чем от любого наказания, которое может назначить закон. Дополнительными наказаниями должны быть: изгнание преступника из его родного города или из города, в котором живет обиженный; возмещение причиненного ущерба деньгами или принудительным трудом, если преступник не обладает достаточными средствами. Никогда не следует прибегать к тюремному заключению, которое оказывает вредное воздействие даже на лучшие типы нарушителей закона; преступники по страсти не представляют угрозы для общества. Напротив, они нередко превосходят средний уровень человечности и побуждаются к преступлению лишь преувеличенным альтруизмом, который при должном внимании можно направить в нужное русло.

Это в равной степени относится и к политическим преступникам, для которых изгнание является самым старым, самым страшным и самым эффективным наказанием, и то нежелание, в которое оно перешло, не представляется оправданным, так как оно допускает градацию, является временным и адекватно сдерживает любую попытку восстания.

Криминоиды. Следует избегать повторных коротких сроков заключения в тюрьме и заменять их другими наказаниями за мелкие правонарушения против полицейских правил, обман таможни и т. д., когда они совершаются криминоидами, не являющимися рецидивистами и не имеющими сообщников. Короткий срок тюремного заключения, который приводит этот тип преступника в контакт с закоренелыми преступниками, не только не служит сдерживающим фактором, но в целом имеет вредный эффект, поскольку он имеет тенденцию уменьшать уважение к закону, а в случае рецидивистов лишать наказание всех его ужасов; и поскольку криминоиды, однажды заклеянные позором тюрьмы и развращенные связью с худшими типами, склонны к совершению более серьезных преступлений.

За все мелкие правонарушения штрафы более эффективны, чем тюремное заключение, а в случае с бедняками должны быть заменены принудительным трудом по усмотрению магистрата. К правонарушителям этого типа применимы связывание под гарантию возмещения нанесенного ущерба, телесные наказания, заключение в дом, судебные выговоры и предостережения, а также система смягчения последствий первых правонарушений, с большим успехом использованная во Франции Магно. В соответствии с этой системой преступник приговаривается к адекватному наказанию, которое, однако, назначается только в случае рецидива.

Эффективным и в то же время более серьезным методом борьбы с криминоидами является система probation и неопределенное наказание. Преступник приговаривается к максимальному наказанию, применимому к его конкретному преступлению, но через некоторое время оно может быть уменьшено, если он проявит признаки улучшения. В течение этого времени он находится на испытательном сроке, то есть под надзором, точно так же, как и несовершеннолетние правонарушители.

Система условного осуждения широко и успешно применяется в Америке, как отдельно, так и в сочетании с другими мерами наказания, как показано выше.

Система условного осуждения

Это идеальный способ работы с правонарушителями менее серьезного типа, несовершеннолетними и криминоидами, которые впали в дурной образ жизни, поскольку вместо наказания он стремится поощрять в них привычки честности и сдерживать рост пороков с помощью доброжелательного, но строгого надзора. Преступник передается под руководство уважаемого человека, который всячески старается сгладить путь исправления, обеспечивая своего подопечного работой, если у него ее нет, или ставя его на путь обучения какому-либо ремеслу, если он не имеет навыков, изолируя его от дурной компании, поощряя любое улучшение, и сообщая об успехах в центральный офис, который должен решить, достаточно ли испытательного срока, или, в случаях, когда он оказался неэффективным, прибегнуть к более суровым мерам.

Единственным недостатком этой системы является сложность ее применения, поскольку не всегда можно найти в каждом городе людей с высокими моральными качествами, способных и желающих проявлять бдительность по отношению к правонарушителям. Однако к чести Соединенных Штатов следует сказать, что во многих штатах этот надзор организован поистине восхитительным образом. В Бостоне я посетил Бюро пробации, организованное и управляемое мисс Мэри Дьюсон, которое занимается надзором за девочками и является образцом, достойным подражания, начиная с общей организации и заканчивая мельчайшими деталями.

Отношения между сотрудниками и их подопечными в большинстве случаев очень теплые. Маленькие девочки пишут самые ласковые письма, в которых рассказывают о своих радостях и горестях, раскисают в своих промахах и просят совета и помощи, как у духов-хранителей. Офицеры, в свою очередь, проявляют себя как ласковые защитники и скрупулезно выполняют свои обязанности по отношению к центральному офису. По моей просьбе было открыто около ста шкафов, и я смог изучить документы, касающиеся каждого из детей, с их предшественниками, улучшениями или наоборот, методично внесенными за несколько дней до моего визита.

Великолепные результаты, полученные повсеместно благодаря этой системе, приводят к тому, что она постепенно внедряется почти во всех штатах Союза и во многих частях Австралии и Англии при работе с молодежью, взрослыми и всеми впервые осужденными за мелкие нарушения закона, пьянство, нарушение мира и беспорядочное поведение, а также для заключенных, освобожденных по штрафному билету. Испытатель обязан отчитываться каждые две недели или в любое другое время по желанию инспектора. Офицер уполномочен следить за поведением испытуемого дома и на рабочем месте, а также угрожать ему судебным разбирательством в случае неудовлетворительного поведения.

Надзор за взрослыми, как можно предположить, - дело гораздо более деликатное и сложное, чем за детьми, и как бы осторожно ни действовал офицер, чтобы сохранить дело в тайне от соседей и работодателей, положение взрослых настолько унижительно, что многие предпочитают тюремное заключение надзору. Мне рассказывали, что в Бостоне были созданы специальные исправительные учреждения для содержания тех, кто предпочитает тюрьму бдительному надзору.

Возможно, такая неприязнь взрослых правонарушителей в Америке к системе пробации объясняется тем, что офицер пробации наделен полномочиями, почти превосходящими полномочия любого магистрата. Если он сочтет нужным, то может продлить срок надзора почти до бесконечности или превратить его в тюремное заключение. Кроме того, взрослому

человеку очень неприятно чувствовать, что за каждым его движением и поступком, пусть даже самым невинным, следят. Однако эти недостатки, несомненно, можно устранить.

В Англии надзор заменяется обещанием хорошего поведения, которое дает сам преступник или поручитель, которого побуждает проявлять бдительность осознание того, что в случае рецидива он потеряет внесенную сумму. Согласно английскому законодательству, магистрат обязан установить срок испытательного срока, который не может быть продлен без вынесения нового приговора. Во Франции, Бельгии и Австралии система условного осуждения дает хорошие результаты.

Телесные наказания. Несмотря на то, что различные формы телесных наказаний, голодание, холодный душ или даже розга, противны цивилизованным представлениям, они являются очень подходящей заменой тюремному заключению в случае детей, виновных в мелких правонарушениях, потому что эти наказания не только недороги и имеют то преимущество, что производят более глубокое и непосредственное впечатление, но они не развращают несовершеннолетних правонарушителей и не прерывают их обычных занятий, будь то работа или учеба. За незначительные нарушения закона и во всех случаях мелких краж, мошенничества и подделок, совершенных несовершеннолетними, всегда следует налагать штрафы. Штрафы должны быть соразмерны средствам человека и тяжести преступления и заменяться принудительным трудом в случае отказа платить.

Возмещение ущерба. Обязанность возместить причиненный ущерб была бы идеальным наказанием, но ее крайне сложно реализовать на практике. Однако мировой судья должен сделать все возможное, чтобы использовать эту меру наказания, а жертва должна иметь законное право на получение части доходов от работы, выполненной преступником во время заключения.

Реформаторские центры

Несовершеннолетние, впервые осужденные за столь серьезные преступления, что надзор за ними становится недостаточной гарантией от рецидива, должны направляться в исправительные колонии или другие учреждения, которые занимаются наказанием за преступления, а также изоляцией и исправлением преступников.

Оба континента заслуживают особого упоминания в связи с поистине грандиозным размахом, с которым такие исправительные учреждения действуют в Северной и Южной Америке.

Старейшая и самая знаменитая из этих исправительных колоний, основанная Броквеем в Эльмире, обязана своим вдохновением книге моего отца "*Преступный человек*" и является первой исправительной колонией, созданной на подобных принципах.

В Эльмиру принимаются молодые люди в возрасте от шестнадцати до тридцати лет, впервые осужденные за любое преступление, кроме самых тяжких. Административный совет наделен неограниченными полномочиями по определению срока содержания под стражей и может освободить заключенных задолго до истечения срока наказания.

Каждый новоприбывший принимает ванну, надевает форму Института, фотографируется, регистрируется, проходит медицинский осмотр и, наконец, остается в камере, чтобы обдумать свое преступление. За это время начальник получает всю доступную информацию о его характере, окружении и вероятных причинах, которые привели к преступлению, и эта информация служит основой для лечения. В зависимости от способностей и культуры заключенного, его помещают в технический или промышленный класс, где он осваивает

какое-либо ремесло, которое позволит ему честно обеспечивать себя после освобождения. Его сразу же знакомят с его обязанностями и правами, а также с условиями, при которых он может вновь обрести свободу.

Образование в реформатории состоит из обучения общим знаниям и специального обучения какому-либо ремеслу. Моральный и интеллектуальный прогресс стимулируется публикацией еженедельного обзора *"The Summary"*, в котором сообщается о политических делах и новостях Реформатория.

Осужденные делятся на три категории: хорошие, средние и плохие. Перевод из второго класса в первый влечет за собой определенные привилегии, особенно те, что касаются общения с внешним миром, права принимать посетителей, иметь книги и питаться за общим столом, а не в одиночестве в камере. Тем, кто получает высшие оценки за хорошее поведение, разрешается гулять по территории и поручаются конфиденциальные задания, например, присмотр за другими осужденными. За плохое поведение заключенных переводят из высшего отделения в низшее, где они вынуждены выполнять самую грубую работу.

Осужденных первого класса специально подвергают различным искушениям, а когда они с триумфом проходят через это испытание, то получают условное освобождение. Однако оно не может состояться до тех пор, пока заключенному не будет предоставлена какая-либо постоянная работа, которую он может найти своими силами, через друзей или с помощью директора реформатория.

В течение шести месяцев после освобождения он обязан регулярно отчитываться о своей работе в порядке, установленном директором; через год ему возвращается абсолютная свобода.

Чтобы максимально сократить расходы на содержание исправительного учреждения, все должности, даже должности коменданта или преподавателя в технических школах, замещаются осужденными.

Пенитенциарные учреждения

Хотя прирожденные преступники, закоренелые преступники и рецидивисты должны быть тщательно изолированы от мелких правонарушителей, они, тем не менее, нуждаются в учреждениях, построенных почти по тем же принципам. Тюрьма, которая должна наказывать, но в то же время исправлять и искупать вину, требует строгой дисциплины: ведь мягкие наказания дают очень слабый эффект, а их постоянное повторение вредно, хотя любое преувеличение грубой силы скорее вредно, чем полезно. Суровость может одурманить преступников, но не улучшить их: напротив, она только раздражает их или превращает в лицемеров. Даже на взрослого преступника следует смотреть как на ребенка или морального инвалида, которого нужно лечить сочетанием мягкости и строгости, но мягкость должна преобладать, поскольку преступники от природы склонны к мстительности и склонны рассматривать даже незначительные наказания как несправедливые пытки. Даже слишком строгое следование правилу молчания может пагубно сказаться на характере заключенных. Один старый каторжник как-то сказал Деспину: "Когда вы подмигивали на незначительные нарушения правил, мы говорили больше, но в наших словах не было вреда. Теперь мы говорим меньше, а когда говорим, то богохульствуем и замысливаем зло".

В датских тюрьмах со строгой дисциплиной нарушения тюремного распорядка составляли 30 %; недавно при более мягких правилах такие нарушения составили всего 6 %.

Чтобы укрепить чувство справедливости, которое, как мы уже говорили, у преступников развито слабо, если вообще не задушено благородными страстями, часто рекомендуется взывать к их тщеславию и самолюбию для поддержания дисциплины и повышения работоспособности, назначая их судьями поведения друг друга. Обермайер делил осужденных на небольшие группы и просил их самостоятельно избирать руководителей и учителей, тем самым создавая дух доброго товарищества и делая возможной систему детального и индивидуального обучения, единственную, которая действительно эффективна. 385 осужденных в Детройте показали самый высокий процент эффективности, потому что они были разделены на 21 класс с 28 учителями, все из которых, за исключением одного, были заключенными. Было замечено, что худшие из осужденных были лучшими учителями (Pears, *Prisons and Reform*, 1872), что доказывает, что даже самые порочные элементы часто могут быть использованы для улучшения других.

Не менее удачным был и метод Деспина: он давал определенное время, прежде чем применить наказание, чтобы оно не было вызвано простым гневом с его стороны. Как только проступок был замечен, заключенного оставляли поразмыслить над своим поведением, а через час приходили учитель и директор, чтобы показать ему наказание, предусмотренное правилами. Иногда эффективным оказывалось обличение и наказание всей группы, к которой принадлежал провинившийся. Обермайер считал этот метод выгодным.

Работа должна быть движущей силой, целью и отдыхом каждого института такого рода, чтобы стимулировать угасающую энергию, приучать заключенных к полезным занятиям после освобождения, укреплять тюремную дисциплину и компенсировать государству понесенные расходы. Последняя цель, однако, всегда должна быть подчинена остальным, а прибыльных профессий иногда следует избегать. Занятия, которые могут подготовить почву для других преступлений: изготовление замков, работа с латунью, гравировка, фотография и каллиграфия, не должны использоваться, а вместо них следует выбирать те сельскохозяйственные профессии, которые характеризуются самой низкой смертностью и пользуются большим спросом. Производство изделий из соломы, эспарто и бечевки, печатное дело, пошив одежды, изготовление керамики и строительство - все это подходящие профессии, но к тем, которые требуют опасных инструментов, - сапожному, столярному и плотницкому - следует прибегать в последнюю очередь. Корзины из камыша, сделанные заключенными в Ното (Сицилия), получили несколько медалей.

Задания для заключенных всегда должны пропорционально их силам и вкусам. Неквалифицированные или физически слабые люди, добросовестно выполняющие свою работу, должны быть каким-то образом вознаграждены, если не материально, то хотя бы сокращением срока наказания. Таким образом, работа становится выгодной, а среди заключенных развивается дух товарищества и дружеского подражания.

Институты для закоренелых преступников

Чтобы защитить общество от повторных проступков этих преступников и преступников по рождению, необходима сегрегация. Однако учреждения, предназначенные для приема таких преступников, все же должны рассматривать искупление заключенных как свою главную цель, и только когда все попытки окажутся тщетными, их следует заменить почти вечной изоляцией в исправительной колонии.

Национальная тюрьма Буэнос-Айреса - великолепный пример института, основанного для искупления взрослых преступников, а также для наказания за совершенные ими преступления. Заключенные этого пенитенциарного учреждения - преступники всех типов: криминоиды, закоренелые и прирожденные преступники, проживающие в провинции

Буэнос-Айрес. Она была основана через несколько лет после реформатория в Эльмире, основополагающие принципы которого она имитировала с некоторыми разумными изменениями в соответствии с различными обстоятельствами.

Внешне она не имеет ничего общего с мрачными европейскими тюрьмами. Это большое белое здание с широкой лестницей, ведущей на улицу, лишенное всех признаков силы, солдат, часовых и т.д.

Пройдя через широкий вестибюль, я попал в большой тенистый двор с низкими стенами, почти скрытыми под обилием цветов и листвы. Коридор, выходящий во двор, с каждой стороны окаймляли ряды открытых белых камер, каждая из которых хорошо освещалась днем с помощью окна немалых размеров, а ночью - с помощью электричества. Каждая камера обставлена книжными полками, столом с бумагой, пером и чернильницей, а также стулом. Все коридоры, увитые растениями, сходятся к центральной стеклянной комнате, откуда субинспектор осматривает все коридоры, находящиеся под его юрисдикцией. Каждый коридор заканчивается мастерской, где печатают, литографируют, делают обувь, работают с металлом и сталью, а между коридорами расположены садовые участки, на которых выращивают фрукты, овощи и цветы. Мастерские считаются одними из лучших в Республике. Типография выпускает множество еженедельных газет, иллюстрированных журналов, научных и литературных обзоров. На обувной фабрике изготавливается обувь самого лучшего и элегантного качества, а в литейной и мастерской - токарные станки, котлы, промышленные и сельскохозяйственные машины и орудия. Все приготовление пищи в тюрьме осуществляется на пару, а завод установлен в большом здании, построенном самими заключенными.

Работа в исправительном учреждении является обязательной. По прибытии каждый осужденный проходит обучение какому-либо ремеслу, которое выбирает сам или один из бригадиров. Разумеется, мошенники и фальшивомонетчики не допускаются к таким профессиям, как литография, по понятным причинам.

Осужденные получают регулярную зарплату, которая варьируется в зависимости от их способностей и примерно равна стандартной зарплате в каждой конкретной профессии. Весь заработок откладывается и передается осужденному после его освобождения, когда ему также предоставляется подходящая работа.

Работа заканчивается в пять часов вечера, и после сытного ужина заключенных делят на девять классов, шесть начальных и три средних, в зависимости от их культуры и интеллекта. Если они неграмотны, их обучают чтению и письму, а затем арифметике, географии, истории, языкам и рисованию, причем последнее приспособлено к конкретной профессии каждого человека. По окончании занятий заключенным разрешается пойти в библиотеку, чтобы вернуть прочитанные книги и взять другие на ночь.

Вместо еженедельной газеты, издаваемой в Эльмире, интеллектуальное развитие стимулируется лекциями, которые каждую неделю читают заключенные или их учителя и которые посещают директор, вице-директор и все осужденные.

Помимо заботы о работе и образовании своих подопечных, директор, сеньор Бальве, не жалеет средств на поощрение морального прогресса путем поощрения хорошего поведения. При поступлении каждого осужденного в пенитенциарное учреждение его имя, суд, приговор и прошлое заносятся в книгу вместе с фотографией и сведениями о его физической и психической индивидуальности. Эти данные дополняются замечаниями о его поведении и хороших поступках, если таковые имеются, так что при освобождении можно

получить четкое представление о моральном прогрессе, которого он достиг за время пребывания в тюрьме.

Исправительные колонии

Когда после неустанных усилий по исправлению преступника повторные приговоры доказывают, что он безнадежный рецидивист, общество должно отказаться позволить ему совершенствовать свои антиобщественные способности за свой счет в тюрьмах или на свободе и навсегда изолировать его от общества, если, конечно, нет надежды на исправление или обстоятельства не делают его безвредным. Вечное заключение в тюрьме, даже улучшенного типа, однако, и жестоко, и дорого, но отличную замену можно найти в исправительной колонии. Главной целью здесь должно быть не воспитание, возвышение или искупление преступника, а его максимальная полезность, чтобы он не оказался слишком тяжелым бременем для общества.

Исправительные колонии должны располагаться на островах или в отдаленных территориях, то есть в полной изоляции от густонаселенных районов. Сельскохозяйственная колония в Месеплас, основанная бельгийским правительством, является образцом, достойным подражания.

В этой колонии осужденные делятся на четыре категории:

1. Буйные и опасные личности, которые оказывают вредное влияние на других заключенных исправительных учреждений и тюрем;
2. Рецидивисты, лица, получившие штраф, беглые и мятежные осужденные;
3. Лица с плохой репутацией, которые до сих пор избегали осуждения;
4. Лучшие типы, которые были осуждены всего три-четыре раза и, хотя и не развращены, не имеют моральной стойкости и постоянно поддаются искушениям, находясь на свободе.

Все предметы первой необходимости колонисты обеспечивают сами, начиная с жилищ, которые возводятся по мере необходимости и в соответствии с имеющимися ресурсами. Таким образом, обширные строительные работы осуществляются с минимальными затратами для государства. На земле, которую обрабатывают некоторые осужденные, разводят скот и выращивают зерновые культуры, а другие производят изделия, которые находят готовый рынок в окрестностях и для которых у них есть подходящие инструменты.

Любой осужденный, отказывающийся работать, сидит в тюрьме на хлебе и воде. Вся работа оплачивается специальной монетой, которая ходит только в самой колонии, но при освобождении владельца обменивается на монету страны.

Открытая дверь", учреждение аналогичного типа, было основано профессором Кабретом для безумцев провинции Буэнос-Айрес, и, судя по тому, что я смог наблюдать во время своего короткого визита, оно прекрасно справляется со своей задачей. Он представляет собой большую деревню, населенную примерно десятью или двенадцатью тысячами сумасшедших. За исключением стоимости земли и затрат на возведение первых зданий, эта колония ничего не стоит обществу; напротив, колонисты получают большую прибыль.

Окончательный план поселка с улицами и зданиями уже составлен, и пациенты постоянно заняты возведением новых зданий и т. д. Здесь есть кирпичная печь, столярная мастерская и кузница, где производятся все материалы, используемые для строительства и обустройства

жилья. На этих работах заняты только менее опасные пациенты: те, кто послабее, делают щетки и плетеные изделия.

Колония расположена посреди обширного участка земли в провинции Буэнос-Айрес, на котором некоторые пациенты выращивают фрукты и овощи. Другие занимаются разведением птиц и свиней, которые снабжают колонию яйцами и мясом и приносят большую прибыль при продаже на улицу.

Профессор Кабред разумно предпочитает такое сельское хозяйство выращиванию больших урожаев пшеницы или кукурузы, поскольку оно упрощает задачу надзора, необходимого в любой колонии, и дает колонистам, чей труд является обязательным, постоянное и регулярное занятие почти неизменного характера. (Рабочие, бригадиры, инженеры, строители, механики, садовники - все они пациенты, за исключением директора, врача и около сотни конных надзирателей, которые быстро переходят из одной части в другую и могут вмешаться в случае суицидальных или гомицидальных вспышек.

Колония такого типа подойдет для значительной массы закоренелых преступников, которые, хотя и не могут противостоять соблазнам обычной жизни, способны выполнять полезную работу под присмотром, и в таких условиях могут оказаться полезными как для себя, так и для общества.

Учреждения для прирожденных преступников и морально ненормальных

Убежища для душевнобольных преступников. Нам еще предстоит рассмотреть врожденных преступников, эпилептиков и морально ненормальных, чьи преступления проистекают из унаследованных порочных инстинктов. Эти несчастные существа не могут быть помещены в обычные тюрьмы, поскольку в силу своей психической отчужденности они не обладают даже скромностью порочного ипокрисиса и не перестают извращать тех криминоидов, с которыми вступают в контакт. Злопамятные по натуре, они не доверяют всем и вся, а поскольку в каждом надзирателе и чиновнике видят врага, они являются центрами постоянных мятежей.

Заключать их в общие приюты было бы еще вреднее, ведь они проповедуют содомию, бегство, бунт и подстрекают других к грабежу, а их непристойные и дикие манеры, а также ужасная репутация, которая часто сопутствует им, делают их объектами ужаса и отталкивания для более тихих пациентов и их родственников, которые боятся видеть своих близких в такой компании.

Обычные психушки в равной степени не подходят для тех жертв психического расстройства, которые, хотя и лишены развратных инстинктов, свойственных морально ненормальным, и в целом ведут безупречную карьеру до того момента, когда их побуждает совершить преступление какой-то отдельный злой импульс, оказывают дурное влияние на других заключенных. В отличие от других сумасшедших, они не избегают общества других людей, которых они мучают своим насилием и заражают тем духом беспокойства и недовольства, который отличал их еще до того, как они стали сумасшедшими или преступниками. Твердо убежденные в том, что с ними всегда плохо обращаются и оскорбляют, они внушают эти мысли своим товарищам и предлагают бегство и бунт, которые никогда не придут в голову обычным сумасшедшим, поглощенным своим собственным миром фантазий. Таким образом, состояние заключенных усугубляется, и становится невозможным предоставить им ту широкую свободу, за которую ратуют все современные алиенисты.

Оставлять этих безумцев на свободе было бы еще опаснее. Под внешним видом совершенного спокойствия и ясности ума скрываются болезненные импульсы, которые в неожиданный момент могут привести к ужасным последствиям.

Всех этих преступников - невменяемых и морально ненормальных, чьи непреодолимые наклонности наносят вред обществу, - следует заключать в специальные институты для излечения или, во всяком случае, изолировать пожизненно. Их имена не будут позорить, потому что их безответственность будет четко признана, и общество будет защищено от их нападков".

Англия была первой страной, где были организованы приюты для душевнобольных преступников. В 1840 году для этой цели была выделена часть Бедлама. В 1844 году был открыт специальный частный приют Фишертон Хаус, а позже были открыты приюты в Дандруме (Ирландия) в 1850 году, в Бродмуре в 1863 году и в Перте (Шотландия) в 1858 году для приема преступников, совершивших преступления в состоянии невменяемости или ставших невменяемыми во время суда, а также всех заключенных, чье состояние помешательства или имбецильности не позволяет им соблюдать дисциплину в тюрьме. Разумеется, в этих убежищах часто происходят кровавые и жестокие сцены, где пагубное влияние, оказываемое этим типом сумасшедших на окружающих в обычных убежищах или тюрьмах, умножается и усиливается во сто крат. Заговоры, почти неизвестные в обычных психушках, и убийства надзирателей или чиновников - очень распространенное явление. Отчаявшись освободиться и осознав свою безответственность, эти несчастные нападают на надзирателей, крушат стены, в которые их заключают, убивают и ранят других и себя; но, во всяком случае, вред ограничивается небольшим кругом, и не заражаются как безобидные сумасшедшие, так и обычные преступники. Более того, даже в криминальных приютах долгий опыт работы с этими странными патологическими типами и принятие подразделений, подобных тем, что недавно ввел в Бродмуре Орандж, сделали многое для улучшения общего состояния и устранения многих недостатков. Согласно этой классификации, невменяемые преступники делятся на два класса, *неосужденные* и *осужденные*, причем первый класс подразделяется на *неосужденных* и *судимых*. Неиспытанный преступник, который, как считается, был невменяем до совершения преступления, отправляется в общую окружную психушку, где также содержатся лица, осужденные за мелкие правонарушения и признанные невменяемыми (процент излечения в этом классе значителен), и другие лица, подозреваемые в симуляции невменяемости. Таким образом, лучшие элементы отсеиваются, а в число заключенных в приюте для умалишенных попадают только худшие и наиболее опасные типы.

Капитальное наказание

Когда, несмотря на тюрьмы, депортации и приюты для преступников, люди с неистребимыми антиобщественными инстинктами совершают повторные покушения на жизнь других людей, будь то честные люди или их собственные товарищи по злодеяниям, единственным средством является применение высшей меры наказания - смерти.

Среди варварских народов, на которых тюрьма производит лишь незначительное впечатление, или в примитивных сообществах, не имеющих приютов для преступников, пенитенциарных учреждений и других средств социальной защиты и искупления, смертная казнь всегда считалась самым надежным и в то же время самым экономичным средством общей защиты. Но криминальные антропологи понимают, что желание отменить эту меру наказания, которое так часто встречается в цивилизованных странах, проистекает из благородных чувств, которые они не хотят разрушать.

Смертная казнь, по мнению моего отца, должна применяться только в крайних случаях, но страх перед ней, висящий как дамоклов меч над головой, послужит сдерживающим фактором для убийственных наклонностей некоторых преступников, когда они приговорены к вечному тюремному заключению.

Мы, конечно, не имеем права лишать жизни других людей, но если мы отказываемся признать законность самообороны, то изгнание и тюремное заключение в равной степени неоправданны.

Когда мы осознаем, что существуют существа, прирожденные преступники, организованные для зла, воспроизводящие инстинкты, свойственные самым диким дикарям и даже свирепым хищникам, и предназначенные природой для причинения вреда другим, наше негодование смягчается; но, несмотря на чувство жалости, мы чувствуем себя вправе требовать их уничтожения, когда они оказываются опасными и абсолютно неисправимыми.

Наказания, предлагаемые современной школой

Следующие таблицы, составленные сенатором Гарофало, знаменитым юристом современной школы, и помещенные в "*Criminal Man*", vol. iii, показывают распределение наказаний в систематическом порядке.

I. Прирожденные преступники, совершенно лишенные чувства жалости.

<i>Преступник</i>	<i>Преступление</i>	<i>Наказание</i>
Убийцы, проявляющие моральную невосприимчивость и инстинктивную жестокость, осужденные за	Убийство ради корысти или иной эгоистической цели Убийство без провокации со стороны жертвы Убийство со свирепым исполнением	Тюрьма, колония, приют для умалишенных или смертная казнь при рецидиве.

II. Жестокие и импульсивные преступники, криминоиды, а также те, кто виновен из-за недостатка жалости, порядочности, сдерживающей силы и предрассудков о чести.

<i>Преступник</i>	<i>Преступление</i>	<i>Наказание</i>
Взрослые, осужденные за	Жестокость, нападение и побои, изнасилование, похищение	Уголовная психушка для эпилептиков, или Бессрочное уединение на срок, равный одному из естественных отрезков жизни человека,

с периодом надзора.

Несовершеннолетние, осужденные за	Убийство, жестокость и другие преступления против человека без провокации Преступления против благопристойности	Специальные исправительные учреждения, приюты для умалишенных при наличии врожденных наклонностей. Исправительная колония и депортация в случае рецидива.
Взрослые, осужденные за	убийство, спровоцированное травмой или искренним обидой	Изгнание из родных мест и из города, в котором семья жертвы.
Взрослые, осужденные за	Убийство в целях самообороны Убийство с целью отомстить за какой-то проступок или за личное бесчестье	Изгнание, изоляция на неопределенный срок в каком-либо удаленном городе или поселении.
Взрослые, осужденные за	Нападение во время ссоры или плохое обращение в состоянии в состоянии алкогольного опьянения, удары, оскорбления или клевета	Компенсация за причиненный ущерб, штрафы, выговор, безопасность, условная свобода.
Взрослые, осужденные за	Мятеж и бунт	Выговор, залог, тюремное заключение на определенный срок.

III. Преступники, лишенные чувства честности

<i>Преступник</i>	<i>Преступление</i>	<i>Наказание</i>
Взрослые (закоренелые преступники) осужденные за	Кража, мошенничество, поджог, подделка, шантаж	Уголовные психушки (если они невменяемы или страдают эпилепсией), депортация (для вменяемых преступников).

Взрослые (случайные правонарушители) осужденные за	Кража, мошенничество, поджог, подлог, шантаж	Реформаторские учреждения, условная свобода, исключение из определенной профессии.
Взрослые, осужденные за	Чинопочитание, сотрясение воздуха	Потеря должности, отстранение от всех государственных должностей, штрафы, возмещение нанесенного ущерба.
Взрослые, осужденные за	Поджог, злонамеренное повреждение имущества	Компенсация или замена тюремным заключением. Приюты для умалишенных (в случае невменяемости). Исправительные колонии (для рецидивистов).
Взрослые, осужденные за	Мошенническое банкротство	Компенсация причиненного ущерба, отстранение от бизнеса и государственных должностей.
Взрослые, осужденные за	Подделка, подделка чеков, государственных титулов и т.д.	Реформаторские учреждения, штрафы, возмещение ущерба, отстранение от должности.
Взрослые, осужденные за	двоеженство, подмена или подавление ребенка	Изоляция на неопределенный срок.
Несовершеннолетние, осужденные за	Кража, мошенничество и карманные кражи	Магистратский выговор, условный срок, исправительная колония, или сельскохозяйственной колонии.

IV. Правонарушители, не обладающие достаточными навыками

Преступник

Штраф

Нищие, бродяги,
бездельники

Сельскохозяйственная
колония для сельских
преступников,
мастерская для городских
преступников.

V. Преступники, страдающие мизантропией (ненавистью к переменам)

Преступник

Наказание

Политические, социальные и религиозные бунтари

Временное изгнание.

Симбиоз

Наказание преступников и защита общества от безумцев - два главных объекта уголовной юриспруденции, но криминальные антропологи ставят перед собой более высокую цель - утилизировать антисоциальные элементы, тем самым полностью искупив их и оправдав их существование в глазах человечества и в схеме природы.

На самом деле в природе мы находим множество примеров взаимовыгодного партнерства между животными и растениями самых разных видов и наклонностей. Лишайники представляют собой живой симбиоз водорослей и грибов: пагурус позволяет актиниям селиться на его жилище, где они привлекают его добычу, а взамен размещаются и переносятся с места на место.

Подражая этому принципу, криминальные антропологи пытаются разработать способ сделать преступников полезными для цивилизации, тщательно анализируя их наклонности и психологию и вписывая их в какую-то подходящую канавку в социальной схеме, где они могут быть полезны для себя и других. Наряду с развращенными инстинктами преступники часто обладают бесценными дарами: ненормальной степенью интеллекта, большой дерзостью и любовью к инновациям. Замечательные галереи и укрепления, вырубленные в скалах Гибралтара и Мальты английскими каторжниками, и полное преобразование части Сардинии привели криминологов к выводу, что древнее наказание в виде принудительного труда было более логичным, полезным и выгодным как для преступника, так и для общества, чем все современные наказания. Мормоны в Америке и религиозные секты, преследуемые в России всемогущей бюрократией, своей энергией превратили непригодные для жизни регионы в земли необычайного плодородия. Еще больших результатов можно было бы добиться, если бы аномальные наклонности некоторых индивидуумов были направлены в полезное русло, а не накапливались до тех пор, пока не проявятся в антисоциальных поступках, и эта благотворная и возвышенная задача должна быть возложена на учителей и защитников тех молодых людей, которые проявляют физические и психические аномалии в раннем возрасте.

Колонизация диких регионов и все профессии (мотоспорт, велоспорт, акробатические и цирковые подвиги), требующие смелости, активности, любви к приключениям и напряженным усилиям, сменяющихся долгими периодами отдыха, как нельзя лучше подходят для преступников. Известны случаи, когда молодые люди становились ворами и даже убийцами, чтобы получить средства, достаточные для того, чтобы стать комиками или профессиональными велосипедистами, и есть все основания полагать, что эти преступления

никогда не были бы совершены, если бы молодые люди смогли получить необходимые суммы честным путем. С другой стороны, люди с плохим характером, готовые превратиться в преступников, часто полностью преобразуются, когда находят применение своему уму и способностям, становясь первопроходцами в целинных районах или солдатами. Война, исконное, вечное и исключительное занятие наших предков, как нельзя лучше соответствует наклонностям преступников. Все характеристики преступника, импульсивность, цинизм, физическая и моральная невосприимчивость, неуязвимость - ценные качества солдата во время войны, особенно когда она ведется против диких и варварских народов, когда хитрость и умение должны быть использованы против примитивных рас, которые смеются над правилами и этикой цивилизованных войн.

Среди разбойников мы находим несколько плохо вооруженных людей, совершающих чудеса храбрости, а их предводители, хотя и невежественные люди, проявляют ум и тактическое мастерство, которые ставят в неловкое положение обученные армии. Разве нельзя использовать склонности преступников на благо своей страны? Качества, выработанные в примитивных расах постоянной борьбой с силами природы, характерны и для преступников. Пусть те, кому природа предназначила воспроизводить импульсивные и жестокие инстинкты в гражданскую и индустриальную эпоху, получают возможность использовать их для защиты цивилизации с истинно первобытной доблестью от внешних и внутренних врагов, от варварских народов, которые хотели бы ограничить ее границы, или реакционных элементов, стремящихся помешать ее прогрессу.

Великий Искупитель, который, прощая прелюбодейку, сказал: "Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень", и пророк, предсказавший день, когда волк и ягненок будут жить вместе, а лев будет есть солому, как вол, и "не причинит вреда и не погубит", пророчествовали, возможно, эту благородную цель. Если криминальной антропологии суждено вести человечество к этой цели, то ей вполне можно простить все те суровые меры, которые она сочла нужным предложить для реализации высшей цели - социальной безопасности.

ЧАСТЬ III

ХАРАКТЕРЫ И ТИПЫ ПРЕСТУПНИКОВ

ГЛАВА I

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕСТУПНИКОВ

Криминальные антропологи единодушно настаивают на важности результатов, которые можно получить от тщательного изучения физической и психической индивидуальности преступника с целью установления степени его ответственности, вероятности рецидива с его стороны, лечения, которое следует назначить, или наказания, которое следует применить к нему; Но помимо того, что антропологическая экспертиза дает магистрату надежную основу для его решений, она окажет большую помощь сотрудникам службы пробации, руководителям детских домов и домов спасения, а также всем тем, кому доверены судьбы

настоящих преступников или кандидатов в преступники. Поэтому я решил посвятить эту часть своего резюме подробной демонстрации методов, которые должны быть использованы в этих обследованиях, которые должны проводиться, с одной стороны, с научной точностью, отличающей клиническую диагностику заболеваний, а с другой - с особыми правилами, выведенными из долгого опыта криминологов в работе с преступниками и сумасшедшими, между которыми так много сходства.

Предшественники и психическая индивидуальность

Обследованию преступника или человека с преступными наклонностями должно, по возможности, предшествовать тщательное изучение его предков. Вопросы, задаваемые родственникам и друзьям, часто проливают свет на факты, касающиеся его прошлой жизни, дают представление об обстановке, в которой он вырос, и о болезнях, перенесенных им в детстве (менингит, тиф, судороги, гемикрания, головокружение, *ночные приступы*, травмы). Следует выяснить распространенность заболеваний в семье (родители, бабушки, дедушки, дяди, двоюродные братья и сестры и т.д.) и отметить не только нервные заболевания, но и артритные, туберкулезные, пеллагрические и ингебриозные формы, включая склонность к морфиомании. Даже зоб не должен оставаться незамеченным, поскольку он может указывать на кретинизм или любую другую форму дегенерации. Еще большее значение имеет наличие преступности в семье, но получить какую-либо информацию по этому вопросу крайне сложно как от самого пациента, так и от его родственников. Для получения подобных фактов необходимо использовать определенную стратегию, внезапно спрашивая, например, на сайте, не является ли некий человек с таким-то именем, уже умерший или находящийся в таком-то приюте или тюрьме, родственником пациента.

Далее следует выяснить, холост он или женат, а в последнем случае - жива ли еще его жена; также следует узнать, какой профессией он занимался или занимается. В связи с этим следует заметить, что хотя преступники обычно добиваются успеха во всем, за что берутся, они не способны оставаться постоянными в одном деле в течение какого-либо времени.

Многие люди, повара, трактирщики, кондитеры и т. д., занимаются профессиями, которые пагубно влияют на нервные центры и способствуют злоупотреблению алкоголем; другие, например пекари, работают по ночам, что не менее вредно. Профессии, которые приводят бедняков, слуг, секретарей, кассиров и т. д. в тесный контакт с богатством, иногда являются причиной нечестности тех, кто при отсутствии особых соблазнов остался бы честным; другие предоставляют преступникам возможности или инструменты для совершения преступлений, как в случае со слесарями, кузнецами, солдатами, врачами, адвокатами и т. д.

Следует выяснить время года и другие обстоятельства, при которых совершается преступление, и иметь в виду, что сезон урожая в странах Южной Европы и перепады тепла и холода благоприятны для припадков эпилептического характера.

Если обследуемый является рецидивистом, необходимо выяснить, в каком возрасте и при каких обстоятельствах было совершено первое преступление. Быстрота совершения преступления характерна для прирожденных преступников, а половое созревание и дряхлость имеют свои особенности, как и крайности бедности и богатства.

Интеллект. Поскольку мы имеем дело не с обычным пациентом, который, как правило, готов рассказать о своих проблемах, а с человеком, которого постоянно допрашивают, его подозрения должны быть прежде всего рассеяны серией общих вопросов о его родне или городе, в котором он сейчас живет, его профессии и т. д. "Почему вы покинули родной город? Почему вы не возвращаетесь? Женат ли ты? Сколько у вас детей?" и т. д. Затем следует

попытаться получить представление о его интеллектуальных способностях, задавая легкие вопросы: "Сколько шиллингов в фунте? Сколько часов в сутках? В каком году вы женились?" и т. д.

Привязанность. Привязанность следует проверять косвенным путем. "Твой отец плохой человек?" или "Являются ли твои соседи никчемными людьми? Относятся ли они к вам с должным уважением? Есть ли у кого-нибудь злоба против вас? Любите ли вы своих родителей? Знаете ли вы, что ваш брат (или мать) серьезно болен?" Вопросы, касающиеся родственников и друзей, представляют особый интерес, поскольку позволяют эксперту выяснить, вызывают ли они у пациента какие-либо эмоции, есть ли у него реальная привязанность к тем существам, к которым привязаны нормальные люди, но к которым не проявляют любви прирожденные преступники и безумцы в целом. При отсутствии приборов мы должны судить о чувствах пациентов по их ответам и изменениям лица, вызванным эмоциями, но медики-юристы, естественно, предпочитают научный тест с помощью точных приборов, с помощью которых регистрируется точная степень эмоций. Такими приборами являются плетизмограф и гидросфигмограф.

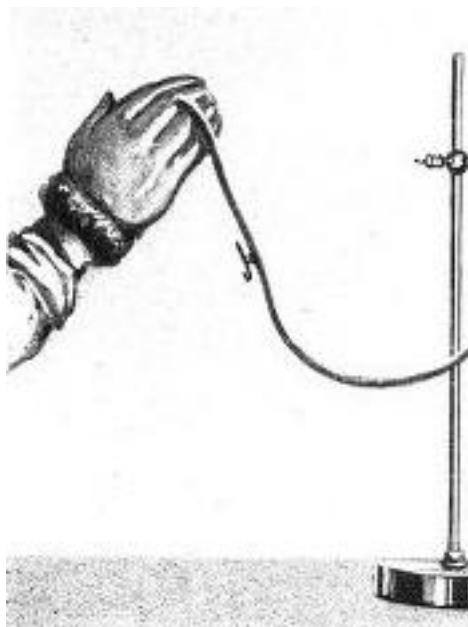

Рис. 28
Ухо преступника

Хорошо известно, что любая эмоция, вызывающая учащение или замедление сердцебиения, заставляет нас краснеть или бледнеть, и эти вазомоторные явления совершенно не поддаются нашему контролю. Если погрузить руку в объемный резервуар, изобретенный Фрэнсисом Франком, то уровень жидкости, регистрируемый на трубке, будет подниматься и опускаться при каждой пульсации, а кроме этих регулярных колебаний, можно наблюдать изменения, соответствующие каждому возбуждению чувств, каждой мысли и, прежде всего, каждой эмоции. Объемная перчатка, изобретенная Патрици (см. [рис. 25](#)), являющаяся усовершенствованием вышеупомянутого прибора, представляет собой еще более практичный и удобный аппарат. Он состоит из большой гуттаперчевой перчатки, которая надевается на руку и герметично закрывается у запястья смесью мастики и вазелина. Перчатка наполняется воздухом, как резервуар водой. Большее или меньшее давление, оказываемое на воздух пульсацией крови в венах руки, воздействует на

воздушную колонку трубки из индийской резины, а та, в свою очередь, на тимпан Маррея (небольшую камеру наполовину из металла, наполовину из гуттаперчи). Эта камера поддерживает рычаг с индикатором, который поднимается и опускается при большем или меньшем притоке крови в руке. Этот рычаг регистрирует колебания на подвижном цилиндре, покрытом копченой бумагой. Если после беседы с пациентом на безразличные темы обследующий вдруг упомянет лиц, друзей или родственников, которые интересуют его и вызывают у него определенные эмоции, кривая, зарегистрированная на вращающемся цилиндре, внезапно упадет и быстро поднимется, доказывая тем самым, что пациент обладает естественными привязанностями. Если же при упоминании родственников и их болезней, или наоборот, на цилиндре не регистрируется соответствующего движения, можно предположить, что пациент не обладает большой привязанностью.

Рис. 25

**Объемная перчатка
(см. [стр. 224](#))**

Рис. 26

**Голова преступника
Эпилептик**

Так, когда Бианки и Патрици заговорили с отъявленным разбойником Мусолино о жизни в его родных лесах, о его матери и возлюбленной, пульс сразу же изменился, и линия, регистрируемая плетизмографом, внезапно изменилась и вернулась к прежнему уровню только спустя некоторое время.

Мой отец иногда успешно использовал плетизмограф, чтобы узнать, виновен ли обвиняемый в вменяемом ему преступлении, внезапно упоминая о нем, когда его руки находились в плетизмографе, или неожиданно помещая перед его глазами фотографию жертвы.

Болезненные явления. При обследовании преступника или даже подозреваемого, который почти всегда более или менее аномален, рекомендуется выяснить наиболее распространенные болезненные явления, которым он может быть подвержен и о которых он вряд ли даст информацию спонтанно, поскольку не знает об их важности. Его следует расспросить о том, как он спит, видит ли сны и т. д. Страдающие психическими расстройствами почти всегда плохо спят, их часто мучают бессонница и галлюцинации. Опьяневшему кажется, что его преследуют отвратительные, неправильной формы существа, от которых он не может убежать. Эпилептики, а также часто истеричные люди имеют своеобразные навязчивые идеи. Им кажется, что они не могут совершить определенные действия, если им не предшествуют определенные слова и жесты.

Следует также проверить восприимчивость пациента к внушению, чтобы определить, какое значение можно придать его утверждениям. Страдающие истерией и общим параличом, как дети, очень восприимчивы к внушению, не обязательно гипнотического характера. Если вы убежденно скажете истеричному человеку, что у него болит определенная часть тела, его лихорадит, он бледен или что-то в этом роде, то через несколько минут он спонтанно сообщит вам, что чувствует боль, жар и т. д. После совершения неизвестным лицом преступления поразительного характера нередко случается, что какой-нибудь истерический субъект, обычно юноша, воображающий, что его обвинили в преступлении соседи или знакомые, убеждается, что он действительно виновен, и сдается полиции.

Речь. Во время обследования особое внимание следует обратить на то, как пациент отвечает на вопросы, и на его манеру произношения. Могут наблюдаться особенности произношения и заикание, характерные для некоторых форм психического отчуждения или, во всяком случае, для какой-либо нервной аномалии; или артикуляция может быть дрожащей и принужденной, как при прекольном слабоумии и хроническом опьянении. В других случаях слова перемешиваются и путаются, особенно если они длинные и трудные. На первых стадиях прогрессивного паралича буква *г* не произносится. Для проверки этой аномалии, имеющей большое значение для диагностики, следует попросить пациента произнести трудные слова, такие как, подтвердить, перечитать, переписать и т. д.

Чтобы не упустить столь ценные указания, в случаях, когда личный осмотр невозможен, заменой могут служить фонографические оттиски разговоров между пациентом и каким-либо третьим лицом.

В результате опроса могут быть выявлены еще более серьезные аномалии в представлениях, интеллекте и психическом состоянии пациента. Иногда ответы бывают разумными, но за ними следует бессмыслица. Другие пациенты, особенно страдающие меланхолией, говорят неохотно, как будто слова из них вытягивают одно за другим. Идиоты, кретины и слабоумные иногда неспособны выразить свои мысли. Некоторые пациенты, перенесшие апоплексический удар, заменяют одно слово другим, "хлеб" на "вино" и т. д., или пропускают часть предложения и повторяют только последнее слово.

Память. Чтобы составить представление о памяти испытуемого, следует задать ему вопросы, касающиеся недавних и отдаленных личных фактов и обстоятельств, года рождения его или его детей, что он ел на ужин накануне вечером и т. д. и т. п.

Зрительную память можно проверить, дав пациенту лист бумаги, на котором нарисованы различные обычные предметы, буквы или простые слова. Ему нужно дать посмотреть на них в течение пяти или десяти секунд и попросить перечислить их после того, как бумага будет убрана. Чтобы проверить память на звуки, эксперт должен произнести пять или шесть простых слов и попросить пациента повторить их сразу после этого.

Для проверки чувства цвета перед пациентом кладут картину, на которой нарисованы различные цвета, а также моток шерсти того же оттенка, что и один из цветов на картине, на который он должен указать.

Почерк очень важен, особенно для того, чтобы отличить прирожденного преступника от сумасшедшего, а также между различными видами психического отчуждения.

Мономаньяки и маттоиды (чудаки), которые доставляют полиции больше всего хлопот, часто говорят совершенно здраво, но изливают все свое безумие на бумаге, без исследования которой нелегко обнаружить психическое отклонение. Они пишут быстро и много. Их карманы, сумки и т. д. всегда полны листов бумаги, исписанных мелким почерком, иногда нацарапанным во всех направлениях. Как правило, речь идет об абсурде или просто глупости, состоящей из бесконечных повторений.

Люди в первой стадии паралича делают орфографические ошибки, которые совпадают с ошибками в произношении, например *Гаригальди* вместо *Гарибальди*. Необходимо тщательно проверить этот дефект. Если пациент достаточно образован, его подписи, которая изменяется в последнюю очередь, недостаточно; несколько строк также не являются удовлетворительным тестом, поскольку он может легко сконцентрировать на них свое внимание, но его следует попросить написать страницу или две и увещевать, чтобы он поторопился.

Алкоголизм и паралич обычно вызывают дрожащий почерк с неустойчивыми штрихами, как у стариков. После эпилептических припадков и приступов истерии почерк дрожит. Малейшее дрожание руки можно обнаружить, если использовать электрическую ручку Эдисона.

При прогрессирующем общем параличе и некоторых формах слабоумия дрожание настолько чрезмерно, что переходит в дисграфию, с зигзагообразными буквами. Почерк людей, подверженных апоплексическим ударам, часто имеет вид медной таблички. Мономаньяки перемежают свои записи иллюстрациями и символами. Они пишут очень плотно, имитируя печать, как и маттоиды, истерические личности и мания величия, используют много восклицательных и заглавных букв. В их письмах много неправильно написанных слов, завитков и росчерков.

Преступники, виновные в кровавых преступлениях, обычно имеют неуклюжий, но энергичный почерк и ставят *крестики-нолики* лихими росчерками. Почерк воров едва ли можно отличить от почерка обычных людей, но почерк мошенников распознать легче, так как он обычно не отличается четкостью, хотя и сохраняет определенное единообразие. Подпись, как правило, неразборчива и окружена бесконечным количеством арабесок.

Одежда. По манере одеваться пациент часто точно определяет свою индивидуальность. Члены тайных организаций Неаполя и Сицилии, каморры и мафии, любят одеваться

кричаще, с обилием украшений. Убийцы, эпилептики и морально ненормальные, ведущие уединенный образ жизни, не придают значения одежде и часто бывают грязными и потрепанными. (См. [рис. 26](#), А. Д., морально ненормальный эпилептик, совершивший три убийства). Мошенники всегда одеты безупречно, кинематографисты любят придавать своему костюму женственность, а мономаньяки украшают себя лентами, украшениями и медалями: их одежда, как правило, странного покроя. Кретин и идиот ходят в рваной и беспорядочной одежде, от них нередко исходит сильный запах аммиака.

Физический осмотр

Тщательно изучив прошлую историю субъекта и проведя детальное исследование его аномальных психических явлений, эксперт должен перейти к изучению его физических особенностей.

Глава I части I содержит подробное описание основных физиогномических аномалий преступника, которые можно заметить невооруженным глазом. Сейчас мы кратко перечислим их.

Кожа. На коже часто видны шрамы и (у эпилептиков, подверженных припадкам) повреждения на локтях и висках. У закоренелых преступников часто встречаются следы ран, нанесенных во время ссор и попыток самоубийства. Лоб и нос необходимо осмотреть на предмет следов угревой розацеа, часто встречающейся у пьяниц, и эритемы на тыльной стороне кистей, характерной для пеллагры. Ихтиоз, псориаз или другие кожные заболевания очень распространены в случаях психического отчуждения, а цинга часто свидетельствует о длительном уединении в тюрьме.

Татуировка. Необходимо тщательно выяснить, есть ли у испытуемого татуировки, и если есть, то на каких частях тела. Татуировки часто выдают непристойность, мстительность, скупость и другие черты характера пациента, а также указывают на его имя или инициалы, название родного города или деревни и символ профессии, который он отказывается раскрывать (иногда такие надписи размыты или стерты). (См. [рис. 27](#).)

Одним из главных доказательств неправдивости заявлений Тичборна был тот факт, что на его лице не было татуировок, в то время как было хорошо известно, что Роджер Тичборн был татуирован.

Татуировка часто раскрывает психологию, привычки и пороки человека. Татуировки на педерастах обычно состоят из портретов тех, с кем они ведут неестественную торговлю, или фраз ласкового характера, обращенных к ним. У педераста и фальшивомонетчика, обследованного профессором Филиппи, на предплечье была вытатуирована сентиментальная декларация, адресованная объекту его противоестественных желаний; преступник, осужденный за изнасилование, был покрыт живописными изображениями своих непристойных походов. Из этих немногих примеров видно, что подобные личные украшения имеют огромную ценность как свидетельство скрытых пороков и преступлений.

Морщины. Мы уже говорили об обилии и быстром появлении морщин у прирожденных преступников. Они также характерны для умалишенных.

Особое значение имеют вертикальные и горизонтальные линии на лбу, косые и треугольные линии бровей, горизонтальные или круговые линии у корня носа, вертикальные и горизонтальные линии на шее (свиный главарь банды преступников в двадцать пять лет и дикий убийца до тридцати лет).

Борода. Борода скудна у прирожденных преступников и часто полностью отсутствует у эпилептиков. С другой стороны, она часто встречается у сумасшедших женщин и у нормальных женщин после менопаузы. Дегенераты обоих полов часто проявляют признаки противоположного пола в распределении волос на теле. У эпилептиков и идиотов часто встречается пучок волос в крестцово-поясничной области, напоминающий хвост мифологического фавна, а в некоторых случаях спина и грудь покрыты густым пухом, что делает их похожими на животных.

Волосы, покрывающие голову, обычно густые и темные, их рост часто аномален: квадратные или треугольные зоны растут не так, как остальные, или небольшими пучками, похожими на те, что вставлены в щетку. Еще чаще встречаются аномалии в расположении вихря, или той точки, откуда волосы расходятся по кругу, которая у нормальных людей почти всегда находится на макушке. У дегенератов она часто находится на одной стороне головы, а у кретинов - на лбу. Ранняя седина и облысение характерны для неменяемых преступников, а у кретинов, напротив, эти первые признаки дряхлости проявляются гораздо позже, чем у нормальных людей.

Зубы. Наибольший процент аномалий приходится на резцы; далее следуют премоляры, моляры и, наконец, клыки. У преступников, особенно у эпилептиков, иногда отсутствуют средние резцы верхней челюсти, и их отсутствие компенсируется чрезмерным развитием боковых резцов. В других случаях боковые резцы имеют тот же размер, что и средние, а иногда зубы настолько однородны, что трудно различить резцы, клыки и моляры, что напоминает о гомодонтизме низших позвоночных. После резцов премоляры демонстрируют наибольшее количество аномалий. Если у нормальных людей они меньше, чем моляры, то у дегенератов они часто такого же размера или даже больше. Нередко встречаются сверхкомплектные зубы, иногда достигающие двойного ряда. В других случаях наблюдается необычное развитие клыков. Наследственное вырождение от родителей, страдающих алкоголизмом, сифилисом или туберкулезом, часто проявляется в рахитичных зубах с продольными и поперечными *полосами* или зазубринами по краям, обусловленными неровностями в формировании эмали. У идиотов и эпилептиков прикус часто бывает отсталым и чахлым; молочные зубы не заменяются другими, либо имеют миндалевидную форму и другие аномалии.

Уши. Уши преступников и эпилептиков демонстрируют ряд аномалий. Иногда они имеют ненормальный размер или выделяются на фоне лица. В ушах дегенератов часто встречается бугорок Дарвина, который похож на точку, повернутую вперед, когда спираль загибается, и повернутую назад, когда спираль плоская. Мочка подвержена множеству аномалий, иногда она полностью отсутствует, в некоторых случаях прилегает к лицу или имеет огромные размеры и квадратную форму. Иногда спираль удлиняется так, что разделяет конху на две части. У идиотов часто наблюдается чрезмерное развитие антиспирали, а сама спираль сведена к уплощенной полоске.

Глаза. Брови обычно кустистые у убийц и насильников женщин. Птоз, вид паралича верхнего века, который придает глазам полузакрытый вид, характерен для всех преступников; но чаще мы встречаем косоглазие, отсутствие параллельности зрительных осей, бихроматизм радужной оболочки и ригидность зрачков.

Нос. У воров основание носа часто скошено кверху, и эта особенность мошенников настолько распространена в Италии, что породила ряд пословиц. У эпилептиков нос часто искривлен, у кретинов - сплюснен и трехлопастной.

Челюсти. Огромное развитие челюстей - одна из наиболее частых аномалий у преступников, связанная с большим размером зигомы и зубов. Уже упоминавшийся апофиз лемурийцев - не редкость (см. [рис. 27](#)).

Подбородок. Эта часть лица, которая у европейцев обычно выдается вперед, округлая и пропорциональна размеру лица, у дегенератов, как и у приматов, часто бывает покатой, плоской, слишком длинной или слишком короткой.

Эти аномалии можно быстро изучить невооруженным глазом, но рост, вес, пропорции различных частей тела, форма черепа и т. д. должны быть измерены с помощью специальных приборов.

Рост. Преступники редко бывают высокими. Как и все дегенераты, они ниже среднего роста. Имбецилы и идиоты поразительно низкорослы. Размах рук, который у нормальных людей примерно равен росту, у преступников часто непропорционально широк. Руки либо преувеличенно большие, либо преувеличенно маленькие.

Рис. 27

Антон Отто Краузер
Апачи
(см. [стр. 236](#))

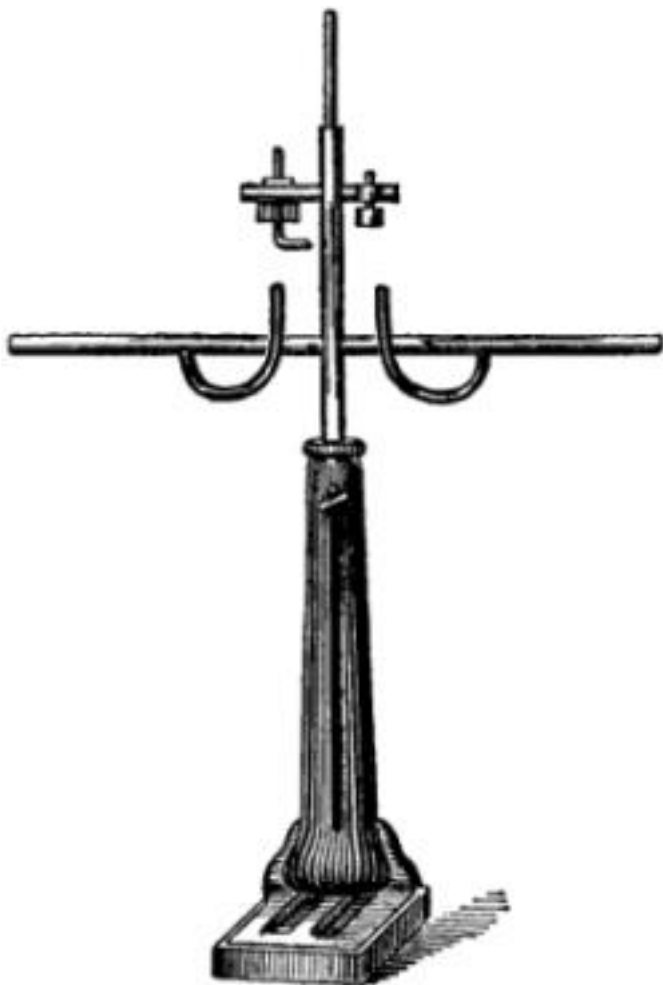

Рис. 29
Антропометр

Рост пациента необходимо сравнивать со средним ростом его соотечественников, а точнее, жителей его родной провинции или района, которые, разумеется, имеют одинаковый возраст и социальное положение. Средний рост двадцатилетнего итальянца составляет 5 футов 4 дюйма (1,624 м.), женщины того же возраста - 5 футов (1,525 м.). Расстояния от подошвы стопы до пупка и от пупка до макушки головы находятся в соотношении 60 к 40, если общий рост принять за 100.

Эти измерения можно провести очень быстро с помощью тахиантропометра, изобретенного Анфосси (см. [рис. 29](#)). Он состоит из вертикальной стойки, на которую обследуемый ставит свои плечи, горизонтальной планки, регулируемой по вертикали, пока она не ляжет на плечи, и может использоваться одновременно для определения длины рук и среднего пальца: градуированной подвижной шкалы в вертикальной стойке для быстрого измерения других частей тела и пары шкал у основания для измерения ступней.

Вес. В пропорции к своему росту преступники обычно весят меньше, чем нормальные люди, чей вес в килограммах определяется десятичными цифрами его роста, выраженного в метрах и сантиметрах.

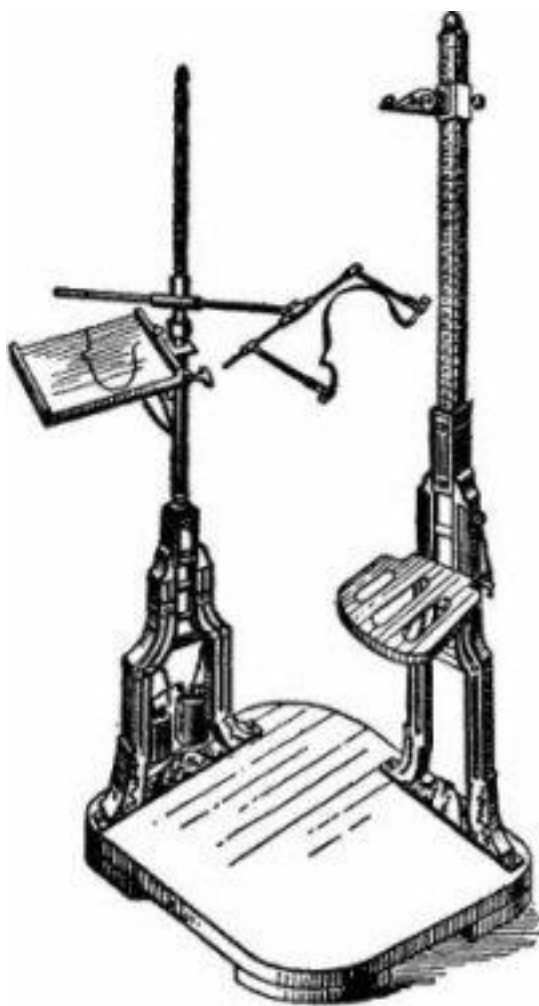

Рис. 30
Краниограмма Анфосси

Голова. Голова, а точнее череп, форма которого зависит от содержащейся в нем мозговой массы, редко бывает свободна от аномалий, и по этой причине тщательное обследование этой части имеет первостепенное значение. У нас нет возможности изучить тонкие черепные изменения у живого человека, но мы можем определить форму и объем его черепа. Это можно сделать легко и быстро с помощью очень удобного краниографа, изобретенного Анфосси (см. [рис. 30](#)), который вычерчивает профиль черепа на куске специально подготовленного картона.

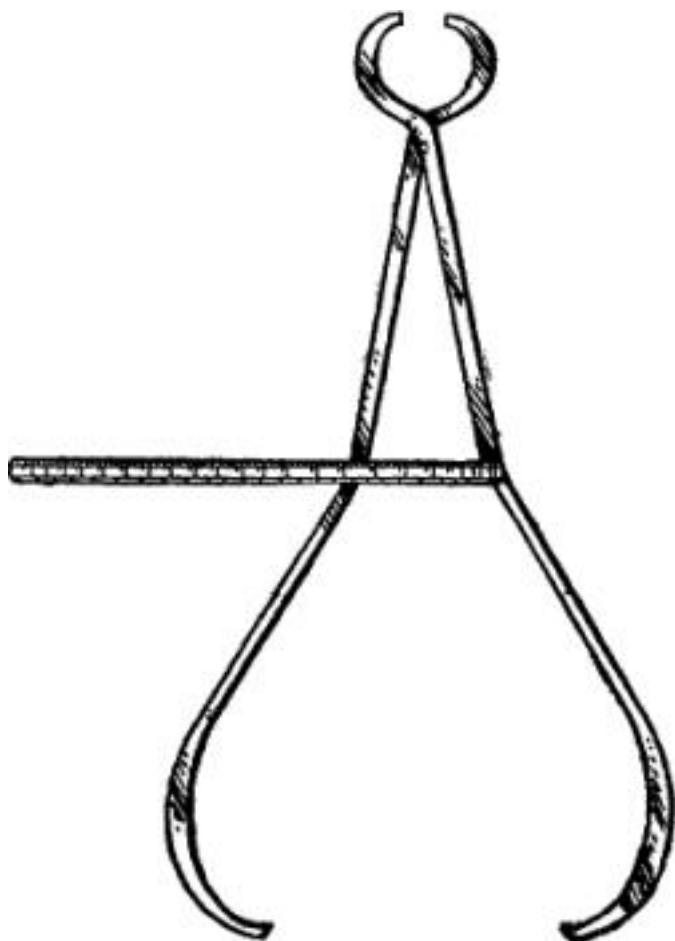

Рис. 31
Пельвиметр

При отсутствии краниометра измерения можно проводить с помощью штангенциркуля, рукоятки которого изогнуты, как у обычных пельвиметров, используемых в акушерстве (см. [рис. 31](#)), и градуированной стальной ленты.

Ниже перечислены основные виды измерений:

1. Максимальный передне-задний диаметр, который получают, прикладывая одно плечо инструмента над корнем носа между бровями и скользя другим плечом по своду черепа до затылка. Расстояние между двумя плечами дает максимальный продольный диаметр.
2. Максимальный поперечный диаметр или ширина черепа измеряется путем установки рук штангенциркуля по одной с каждой стороны головы на самом видном месте.
3. Передне-заднюю кривую получают, закрепив градуированную ленту на нулевой отметке на корне носа (на лобно-носовом шве) и проведя ее через середину лба, темя и затылок до наружного затылочного бугра.
4. Поперечная, или биаурикулярная, кривая получается путем наложения стальной ленты в нулевой точке чуть выше уха и проведения ее по голове в вертикальном направлении до достижения соответствующей точки на другой стороне.
5. Максимальная окружность получается, если обвести голову стальной лентой, касаясь лба непосредственно над бровями, затылка в наиболее выдающейся точке и боковых сторон головы на уровне, где наружное ухо соединяется с головой, в зависимости от того, более или менее приподнято положение затылочного бугра. (См. [рис. 32](#), [33](#).)

6. Объем черепа определяется путем сложения этих пяти измерений: передне-заднего диаметра, максимального поперечного диаметра, передне-заднего изгиба, поперечного изгиба и максимальной окружности. Для нормального мужчины объем обычно составляет 92 дюйма (1500 см³).

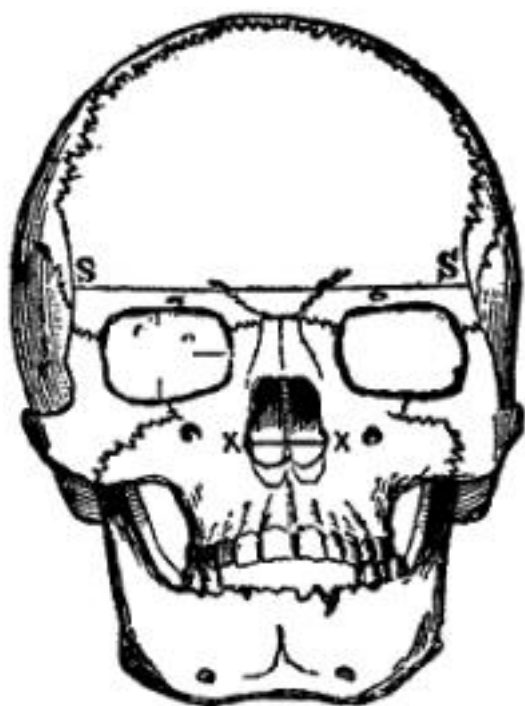

Рис. 32

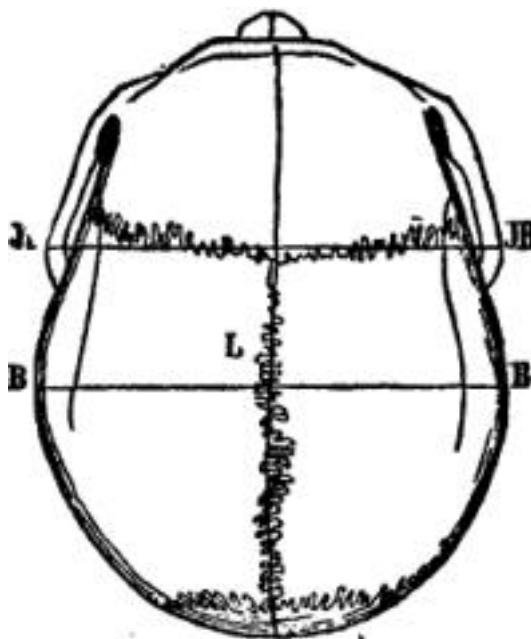

Рис. 33

Схема черепа

7. Цефалический индекс получают путем умножения максимальной ширины на 100 и деления полученного результата на максимальную длину по следующей формуле:

$$W \times 100$$

$$\frac{\text{---}}{L} = X \text{ (цефалический индекс).}$$

L

Если продольный диаметр равен 200, а поперечный - 100, то цефалический индекс равен 1000, разделенным на 200 = 50.

Цефалические индексы дегенератов, как и их рост, имеют лишь относительное значение, то есть когда они сравниваются со средним цефалическим индексом, преобладающим в регионах, уроженцем которых является субъект. Цефалический индекс итальянцев колеблется между 77,5 (сардинцы) и 85,9 (пьемонтцы).

Череп классифицируются в соответствии с цефалическим индексом следующим образом:

Гипердолихоцефалический	ниже 66
Долихоцефалический	66-75
Субдолихоцефалический	75-77
Мезатицефалия	77-80
Суббрахицефалический	80-83
Брахицефалический	83-90
Гипербрахицефалия	выше 90

Среди преступников часто встречаются микроцефалия, макроцефалия и асимметрия - одна сторона головы больше другой. Иногда череп заострен в брегматической области (гипсицефалия), иногда узкий в лобной области в связи с впадением височных мышц и чрезмерным развитием скуловых дуг (стенокротафия, см. [рис. 5](#), часть I., глава I.), или впадение брегматической области (цимбоцефалия).

Лицо. Мы уже отмечали чрезмерную величину лица по сравнению с мозговым корпусом, обусловленную главным образом высокими скулами, которые являются одной из наиболее характерных черт преступников, и огромным развитием челюстей, что придает им вид свирепых животных (см. [рис. 5](#)). К этим особенностям можно добавить прогенизм - выступание нижней челюсти за пределы верхней, характерное лишь для 10 % нормальных людей, покатый лоб, как у обезьян, и уже упоминавшийся лемурийский апофиз.

Руки и кисти. За исключением чрезмерной длины по сравнению с ростом, аномалии рук встречаются редко, но кисти демонстрируют некоторые интересные особенности, которые уже были описаны в первой главе части I: увеличение или уменьшение количества пальцев, синдактилия или пальмированные пальцы. Кроме того, линии на ладони и на пальмарных поверхностях кончиков пальцев демонстрируют отклонения от нормального типа, напоминающие характеристики обезьян.

Ноги. У дегенератов и особенно эпилептиков часто встречаются плоские или хищные стопы и удлинённый большой палец, которым они, подобно японцам, могут хватать предметы.

Все эти аномалии варьируются по количеству и степени в зависимости от того, является ли обследуемый врожденным преступником или криминоидом, а также в зависимости от особого типа преступлений, к которым он пристрастился. Воры обычно демонстрируют большую подвижность лица и рук. Глаза у них маленькие, сощуренные, косо поставленные, быстро перебегающие с одного предмета на другой. Брови кустистые и близко друг к другу, нос искривлен или приплюснут, борода скудная, волосы не особенно обильные, лоб маленький и покатый, а уши выступают за пределы головы. Выступающие уши характерны и для сексуальных преступников, у которых блестящие глаза, тонкая физиономия, за исключением челюстей, которые сильно развиты, толстые губы, припухшие веки, обильная шевелюра и хриплый голос. Они часто имеют слабое телосложение и горбатую спину, иногда наполовину импотенты и наполовину безумцы, с пороками развития носа и репродуктивных органов. Они часто страдают от грыжи и зоба и совершают свои первые преступления в зрелом возрасте.

Синедус отличается женственностью. Он носит длинные волосы, заплетенные в косу, и даже в тюрьме его одежда, кажется, сохраняет женственность. Гениталии часто атрофированы, кожа голая, гинекомастия не редкость.

Глаза убийц холодные, стеклянные, неподвижные и налитые кровью, нос аквильный и всегда объемный, волосы вьющиеся, обильные и черные. Сильные челюсти, длинные уши, широкие скулы, скудная борода, сильно развитые клыки, тонкие губы, частый нистагм и сужение одной стороны лица, которое обнажает клыки в своеобразной угрожающей ухмылке, - вот другие характеристики убийцы.

Фальшивомонетки и мошенники носят на своих бледных лицах своеобразное, стереотипное выражение приветливости, которое, кажется, не способно краснеть и приобретает лишь более бледный оттенок под воздействием каких-либо эмоций. У них маленькие глаза, искривленные и крупные носы, они рано лысеют и седеют, а их лица часто имеют женственный оттенок.

Чувствительность

За внешним осмотром преступника должно последовать детальное изучение его чувств и чувствительности.

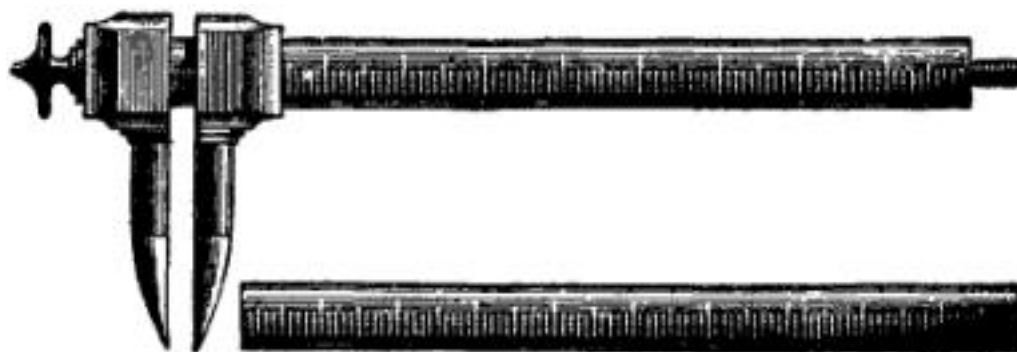

Рис. 34
Эстеziометр

Общая чувствительность и чувствительность к прикосновениям и боли. Тактильную чувствительность следует измерять с помощью эстеziометра Вебера, состоящего из двух заостренных ножек, одна из которых закреплена на конце шкалы, градуированной в миллиметрах, по которой скользит другая (см. [рис. 34](#)). Разделив две точки на три-четыре миллиметра, их помещают на кончики пальцев пациента, который закрывает глаза и просит сказать, ощущает ли он две точки или одну. Нормальные люди ощущают две точки, когда они находятся на расстоянии 2 мм или 2,5 мм друг от друга; однако при тупой тактильной чувствительности (как у большинства преступников) точки должны быть разделены от 3 до 4,5 мм или даже больше, прежде чем они будут ощущаться как две. Тупость зависит от типа преступления, которое обычно совершает субъект; у грабителей, мошенников и нападающих она примерно удваивается, в то время как у насильников, убийц и поджигателей она находится в соотношении 5 к 1 по сравнению с нормальными людьми.

При отсутствии эстеziометра можно произвести приблизительный расчет, используя обычный чертежный компас или даже шпильку для волос, разделив две точки и измерив глазом расстояние, на котором они ощущаются как отдельные.

Общая чувствительность и чувствительность к боли измеряются с помощью обычного электрического аппарата (Дю Буа-Реймона), приспособленного Ломброзо для использования в качестве альгометра. Он состоит из индукционной катушки, приводимой в действие бихроматной батареей (см. [рис. 35](#)). Полюса вторичной катушки помещаются в контакт с тыльной стороной руки пациента и медленно поднимаются вверх за указательный палец, при этом сила индуцированного тока увеличивается до тех пор, пока пациент не почувствует колющее ощущение в коже (общая чувствительность), а затем резкую боль (чувствительность к боли). Общая чувствительность нормальных людей составляет 40, а чувствительность к боли - 10-25: чувствительность преступника гораздо менее острая, а иногда и вовсе отсутствует.

Чувствительность к давлению. Различные металлические кубики одинакового размера, но разного веса, кладут по два, по одному с каждой стороны, на разные участки тыльной стороны кисти. Затем пациента просят указать, какая из двух гирь легче или тяжелее. Это чувство довольно остро проявляется у преступников.

Чувствительность к теплу. Эксперименты проводятся путем помещения на кожу пациента различных емкостей, наполненных водой разной температуры. Если необходима большая точность, следует использовать термоэстеziометр Нотнагеля. Это прибор, очень похожий на эстеziометр Вебера, но точки заменены сосудами с водой разной температуры и снабжены термометрами. Пациент должен указать, какая точка холоднее, а какая горячее. Чувствительность к теплу у преступников менее острая, чем у нормальных людей.

Локализация чувствительности. После того как пациент закроет глаза, к различным частям его тела прикасаются пальцем и просят указать точное место, к которому прикоснулись. Если он не может дотянуться до него пальцем, перед ним ставят статуэтку, на которой он должен отметить карандашом место прикосновения. Нормальные люди всегда способны точно локализовать ощущение: неспособность сделать это означает заболевание мозга или какую-то аномалию.

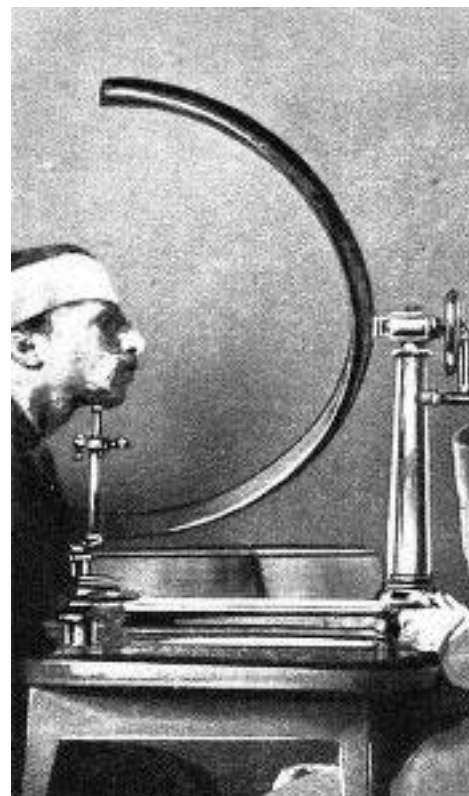
Чувствительность к металлам проверяется путем помещения дисков из различных металлов - меди, цинка, свинца и золота - или полюсов магнита на лобную и затылочную части головы пациента. Иногда он ощущает колющее или тепловое раздражение, головокружение, сонливость или чувство телесного благополучия. В целом преступники проявляют большую чувствительность к металлам; у истеричных людей эта чувствительность достигает необычайной остроты. Если приложить магнит к затылку, ощущения таких людей поляризуются, то есть то, что раньше казалось им белым, становится черным; горьким - то, что раньше было сладким, или наоборот. Это отличный способ отличить подлинные случаи истерии от симуляции. Мой отец однажды обнаружил симуляцию у больной истерией с помощью куска дерева, который по форме и цвету напоминал магнит. При приложении любого магнита, настоящего или мнимого, ощущения пациента были идентичными, в то время как истеричные люди испытывают очень разнообразные ощущения и способны очень резко различать между прикосновениями не только дерева и металла, но и различных видов металла, и особенно чувствительны к магниту.

Рис. 35

**Альгометр
(см. стр. 246)**

Рис. 36

**Кампиметр Ландольта
(модифицированный)
(см. стр. 249)**

Зрение - острота зрения - хроматическая чувствительность - поле зрения. Острота зрения проверяется путем удержания букв определенного размера на определенном расстоянии. Зрение у преступников обычно более острое, чем у нормальных людей; но не так обстоит дело с хроматической чувствительностью, которая проверяется тем, что пациенту дают несколько мотков шелка разного цвета и просят его разложить их последовательно. Люди, страдающие дисхроматопсией, путают разные цвета и разные оттенки одного и того же цвета. Цветослепые люди путают черный и красный.

Особенно важно исследовать поле зрения как место одной из самых серьезных аномалий, обнаруженных современной школой, - наличие периферической скотомы, часто встречающейся у эпилептиков и прирожденных преступников. Для проверки этой аномалии следует использовать аппарат Ландольта (рис. 36). Он состоит из полукруглой ленты, которая может вращаться вокруг колонны. Пациент опирается подбородком на подставку, расположенную перед полукругом таким образом, чтобы исследуемый глаз находился точно в центре, и смотрит прямо на среднюю точку полукруга, соответствующую 0 на шкале: испытуемый объект, маленький шарик, передается назад или вперед по полукругу. Градуированная шкала, расположенная на полукруге, отмечает точку, ограничивающую поле зрения, и результат регистрируется на диаграмме. Средняя граница нормального поля зрения составляет 90 мм. с височной стороны, 55 мм. с носовой стороны, 55 мм. выше и 60 мм. ниже (см. рис. 37). Если подходящего прибора нет, можно начертить на грифельной доске серию концентрических окружностей и поставить пациента на определенном расстоянии, прикрыв один глаз. Затем эксперт прикасается рукой к различным точкам

кругов и спрашивает пациента, видит ли он их, когда его взгляд фиксируется на центральной точке. Таким образом отмечаются различные точки, ограничивающие поле зрения, которые при объединении образуют пограничную линию.

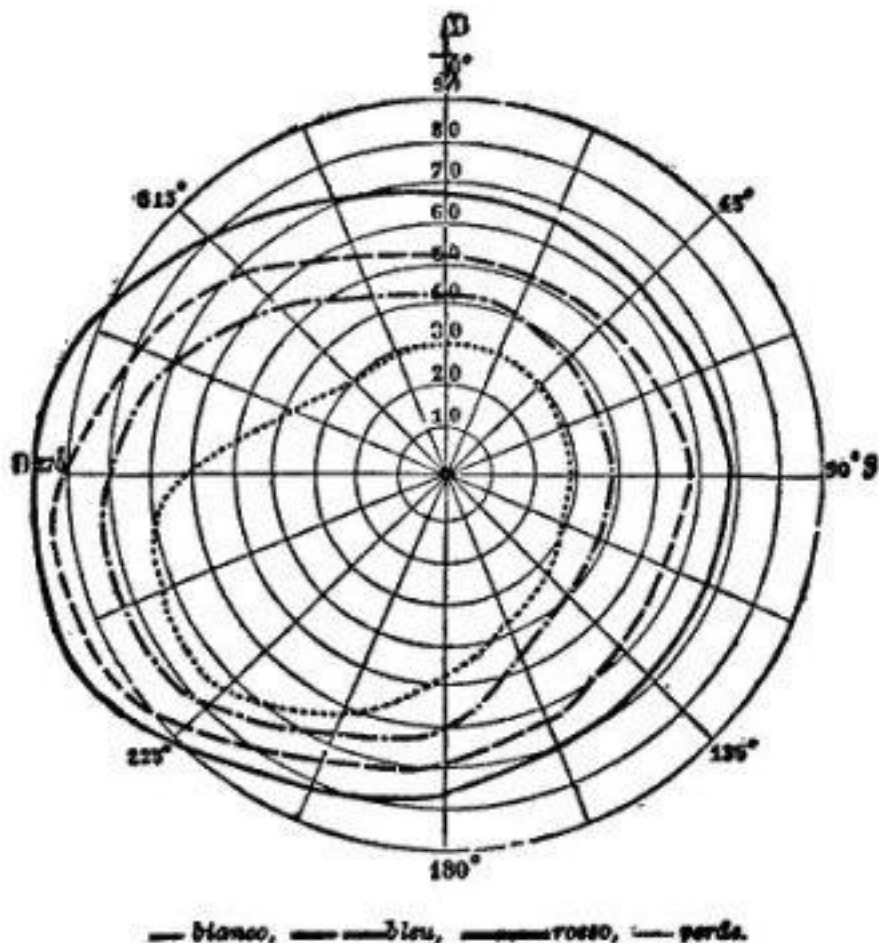

Рис. 37
Диаграмма, показывающая нормальное зрение

Слух у преступника обычно менее острый, чем у нормального человека, но особых аномалий не обнаруживает. Его можно проверить, говоря низким голосом на определенном расстоянии от пациента или держа обычные часы на некотором расстоянии от его уха.

Обоняние. Острота обоняния проверяется растворами эссенций разной силы, которые пациент должен расставить по порядку, указывая ту, в которой он впервые обнаружил запах. Оттоленги изобрел градуированный осмометр, которым легко пользоваться. Преступник обычно демонстрирует обонятельную тупость.

Вкус проверяется так же, как и обоняние, с помощью различных растворов сахараина или стрихнина, которые капают на язык пациента с помощью специальной медицинской пипетки. Каждый раз рот следует прополаскивать. Нормальные люди ощущают горечь сульфата стрихнина в растворе 1:600 000; сладость сахараина в растворе 1:100 000. Чувство

вкуса у криминоидов менее острое, чем у нормальных людей, и особенно тупое у прирожденных преступников, 33% из которых демонстрируют полную тупость.

Движения. Нормальные люди в состоянии покоя остаются почти неподвижными, а их жесты всегда уместны. Лунатики и имбецилы имеют привычку говорить и жестикулировать, даже когда их не допрашивают. Нервные заболевания проявляются в искажениях лица или легких спазматических сокращениях. При меланхолии и всех формах депрессии пациент не жестикулирует, а остается неподвижным, как статуя, с опущенными глазами. Дегенераты проявляют довольно разнообразную серию произвольных движений - подергивания мышц, как при хорее, тонические и клонические судороги и тремор. При дряхлости, хорее и болезни Паркинсона тремор непрерывен и продолжается даже в состоянии покоя; при склерозе, зобе и хроническом опьянении он сопровождает волевые движения, и в этом случае его легко обнаружить, заставив пациента поднести кончик пальца к носу или наполненный стакан к губам. Чем ближе рука приближается к цели, тем интенсивнее становятся колебания. Прежде всего, эксперт не должен забывать просить пациента высунуть язык. Если он высовывается с одной стороны, это признак серьезных нервных изменений и почти всегда означает начало или остатки паралича, или частичные апоплексические удары.

Мышечная сила измеряется с помощью обычного динамометра (рис. 38), который пациент должен изо всех сил схватить. Сила сжатия проверяется путем сжатия овала. Чтобы проверить силу тяги, динамометр прикрепляют к гвоздю в точке С, и пациент со всей силой тянет за точку D. Усилие регистрируется по градуированной шкале и имеет важное значение для выявления леворукости и измерения чрезвычайной силы, которая проявляется в определенных состояниях возбуждения.

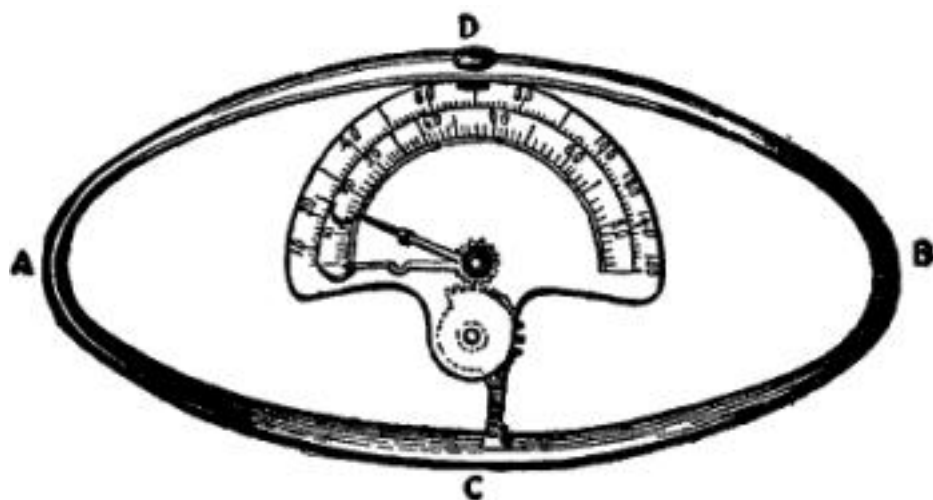

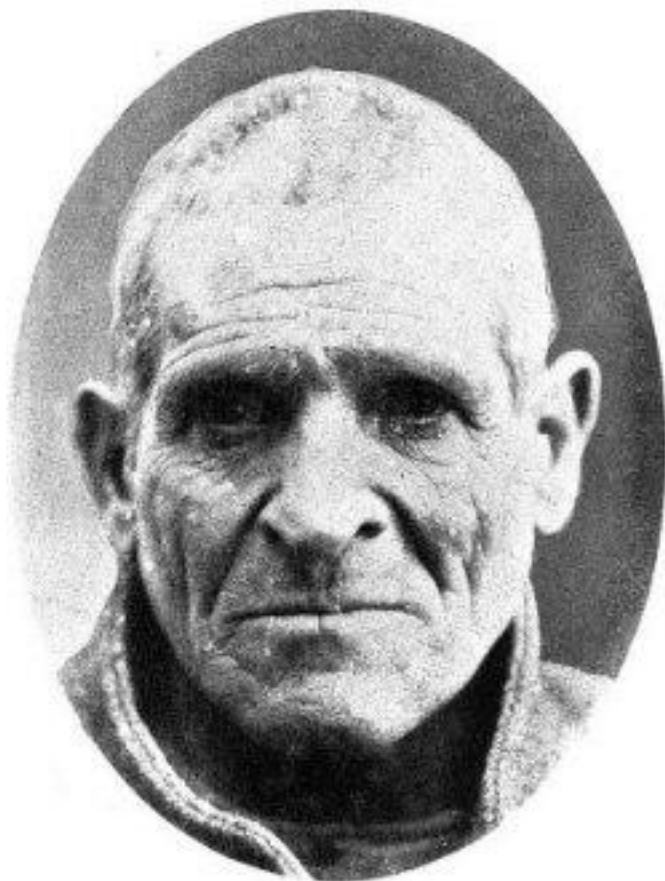
Рис. 38
Динамометр

Рефлекторное действие состоит из движений и сокращений, производимых впечатлением, возбуждающим нервы кожных покровов (кожный рефлекс) или сухожилий (сухожильный рефлекс).

Кожные рефлекторные движения можно проверить, уложив пациента в лежащее положение и методично поглаживая определенные части тела, подошву стопы (плантарный рефлекс), нижнюю сторону коленного сустава (подколенный рефлекс), брюшную стенку (брюшной рефлекс). Особое значение имеют некоторые рефлекторные движения: кремаштерный рефлекс с внутренней стороны бедра (тупой у стариков и лиц, страдающих онанизмом), рефлекторное действие слизистой оболочки, покрывающей роговицу (приостанавливается при ступоре, коме и эпилептических судорогах), глоточный рефлекс по перешейку слизистой оболочки (отсутствует у истеричных лиц).

Расширение и сужение зрачка при аккомодации к расстоянию до рассматриваемого объекта или в ответ на световые раздражители, несомненно, является самым важным кожным рефлекторным движением. Его можно проверить, попросив пациента посмотреть на удаленный предмет и сразу после этого на палец исследователя, поднесенный близко к его глазу, или внезапно вывести его из полумрака на свет. Если зрачок реагирует на свет очень слабо, его называют торпидным: если он вообще не реагирует, его называют ригидным. Ригидность зрачка всегда свидетельствует о каком-то серьезном нервном расстройстве. При некоторых заболеваниях, особенно при табесе, зрачки не реагируют на световые раздражители, а приспособляются к предметам.

Рефлекторное действие сухожилий может быть проверено в любой части тела, но обычно достаточно ротационного рефлекса. Пациента просят сесть на край кровати или на стул, скрестив ноги. Если он здоров, рефлекторное движение достаточно сильное, , но при некоторых заболеваниях могут быть спровоцированы спастические движения, распространяющиеся на живот (преувеличенное рефлекторное действие); в других случаях рефлекс не появляется. Это один из первых симптомов табеса.

Голова итальянского преступника

Моча и кал. Поскольку функции аномальны, химические изменения также должны быть аномальными из-за соотношения органов. У рожденных преступников наблюдается пониженное выделение азота, в то время как хлоридов - нормальное. Выведение фосфорной кислоты повышено, особенно по сравнению с выведением азота. Пептон иногда обнаруживается в выделениях парализованных людей, у которых всегда наблюдается повышенное выведение фосфатов и карбоната кальция.

Температура обычно выше, чем у нормальных людей, и, что еще более важно, меньше колеблется при лихорадочных заболеваниях.

Для удобства читателя я составил список различных моментов, на которые следует обратить внимание при тщательном обследовании.

Таблица антропологического обследования душевнобольных и преступников (составлена Тамбурины, Штрассманом, Бенелли и Марио Каррарой).

- А- Анамнез. Имя-фамилия-национальность-домициль-профессия-возраст-образование.
Экономические и гигиенические условия родного места.
Семейные обстоятельства - дородовые условия - младенчество - пубертатный период.
Причины, которым можно приписать смерть родителей.
Случаи безумия-невроза-имбецильности-извращенности-суицидального криминала

или эксцентричности в семье.

Прогрессирующие заболевания или травмы у субъекта.

Проступки и их причины.

В- *Телосложение.* Скелетное развитие - рост - размах рук.

С- *Физический осмотр.* Мышечное развитие.

Цвет волос и глаз.

Количество и распределение волос.

Татуировка.

Краниометрия: передне-задний диаметр-поперечный диаметр- передне-задний изгиб- поперечный изгиб-цефалический индекс-тип и аномалии черепа-окружность-возможная емкость-полуокружность (передняя, задняя)-лоб-фас, длина, диаметр (бизигомальный и бигониальный)-фациальный тип-фациальный индекс-аномалии строения и развития черепа, лица, ушей, зубов, других частей.

Д- *Функции.*

Е- *Жизнь животных.* Чувствительность: метеоритная-тактильная-тепловая-цветная и мышечная-зрительная-слуховая-другие органы чувств.

Моторика: сенсорная леворукость-моторная леворукость-добровольные и недобровольные движения-рефлекторные действия (сухожильные или мышечные, аномальные, хорей).

Ф- *Вегетативная жизнь.* Мышечная сила.

Кровообращение.

Дыхание.

Термогенез.

Пищеварение: Руминация-булимия-рвота-диспепсия-запор-диарея.

Секреция: Молоко-слюна-перспирация-урина-менструация.

Дисбактериоз: отравление.

Г- *Психическое обследование.* Язык-письмо-сленг.

Внимание-восприятие.

Память (текстовая)-причина.

Мечты-возбудимость-страсти.

Чувства: привязанность-мораль-религия.

Инстинкты и склонности.

Нравственный характер-индустрия.

Физиогномическое выражение.

Воспитание-отношения.

Н- *Болезненные явления. Иллюзии-галлюцинации-обманы-восприимчивость к внушению.*

И- *Преступления.*

Причина первого правонарушения: Окружающая среда - случайность - спонтанное или преднамеренное - пьянство.

Поведение после совершения преступления: раскаяние - рецидив.

ГЛАВА II

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ ФОРМ ПРЕСТУПНОСТИ ДЛЯ ПОМОЩИ В ПРОВЕДЕНИИ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПРЕСТУПНИКАМИ И СУМАСШЕДШИМИ И В ВЫЯВЛЕНИИ СИМУЛЯЦИЙ БЕЗУМИЯ. НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ, ДЕМОНСТРИРУЮЩИХ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ КРИМИНАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Случаи, описанные в этой главе, показывают, насколько необходимо уметь правильно оценивать обвинения, выдвигаемые против невменяемых лиц преступниками или нормальными людьми. Поскольку, кроме того, преступники склонны притворяться невменяемыми, чтобы избежать наказания, я суммирую характеристики, которые отличают различные типы преступников. Что касается невменяемых преступников, то следует помнить, что каждая форма психического отчуждения предполагает специфическую преступность.

Идиоту свойственны вспышки ярости, жестокие нападения и убийства. Его безудержный сексуальный аппетит побуждает его совершать изнасилования. Иногда он виновен в поджоге, чтобы удовлетворить детское удовольствие от вида пламени.

Имбецил или слабоумный эгоист - частый, хотя и ненужный соучастник почти всех преступлений, благодаря своей восприимчивости к внушению и неспособности осознать тяжесть своих действий.

Меланхолия часто становится причиной самоубийства или убийства (как разновидность непрямого самоубийства). Страдающий обычно признается и сдается полиции. Бредовые идеи о том, что его отравляют или оскорбляют, часто являются причиной убийств, совершенных этим типом сумасшедших.

Маньяки совершают грабежи, изнасилования, убийства и поджоги, а также ведут себя непристойно в общественных местах.

Воровство распространено среди людей, страдающих общим параличом, которые считают, что все, что они видят, принадлежит им, или не понимают значения собственности.

Деменция вызывает общее мозговое раздражение, которое часто приводит к убийствам и насилию.

Истеричные люди придумывают клевету, особенно эротического характера. Они склонны к сексуальным отклонениям, любят мошенничать и совершать экстравагантные поступки, чтобы прославиться.

Лица, подверженные мании к судебным разбирательствам, оскорбляют государственных деятелей и других людей.

Эпилептики, среди которых прирожденные преступники и морально ненормальные - самая опасная разновидность, знакомы со всей шкалой преступности. Их особыми преступлениями являются нападения и побои, изнасилования, кражи и подлоги. Первые преступления совершаются периодически, под влиянием приступов раздражения коры головного мозга, последние два - почти постоянно, в силу состояния постоянного раздражения.

Чтобы отличить подлинное безумие от симуляции, необходимо помнить, что преувеличение симптомов - одна из главных характеристик симуляции. Симулянт преувеличивает болезненные явления и демонстрирует большую несогласованность идей, чем истинный сумасшедший, который дает разумные ответы на простые вопросы, в то время как симулянт несет чушь. Например, если симулянта спросить, как его зовут, его ответ не будет иметь никакой связи с вопросом. Он скажет, например: "Ты принес счет?" или на вопрос, сколько ему лет, ответит: "Я не голоден".

Прежде всего, для того чтобы отличить слабоумие, идиотию, кретинизм от подражания этим формам, необходимо провести тщательное соматическое обследование. Следует отметить, что у идиотов, имбецилов и кретинов мы обычно находим гипертрофию соединительных тканей, землистый оттенок кожи, скудную бороду, *стенокротафию*, аномалии черепа, ушей, зубов, лица и особенно челюстей, неизменно аномалии поля зрения, пониженная чувствительность к прикосновениям и боли (которую невозможно симулировать, так как боль неизменно вызывает расширение зрачков), метеоризм, приступы гемикрании, невралгии, галлюцинации и даже судороги, эпилептические припадки, тремор, переходящий в пропульсивные формы, а в психологическом плане - отсутствие естественных чувств, садизм и неспособность к обычным занятиям.

При симуляции эпилепсии следует учитывать, что эпилептик всегда проявляет характерные дегенеративные признаки, особенно асимметрию лица, черепа и грудной клетки, а тщательное обследование позволяет выявить невроз в семье, травму или тяжелое заболевание в детстве. Во время припадка зрачок не реагирует (это невозможно симулировать) или наблюдается чрезмерный мидриаз. Внезапная бледность и истощение, которые следуют за припадком, в симуляторе отсутствуют, он также не прикусывает язык и не наносит себе других повреждений. Более того, он реагирует на применение аммиака, а поскольку он не находится в том состоянии асфиксии, в котором эпилептик лежит во время припадка, закрытие рта и ноздрей также вызывает реакцию.

Истерия. Здесь выявить притворство сложнее, поскольку обман является характерной чертой этого заболевания. Следует прибегнуть к тестам с металлами, к которым истеричные люди чрезвычайно чувствительны, внушению и гипнозу. Характер преступления должен быть рассмотрен особо, потому что, как мы уже говорили, в основе истерии лежит эротика, и преступления, совершаемые истериками, почти всегда имеют этот характер в средствах или в цели.

Во всех случаях следует рекомендовать исследование чувствительности с помощью соответствующих инструментов и рефлекторных действий.

Практическое применение криминальной антропологии

Поминутное изучение преступника допускает бесконечное количество применений. Обычно оно используется для решения вопроса о том, к какой категории преступлений относится тот или иной преступник, является ли он прирожденным преступником, морально ненормальным субъектом, случайным преступником или криминоидом; но в некоторых случаях экспертиза может оказаться полезной для установления невиновности обвиняемого человека или для распознавания в обвинителе невиняемого человека, чье обвинение проистекает из какого-то заблуждения, а не из знания фактов.

Обвиняемый человек, доказавший свою невиновность с помощью антропологической экспертизы

12 января 1902 года маленькая девочка шести лет, жившая в Турине, внезапно исчезла. Спустя два месяца труп был обнаружен спрятанным в ящике в подвале того самого дома, где жила маленькая жертва. На нем были следы преступного насилия, а одежда находилась в беспорядке. Были арестованы разные люди, в том числе кучер по имени Тосетти, которого несколько раз видели шутящим и играющим с ребенком.

Тосетти был честного происхождения, его дед и родители умерли в преклонном возрасте (от шестидесяти до девяноста лет), не проявляя нервных аномалий, пороков и преступлений. Сам Тосетти, хотя и любил выпить, редко, если вообще когда-либо, находился в состоянии алкогольного опьянения и был человеком тихим, спокойным, с доброжелательной улыбкой и безмятежным выражением лица. Его волосы поседели в раннем возрасте, и он был лишен каких-либо дегенеративных черт, за исключением чрезмерного развития верхней челюсти. [Рост 5 футов 7 дюймов (1,70 м.); вес 158 фунтов (72 килограмма); объем черепа 93 дюйма (1531 см. куб.); цефалический индекс 84 (брахицефалия, характерная для пьемонтцев); тактильная чувствительность 3 мм. слева, 2,5 мм. справа; общая чувствительность 83 справа, 78 слева; чувствительность к боли 55 справа, 45 слева. Таким образом, чувствительность была практически нормальной без каких-либо признаков леворукости. Анализ мочи - отсутствие землистых фосфатов, характерных для прирожденных преступников. Сухожильные рефлексы слабые, кожных рефлексов мало, тремора нет. Поле зрения не было сильно уменьшено, но проявляло некоторые особенности, несомненно, вызванные злоупотреблением алкоголем].

Психологически Тосетти выглядел человеком со средним или, возможно, чуть менее чем средним интеллектом. Он был тихим, очень почтительным, чтобы не сказать подневольным, полностью лишенным импульсивности в какой бы то ни было форме и не склонным к ссорам, за что его скорее презирали его товарищи. Его природные привязанности были нормальными, и он был хорошим сыном и братом; он был чрезмерно робок и смущался от малейшего упрека со стороны своего работодателя. Он очень любил вино, но не спиртные напитки. Сексуальные инстинкты он утратил очень рано, из-за чего его товарищи часто подшучивали над ним. Его скупость граничила со скупостью, и он никогда не менял своего ремесла.

Во время суда он ни на кого не обижался, даже на полицейских и надзирателей, о которых однажды сказал: "Они относились ко мне как к сыну".

Экспертиза неопровержимо доказала, что Тосетти не был прирожденным преступником и не мог совершить то, в чем его подозревали, - убийство ребенка ради чисто звериного удовольствия.

Чтобы получить более веские доказательства, мой отец воспользовался плетизмографом и обнаружил небольшое ослабление пульса, когда Тозетти задавали сумму; однако, когда перед ним клали черепа и портреты детей, покрытых ранами, зарегистрированная линия не показывала никаких резких изменений, даже при виде фотографии маленькой жертвы.

Результаты вышеупомянутого обследования окончательно доказали, что Тозетти был невиновен в преступлении, которое могут совершить только садисты, идиоты и самые дегенеративные типы сумасшедших, такие как Вахер, Верцени и все звероподобные преступники, достигшие вершины преступности и объединившие в своей личности наибольшее количество болезненных физических и психических характеристик.

Через несколько месяцев после того, как мой отец поставил этот диагноз, аналогичное нападение было совершено на другую девочку, живущую в том же доме. Однако в этом случае жертва выжила и смогла указать на преступника - имбецила, страдающего зобом, заиканием, косоглазием, гидроцефалией, трохоцефалией и плагиоцефалией, с руками непропорциональной длины, сына и внука пьяниц, который признался в двойном преступлении и попросил прощения за "пустяковый проступок", поскольку всегда выполнял свой долг и подметал лестницу, даже в день совершения преступления.

Можно было бы привести и другие подобные случаи, но достаточно одного. Однако я могу упомянуть случай, когда мой отец доказал невинность одного несчастного человека, приговоренного к десяти годам каторги и освобожденного по истечении срока. Проведя тщательное обследование, которое показало полное отсутствие криминальных черт, мой отец объявил этого человека невинным в преступлении, за которое он был заключен в тюрьму; последующие расследования привели к его реабилитации и выявлению настоящего преступника.

Обвинение, доказанное антропологической экспертизой, оказалось ложным

Некий человек по имени Феррери внезапно исчез, а через десять дней его труп был найден в колодце. Показания нескольких человек привели к аресту владельца колодца, некоего Фиссоре, человека с очень плохой репутацией, с которым Феррери видели в день его исчезновения.

После ареста Фиссоре признался, что совершил преступление, но не один, а назвал в качестве своих сообщников еще троих - Мартиненго, Булана и проститутку по имени Ада. Все трое упорно отрицали свою вину. Все они выглядели совершенно нормальными.

Но после месяца расследования Мартиненго, подвыпивший носильщик тридцати пяти лет, сын и внук пьяниц, который сначала выдвигал алиби, после нескольких очных ставок с Фиссором признал свою причастность, а в отсутствие последнего добавил к своей версии (Фиссора) различные детали.

Все четверо обвиняемых были подвергнуты антропологической экспертизе, которая дала следующие результаты:

Булан имел внешность честного сельского нотариуса с широким лбом, рано поседевшими волосами и залысинами, маленькими челюстями и хорошо очерченным ртом. Он был тихим человеком и лишь однажды вступил в конфликт с законом, но за поступок, который с точки зрения антрополога не является преступлением (ударил карабинера, который плохо обращался с его отцом). Он усердно занимался своим ремеслом, подмастерьем пекаря, и проявлял доброту, заменяя заболевших товарищей. Он проявлял большую привязанность ко всем своим товарищам, родственникам и членам семьи и был всеми любим. Одним словом,

он был честным, трудолюбивым человеком. Его алиби подтвердили несколько человек, которые играли с ним в карты в вечер преступления.

Вторая заключенная, Ада, хотя и была проституткой, никогда не проявляла других преступных наклонностей; она приняла свое призвание, чтобы содержать отца и детей, которых она очень любила.

Мартиненго, признавший свою причастность к преступлению, ранее не был судим. Однако он был лицом землистого оттенка, с преждевременными морщинами. Рост - 5 футов, 3 дюйма (1,60 м.); размах рук - 5 футов, 7 дюймов (1,70 м.); приплюснутая, наноцефальная голова, нормальная моча (фосфаты 3,1), но аномальные рефлекторные действия и органы чувств. Жесткие, неравные зрачки, язык и губы наклонены вправо, трясущаяся рука, астазия, афазия, сильное ротулярное рефлекторное действие, отсутствие кожных и кремаштерных рефлексов, неразборчивый почерк - дефект давний, так как он был обнаружен и в письмах, написанных за девять месяцев до ареста, неуверенность и ошибки произношения (брадифазия и дизартрия), полная нечувствительность к прикосновению и электрическому току, который не давал ему ощущения боли. С другой стороны, его мучили невыносимые боли в различных частях тела.

Он имел привычку непрерывно смеяться, даже когда его отчитывали или упоминали о грустных темах. Несмотря на резкие боли в эпигастральной области, он, казалось, находился в странном состоянии эйфории или болезненного телесного благополучия, которое не позволяло ему осознать, что он находится в тюрьме. Он выразил сожаление, когда его вывели из камеры, где, по его словам, он с таким удовольствием проводил часы за чтением. Время от времени у него возникали галлюцинации в виде привидений, ящериц, мышей и т. д.

По ночам он, казалось, страдал от острого душевного смятения, из-за чего вскакивал с постели. Иногда его охватывал приступ хореи, за которым следовал глубокий сон.

Эти явления привели моего отца к выводу, что Мартиненго был наркоманом в первой стадии паралитического слабоумия.

Слабоумные паралитики и имбецилы, как и дети, легко поддаются влиянию чужих или собственных фантазий. Простое чтение может произвести сильное впечатление на такие умы, как в случае с маленькой девочкой, обвинившей мэра Гратца в нападении, потому что она слушала рассказ о похожем случае; и впечатление усиливается, когда, как в случае с Мартиненго, ему предшествуют арест, уединение в камере, замечания магистратов, надзирателей и т. д.

Чтобы проверить восприимчивость Мартиненго к внушению, мой отец сказал ему, что его камера - это комната в "Альберго дель Соле", так назывался отель в его родном городе. Сначала эта идея его позабавила, но через несколько дней он начал рассказывать о ней другим людям и наконец твердо поверил в нее. Через несколько месяцев его в состоянии паралича перевели в психушку, и там он любил хвастаться "Альберго дель Соле", где останавливался несколько месяцев назад и где его угощали отменными блюдами и т. д.

Теперь мы переходим к Фиссоре, обвинителю остальных троих. Расследование его происхождения показало, что кузен по мужской линии умер в бреду, кузина по женской линии умерла в психушке, двоюродный дед по материнской линии был сумасшедшим и покончил с собой; другой кузен был слабоумным и подвержен припадкам; еще один, глухонемой, умер в психушке; другой двоюродный дед был пьяницей и бездельником; одна сестра была идиоткой, другая сбежала из дома, а брат был несколько раз осужден.

Джузеппе Фиссоре в детстве страдал сомнамбулизмом и *ночным* страхом; когда он немного подрос, то вставал по ночам, ходил и пытался выброситься из окна. В школе он избегал общества других мальчиков и злился, когда его называли по имени. В десять лет его укусила бешеная собака, а когда в Турине за ним ухаживала жена трактирщика, у него случился эпилептический припадок. В тринадцать лет его охватил очередной припадок, и при падении он сломал руку. Его беспокойный и капризный характер заставлял его много раз менять род занятий; он поочередно становился то пекарем, то плотником, то лесником, то батраком. Он, похоже, не испытывал особой привязанности к матери и еще меньше - к отцу, с которым однажды поссорился. В возрасте двадцати лет, поссорившись с товарищами, один из них ударил его серпом и проломил череп. Он был несколько раз осужден за кражи, нападения и т. д.

У него было всего несколько физических аномалий - преувеличенная асимметрия лица из-за непропорционального развития левой стороны черепа, линии Каррара на ладонях и шрам, полученный в результате перелома черепа; Но конвульсии, *ночной припадок*, два приступа и другие особенности указывали на то, что он был эпилептиком и ненормальным человеком, и объясняли, как он мог совершить убийство в одиночку, которое, к тому же, стало еще более легким из-за того, что жертва сильно выпила. Не обошлось и без мотива, ведь у убитого была похищена крупная сумма денег. Полное отсутствие морального чувства, отличающее Фиссору, объясняет, почему он пытался вовлечь в преступление трех человек, которые никогда не делали ему зла, ради удовольствия причинять вред и наслаждаться страданиями других. На самом деле во время судебного процесса он выдвинул множество ложных обвинений против полиции просто ради лжи, что характерно для дегенератов.

Неопровержимые алиби и масса улик в пользу трех других людей подтвердили антропологические диагнозы и привели к их оправданию, в то время как Фиссоре был признан виновным в преступлении.

Симуляция деменции и афазии у морально невменяемого субъекта

В августе 1899 года некий Э. М. (см. [рис. 44](#)) был помещен из тюрьмы в приют. Хотя ему было всего восемнадцать лет, он был несколько раз осужден за кражи и грабежи. В детстве он всегда проявлял сильную неприязнь к школе и был склонен придумывать странные небылицы. В одном случае он утверждал, что убил и ограбил человека, хотя было известно, что он не выходил из дома в это время.

После шести месяцев пребывания в тюрьме у него стали проявляться признаки психического отчуждения: бессонница, потеря речи и копрофагия. Всякий раз, когда открывали камеры, он предпринимал дикие попытки сбежать, забравшись на решетку. С ним часто случались эпилептические конвульсии.

30 августа 1899 года он был обследован с медицинской точки зрения и получил следующие результаты:

Рост - 5 футов, 1 дюйм (1,55 м); вес - 130 фунтов (59 килограммов). Другие измерения получить не удалось из-за упорного сопротивления субъекта. Его скелетное телосложение выглядело правильным, а организм хорошо питался. Его череп был брахицефальным, с сильно развитыми лобными пазухами и прекрасными, длинными, темно-коричневыми волосами. В теменно-затылочной области находились шрам и повреждение кости - следы ранения, полученного во время одного из его бесчестных походов. У него был нормальный тип

лица с частыми сокращениями мимических мышц; рост волос на лице скудный для его возраста. Чрезвычайно подвижные глаза с живым выражением, легкое косоглазие. Осмотр рта показал небольшую скошенность нёба, слизистая оболочка была довольно бледной. Бесцветная кожа была склонна к бледности.

Функции показали необычайную степень кожной анестезии и анальгезии. Зимой и летом пациент носил только пару брюк и тонкую майку, закрывающую грудь и оставляющую руки голыми; их он любил украшать лентами и медалями. Он имел привычку просовывать кусочки льда между одеждой и кожей, а также колоть себя иглой в подбородок, чтобы вставить в отверстия волоски. Однажды один из врачей тихо подошел к нему сзади и довольно глубоко воткнул иглу в его затылок, не вызвав, по-видимому, никаких ощущений. Различные тесты проводились путем укалывания его иглой, когда он спал, но это не вызывало ни малейшего рефлекторного движения с его стороны.

Психология. Он был подвержен странным импульсам, которые казались непреодолимыми. Однажды его застали за отрезанием головы кошки, а иногда он пожирал мышей, пауков, ногти, экскременты и мокроту других пациентов. Он публично совершал акты самобичевания с показным неприличием, имел привычку хвататься за яркие предметы и часто рвал одежду. Упорный мутизм дал ему прозвище "немой", но он разговаривал во сне и отвечал на вопросы знаками.

Сначала медики сочли, что он находится на первой стадии слабоумия, но течение симптомов и некоторые биологические и психические данные, полученные при обследовании, привели их к выводу, что речь идет о симуляции со стороны морально невменяемого человека.

Прежде всего, взгляд пациента выражал некоторую растерянность и постоянное недоверие; кроме того, было замечено, что грязные, непристойные и жестокие поступки совершались им только тогда, когда он знал, что за ним наблюдают. Надзиратели часто видели, как он удалялся в тихое место и извергал из себя все тошнотворные вещества, которые он публично проглотил. Как только он считал себя защищенным от наблюдения, обычное апатичное выражение его лица сменялось бодростью и умом.

В ноябре того же года, хотя он и не избавился от своей имбецильности, он предоставил множество доказательств своего интеллекта. Он помогал парикмахеру в приюте и проявлял мастерство и аккуратность в том, как мыл лица других пациентов, но если на сцене появлялся врач, он неуклюже мазал мылом глаза и рты. В игре в карты он не проявлял недостатка мастерства и никогда не упускал возможности сжульничать.

Все эти факты указывали на мошенничество, и подозрения медиков были полностью подтверждены его побегом 26 ноября. То, как он подготовил и осуществил этот план, свидетельствует о его большой проницательности. За некоторое время до этого он полностью сменил одежду и оделся с определенной долей элегантности. Он оставил записку, в которой ласково попрощался со всеми. Позже он признался одному из сокамерников, что заранее подготовил все для побега, как только у него появится достаточно денег. Он также утверждал, что чувствовал боль при уколе.

Некоторые из особенностей, проявившихся в этом случае, - афазия, бесчувственность и копрофагия - были замечены у других симулянтов, и легко понять, почему морально ненормальные люди, которые от природы бесчувственны и грязны в своих привычках, должны принять эти особенности как черты своего безумия. Упорное сопротивление, оказываемое субъектом всем попыткам применить диагностические инструменты, за

исключением тех, что предназначены для измерения бесчувственности, можно объяснить страхом перед тем, что симуляция может быть обнаружена.

Симуляторы безумия, как правило, психофизиологически, а зачастую и анатомически, дегенеративны, и их неполноценность вынуждает их прибегать к насилию и хитрости - чертам диких рас, чтобы уравновесить свои природные недостатки. Симуляция безумия по своему мотиву напоминает мимикрию некоторых насекомых, которые принимают защитное сходство с другими и вредными видами. Неполноценные от природы индивиды склонны подражать персонажам устрашающего характера (в данном случае психическим), которые служат им защитой и позволяют конкурировать с другими, лучше подготовленными к борьбе за жизнь.

Психическое расстройство и преступная мономания, продемонстрированные антропологической экспертизой

В июне 1895 года 30-летний Микеле Бальми был арестован за то, что ударил Марию Бальми ножом в шею и руки. Поступок был совершен среди бела дня и, по-видимому, без всякого мотива, но обвиняемый утверждал, что это было сделано из мести, потому что девушки постоянно насмехались над ним.

Из показаний следовало, что девушки деревни не оскорбляли Бальми, а старались избегать его по возможности из-за его смазливости. Показания других свидетелей, в том числе мэра местечка, свидетельствуют о том, что на него вообще смотрели как на полубезумного человека, поскольку за очень короткое время он растратил все свое наследство и совсем перестал работать.

Соматический осмотр. Телосложение довольно упитанное, рост 5 футов 3 дюйма (1,60 м.), вес 150 фунтов (68 килограммов). Форма черепа нормальная, но более преувеличенно брахицефалическая, чем средний цефалический индекс пьемонтцев, который составляет 85; вероятная емкость 90 куб. дюймов (1475 куб. см), или немного ниже нормального мужского черепа, но пропорциональна низкому росту.

Общая чувствительность и чувствительность к боли и прикосновению более тупая слева, общая чувствительность правой руки 68, а левой 81. Долорическая чувствительность - 35 справа и 41 слева; тактильная чувствительность - 1,5 справа и 3,5 слева. Сила, проверенная динамометром, показала 47 справа и 54 слева, что доказывало, что испытуемый - левша.

Поле зрения проявляло чрезвычайные нарушения, с серьезной скотомой на внутренней стороне правого глаза; на левом глазу скотома была незначительной, но имелась близорукость на внутренней стороне.

Психическое обследование. Поведение испытуемого было очень странным. С самого первого дня своего заключения он казался совершенно спокойным и уравновешенным, как будто ничего не произошло. Когда его спросили, как ему показалась тюремная жизнь, он лишь заметил: "Я, конечно, думал, что еда лучше".

Когда его спросили, почему он совершил преступление, он ответил:

"Действительно, преступление! Я просто выполнял свой долг. Эти женщины постоянно досаждали мне. Даже ночью они стучали в окно и звали меня [акустические галлюцинации], они оскорбляли меня, потому что хотели, чтобы я женился на них".

"Оскорбляли ли они вас во время вашего отсутствия в Италии?"

"Да, они беспокоили меня все время, пока я был в Америке. Менять профессию было бесполезно. Я перепробовал все: сначала я был музыкантом, потом парикмахером, потом попробовал ткать, но они продолжали в том же духе, пока я не потерял из-за них свое положение и не был вынужден покинуть страну".

"Вы когда-нибудь были сумасшедшим или страдали от головных болей?"

"В Чикаго меня внезапно вызвал врач, но я никогда не был сумасшедшим и должен быть в порядке, если эти женщины оставят меня в покое. В конце концов, я всего лишь хотел преподать им урок".

Он демонстрировал глубокую и непоколебимую веру в свои утверждения, которая редко встречается у симулянтов или страдающих меланхолией, но свойственна мономаньякам, особенно если они подвержены галлюцинациям и убеждены, что являются объектом всеобщего преследования.

Тщательное расследование преступления показало, что оно было совершенно без мотивов и совершенно открыто, без каких-либо попыток скрыться или создать алиби. Оно не имело ни малейшего сходства с обычными преступлениями и явно представляло собой случай мономании с галлюцинациями. Этот диагноз подтверждался аномалиями в области зрения и чувствительности, акустическими галлюцинациями и, с психологической точки зрения, аномальным характером привязанностей и нравственного чувства.

Невозможно было предположить, что какие-либо из этих особенностей были смоделированы, поскольку субъект был слишком невежественным, чтобы осознавать важность галлюцинаций и изменений в чувствах и привязанностях. Более того, он вел себя как человек, глубоко убежденный в том, что выполнил свой долг, и у него не было никаких мотивов притворяться, чтобы избежать наказания, поскольку ему, очевидно, и в голову не приходило, что он рискует его понести. Его отправили в приют.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАБОТЫ ЧЕЗАРЕ ЛОМБРОЗО (КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ)

I

Гениальный человек (L'Uomo di Genio)

В 1863 году мой отец был назначен читать цикл лекций по психиатрии в университете Павии. Его вступительная лекция "Гениальность и безумие" показала тесную взаимосвязь между гениальностью и безумием; эта тема оказалась для него настолько захватывающе интересной, что он погрузился в изучение проблемы со всем пылом, на который был способен.

Тем, кто никогда не сталкивался с психически ненормальными людьми, может показаться абсурдным упоминание гениальности и безумия на одном дыхании, и еще более абсурдным стремление продемонстрировать существование всплеск вдохновения у безумцев. В сознании большинства людей слово "лунатик" с самого раннего детства вызывает

представление о бессвязном, тупом или слабоумном существе, с развевающимися волосами, бушующем в пароксизмах маниакальной ярости или погруженном в имбецильную апатию; конечно, это не остроумный человек, способный рассуждать логически. Но при самом беглом посещении обычной психушки любому наблюдателю станет ясно, что такие экстремальные типы составляют лишь незначительное меньшинство. Большее число людей, оказавшись за пределами узкого круга своих заблуждений, часто рассуждают с большей проницательностью, чем нормальные люди; а их идеи, не скованные закоряченными предрассудками, которые препятствуют свободе мысли, отличаются оригинальностью. Изящные фрагменты прозы и поэзии и действительно прекрасные мелодии, созданные заключенными психушек, были собраны моим отцом и опубликованы в качестве специальных монографий в книге *"Человек гений"*; а в его музее в Турине хранятся образцы вышивки изумительно красивого дизайна и исполнения, а также резьбы чрезвычайной тонкости.

Известные случаи математических, музыкальных, художественных вундеркиндов и сомнамбул с пророческими дарами, которые, тем не менее, кажутся совершенно имбецильными, если не считать их особых талантов, являются интересными примерами перехода от безумия к гениальности. Решение уравнений четвертой и пятой степени или умственные вычисления, включающие умножение или деление большого количества цифр, - трудные операции для нормальных людей; однако люди, едва умеющие читать и писать и часто страдающие безумием или имбецильностью, как известно, обладали чудесными математическими способностями. Имуальди был кретином, а Дазе, Юллер, Бакстон, Мондер и Пролонго - людьми слабого интеллекта. Среди обитателей приютов можно найти кретинов и идиотов, способных сыграть на свистульке любую мелодию, которую они слышали. Рисунки кошек, выполненные норвежским кретином, были признаны достойными места среди сокровищ художественных галерей и музеев. Такие случаи доказывают, что обладание одной высокоразвитой способностью не означает соответствующего развития всех интеллектуальных способностей. Неинтеллектуальные, неуравновешенные или даже умственно отсталые женщины, находясь в сомнамбулическом или гипнотическом состоянии, способны предсказывать будущие события, что невозможно для нормальных людей, или узнавать местонахождение предметов, спрятанных на расстоянии, - чудесное явление, которое можно объяснить, лишь предположив существование дальновидения и мощного синтетического процесса, напоминающего вдохновение гения.

Хотя доказать существование признаков гениальности у психически больных людей было несложно, выявить случаев безумия у гениальных людей было гораздо проще.

Эти случаи, тщательно классифицированные, составляют самую длинную и важную часть *"Человека гения"*, но здесь нет необходимости уделять место каждому из них.

Доказательства связи между гениальностью и безумием были дополнены данными, полученными в результате физического обследования ряда гениев в сравнении с безумными субъектами, а также тщательного исследования этнических, социальных и географических причин, влияющих на формирование обоих типов. Все полученные факты продемонстрировали их полную аналогию.

Но исследования моего отца не остановились на открытии этой аналогии или источников, откуда берутся различные разновидности гениальности, что, пожалуй, является самой интересной частью книги, или даже на применении новых доктрин с целью прояснения неясных моментов в истории и пролития света на жизнь великих людей. Он продолжал свои

исследования, пока не нашел краеугольный камень здания, воздвигнутого безумием и гениальностью - эпилепсию.

Хорошо известно, что многие гениальные люди страдали от эпилептических припадков и еще большее число - от тех симптомов, которые, как мы показали, являются эквивалентом припадка. Юлий Цезарь, Святой Павел, Магомет, Петрарка, Свифт, Петр Великий, Ришелье, Наполеон, Флобер, Гетцце, де Мюссе и Достоевский были подвержены приступам болезненного гнева; а Свифт, Мальборо, Фарадей и Диккенс страдали от головокружения.

Но именно в описаниях гениальными людьми своих методов работы и творчества мы находим самое сильное сходство с различными явлениями эпилепсии, которые уже были подробно описаны в этой работе, в части, посвященной связи эпилепсии и преступности. Во время написания стихов Тассо, казалось, лишался чувств; Альфьери чувствовал, что вокруг него все темнеет; пульс Лагранжа становился неровным; Мильтон, Лейбниц, Куджас, Россини и Томас могли работать только в особых условиях. Другие стимулировали вдохновение с помощью тех стимуляторов, которые провоцируют эпилептические приступы. Бодлер употреблял гашиш, а вино вызывало творческий дух у Глюка, Жерара де Нерваля, Верлена, де Мюссе, Гофмана, Бернса, Кольриджа, По, Байрона, Прага и Кардуччи. Глюк был склонен заявлять, что ценит деньги только потому, что они позволяют ему доставать вино, и что он любит вино, потому что оно вдохновляет его и переносит на седьмое небо. Шиллер довольствовался сидром, а Гете не мог работать, если не чувствовал на голове тепло солнечного луча. Многие утверждали, что их труды, изобретения и решения сложных проблем были сделаны в бессознательном состоянии. Моцарт признавался, что сочинял во сне, Ламартин и Альфьери делали аналогичные заявления. *Анриада* была предложена Вольтеру во сне; Ньютон и Кардано решали сложнейшие задачи подобным образом; а миссис Бичер-Стоу, Джордж Элиот и Жорж Санд утверждали, что их романы были написаны в состоянии сна, и что они сами не знали о конечной судьбе своих персонажей. В предисловии к одной из своих книг миссис Бичер-Стоу даже пошла на то, чтобы отрицать свое авторство. Сократ и Толстой заявили, что их произведения были написаны в полубессознательном состоянии; Леопарди - что он следовал за вдохновением; а Данте описал источник своего гения в таких прекрасных строках:

"... quando
Amore spira, noto, ed a quel modo
Che detta dentro, vo significando".

"Когда любовь вдохновляет, я пишу,
И излагаю свои мысли так, как она диктует мне".

"Я называю вдохновением, - говорит Бетховен, - то таинственное состояние, когда весь мир, кажется, образует одну огромную гармонию, а все силы природы становятся инструментами, когда каждое чувство и мысль звучат во мне, дрожь проносится по моему телу, и каждый волос на моей голове встает дыбом".

Эти выражения показывают, что когда гений достигает полноты своего развития и, следовательно, максимально возможного отклонения от нормы, он в большей или меньшей степени находится в том состоянии бессознательности, которое характеризует психическую эпилепсию и представлено рядом бессознательных психических действий.

Доказав частое существование остроты безумия у гения и вспышек гениальности у безумца, а также то, что гении подвержены особой форме безумия, мой отец, который не был простым теоретиком, но ценителем фактов и жаждущим обратить их на пользу, задумался о возможности практического использования этих открытий. Это ему удалось без труда.

Распространенность безумия среди гениальных людей объясняла бесчисленные противоречия и безумные черты в их жизни и творчестве, истинное значение которых до сих пор ускользало от биографов, которые либо вовсе игнорировали их, либо испещряли пачки бумаги тщетными попытками представить их как вдохновение или, во всяком случае, разумные действия. Это также объясняло происхождение некоторых необычных ошибок, совершенных великими людьми; например, абсурдно противоречивых действий Кола ди Риенци, который, став хозяином Рима, когда город находился в состоянии хаоса, восстановив мир и порядок, реорганизовав армию и задумав грандиозную идею объединенной Италии, завершил свою патриотическую миссию рядом экстравагантных поступков, достойных сумасшедшего дома.

Тот факт, что черты гениальности так часто встречаются у психически нездоровых людей и *наоборот*, позволяет нам предположить, что сумасшедшие нередко держали в своих руках судьбы наций и способствовали прогрессу революционных движений, зачинателями которых в силу своих природных наклонностей и выраженной оригинальности они так часто становились.

Казалось бы, простая идея - разделить великих людей, оказавших такое огромное влияние на цивилизацию, на жалких существ, которым не отведена блестящая роль, и оценить безумные идеи по их истинной стоимости; однако раньше она никому не приходила в голову.

Именно в незначительных произведениях гениев встречается большее количество нелепостей, но они малоизвестны широкой публике, знакомой только с шедеврами. Критики либо не замечали абсурда и ереси, содержащихся в этих произведениях, либо, ослепленные гениальностью автора, делали их предметом бесконечных исследований, полагая, что это всего лишь аллюзии или символы, требующие толкования. Все недостатки великих людей, все экстравагантные идеи, написанные или произнесенные ими, были покрыты волшебной вуалью славы; и не было невинного маленького ребенка, как в очаровательной сказке Андерсена, чтобы поведать миру о наготе гениев.

Так идиотизм, эпилепсия и гениальность, преступления и возвышенные деяния были сплетены в единую цепь, а яркий свет одних ее звеньев и мрачные тени, отбрасываемые другими, были сведены к игре молекул, подобной той, что превращает углерод в сверкающий алмаз или мрачный кусок графита.

II

Преступный человек (L'Uomo Delinquente) в связи с антропологией, юриспруденцией и психиатрией

Хотя теории моего отца о преступнике-мужчине уже изложены в томе, который сейчас представлен публике, я считаю, что было бы неуместно добавит к описанию других его важных работ краткий обзор оригинальной книги для читателей, желающих изучить предмет более тщательно.

Первый том посвящен исследованию атавистического происхождения преступлений среди растений, животных, дикарей и детей. Далее следует исчерпывающее исследование физической природы прирожденного преступника и эпилептика, современной краниологии,

аномалий, связанных с различными классами преступлений, позвоночника, таза, конечностей и физиогномики. Приведенные данные основаны на результатах, полученных при обследовании около 7000 преступников.

При изучении мозга особое внимание уделяется макроскопическим аномалиям в извилинках и гистологической структуре коры головного мозга преступников и эпилептиков, поскольку эти аномалии решают проблему происхождения преступности.

Далее описываются некоторые дополнительные дегенеративные признаки - предплечья, морщины, линии на кончиках пальцев, этмоидно-лакримальный шов, аномалии зубного ряда, наличие одной горизонтальной линии на ладони и т.д., тщательно исследуется поле зрения, обонятельная и слуховая чувствительность.

Психологическое обследование преступника включает в себя психометрию, выявление новых характеристик, таких как неофилия, отсутствие точности, частое наличие черт гениальности, пиктографию, иероглифику, жесты, а также искусства и ремесла, свойственные преступнику.

Наконец, отдельно описываются и сравниваются между собой различные типы преступников - эпилептические и нравственно невменяемые, политические и страстные, опьяневшие, истерические и психически неуравновешенные (матюидные), - их различия и аналогии бросаются в глаза. Вокруг этих типов группируются юридические фигуры преступлений, воспроизведенные из психиатрических формуляров. За ними следует рассмотрение случайных или псевдопреступников, криминоидов, латентных преступников и гениев.

Во втором томе рассматриваются эпилептики, в том числе их эргография, психология, графология и аномалии поля зрения. Исследования страстных преступников дополнены наблюдениями за самоубийцами и политическими преступниками, а исследования невменяемых включают изучение их возраста, психологии, пола, татуировок, наследственности, а также различия между невменяемыми и обычными преступниками в отношении мотивов, побуждающих их к преступлениям, и способа их совершения, что позволяет создать новую теорию сексуальной психопатии.

Третий том пятого издания посвящен этиологии и лечению преступности.

В части, посвященной этиологии преступности, геологические, этнические, политические и экономические факторы, определяющие или влияющие на преступность, а также другие причины, - плотность населения, питание, алкоголизм, пол, наследственность, обучение, религия и т. д., - рассматриваются статистически и просеиваются с критической тщательностью. Впервые проливается свет на влияние, оказываемое преступностью и богатством на увеличение или уменьшение эмиграции.

Мой отец показывает на основе данных, предоставленных в основном Бодио и Коньетти, что значение, придаваемое бедности как фактору преступности, особенно некоторыми социалистическими школами, было сильно преувеличено; в то же время тот факт, что и богатство, и образование имеют свои специфические преступления, был проигнорирован этими школами.

Говоря о коллективной преступности, мой отец просто повторяет первоначальные теории по этому вопросу, высказанные им в 1872 году и постоянно подтверждаемые с тех пор. Эти теории использовались и иллюстрировались целым рядом авторов: Ферри, Сигеле, Ферреро, Ле Бон и Тарде.

В области профилактики и лечения преступности, не довольствуясь простой критикой существующих методов, новые доктрины предлагают практические и эффективные средства подавления преступности.

Ввиду того, что преступность приобретает измененный облик, приспособленный к условиям современной жизни и цивилизации, бороться с ней следует теми средствами, которые предоставляет прогресс, - телеграфом, прессой, всеми мерами по борьбе с алкоголизмом, популярными местами отдыха и т. д.

Для профилактики преступности, помимо мер, призванных свести к минимуму влияние физических и экономических факторов, - бани, санитарные правила, расчистка лесов, предотвращение перенаселения, социальное законодательство, ограничение богатства, градуированная система налогообложения, коллективные услуги, экспроприация и т.д., - отец предлагает специальные меры по снижению отдельных видов преступлений, - развод за сексуальные преступления, приказы о приобщении к детоубийству и правительство истинно либерального характера, со свободой прессы и общественного мнения для борьбы с политическими преступлениями. Он также подчеркивает важность провиантских и благотворительных учреждений, особенно для сирот и обездоленных детей, чтобы помочь задуть микробы преступности, учитывая тот факт, что снижение преступности в Англии, несомненно, связано именно со школами для оборванцев и подобными учреждениями.

Наконец, что касается непосредственного пресечения преступлений, то новые методы идентификации, разработанные Бертильоном и Анфоссо, и все современные средства для обнаружения и задержания преступников, такие как быстрая связь и гласность, должны использоваться во всех странах, где полиция стремится считаться научной в своих методах.

Предлагается продуманная индивидуализация наказаний, которая будет гораздо эффективнее, чем однообразное и вредное наказание в виде заключения в тюрьму; таким образом, пока общество защищает себя, оно стремится улучшить извращенные способности преступников или, если улучшение невозможно, использовать их в их естественном состоянии, следуя примеру, который подает природа в преобразовании вредных паразитических отношений в мирные и взаимовыгодные симбиозы.

III

Женщина-преступница (La Donna Delinquente); Проститутка и нормальная женщина

(В соавторстве с Гульельмо Ферреро)

Первая часть этой книги посвящена исследованию нормальной женщины, или, скорее, женщины каждого вида, начиная с самых низких слоев зоологического мира, и далее через высших млекопитающих и примитивные человеческие расы к цивилизованным народам.

В результате этого исследования выяснилось, что хотя у низших видов самка превосходит самца по интеллекту, силе и продолжительности жизни, у высших млекопитающих ее превосходит по силе, интеллекту и красоте самец, который развивается и совершенствуется в борьбе за обладание самкой; с другой стороны, благодаря своим материнским функциям самка стремится к увековечиванию своих физических и психических качеств, что препятствует изменчивости и эволюции.

Подобное явление встречается и в человеческой расе. После тщательного изучения нормальной женщины (рост, вес, мозг, нервная система, волосы, органы чувств, физиогномика, интеллектуальные и моральные проявления) авторы пришли к выводу, что

физические, анатомические, физиологические, функциональные и сенсорные характеристики женщины демонстрируют меньшую степень изменчивости, чем мужские.

Кроме того, среди представительниц человеческой расы реже встречаются случаи уродства, вырождения, эпилепсии и безумия, а процент гениальности и преступности значительно ниже. Исследование органов чувств показало, что нормальная человеческая женщина обладает более низкой степенью тактильной, обонятельной, слуховой и зрительной чувствительности, чем мужчина, а также, вопреки общепринятому мнению, сниженной моральной и долерической чувствительностью. Среди диких народов женщина кажется менее чувствительной, то есть более жестокой, чем мужчина, и более склонной к мстительности.

Но когда мы рассматриваем женщину с точки зрения ее материнских функций, ее физиологическая, психологическая и интеллектуальная природа приобретает совершенно иной аспект; ведь материнство - это естественная функция женщины, цель, для которой она была создана. Возвышенные чувства, полный альтруизм и дальновидный ум внезапно развиваются, когда она становится матерью. Материнство нейтрализует ее моральную и физическую неполноценность, жалость гасит жестокость, а материнская любовь противостоит сексуальному безразличию. Материнство стимулирует ее интеллект и обостряет чувства, объясняет и возвышает те характеристики, которые до сих пор составляли ее неполноценность, пока они не становятся признаками превосходства, если рассматривать их с точки зрения воспроизводства вида.

Сниженная чувствительность позволяет женщине легче переносить боли, присущие родам; ее невосприимчивость ко всем видам изменений - как и у деградирующей природы - помогает исправить болезненную наследственность и вернуть род, обязанный ей своим продолжением, к нормальному состоянию.

Женщины совершают меньше преступлений, чем мужчины, а преступники женского пола, как правило, проявляют меньше дегенеративных качеств. Это объясняется отчасти упорством, с которым женщина придерживается нормы, а также отклонением, которое вносит в ее преступность проституция. История этого социального явления, а также изучение анатомии и функций типов, представляющих эту разновидность преступности, показывают, что проститутка в целом демонстрирует большее количество дегенеративных и преступных качеств, чем обычная женщина-правонарушительница.

Проституция, таким образом, является женским эквивалентом преступности мужчины, поскольку она удовлетворяет стремление к развязности, праздности и непристойности, характерные для преступной натуры.

Помимо проституток и обычных преступников, составляющих большую часть женской преступности, существует небольшое количество прирожденных преступников женского пола, которые более свирепы и ужасны, чем преступники мужского пола того же типа. Преступность этого класса женщин развивается на том же фундаменте эпилепсии и морального безумия. Физические особенности - те, что присущи преступникам мужского пола, - выступающие уши, косоглазие, аномалии зубного ряда, аномальное строение черепа, мозга и т. д.; кроме того, отсутствие женских черт. По голосу, строению таза, распределению волос и т. д. она стремится сходство с противоположным полом и теряет все инстинкты, свойственные ее собственному.

Из этого краткого описания можно понять, что данная работа о женщине-преступнице во многом обязана своим интересом тому свету, который она бросает на нормальную женщину.

Правда, она ставит под сомнение многие постулаты феминизма, но, с другой стороны, подчеркивает и превозносит многие бесценные качества, присущие женскому полу.

Предисловие к работе завершается следующими замечаниями:

"Ни один из выводов, сделанных из истории и изучения женщины, не может оправдать тиранию, жертвой которой она была и остается, начиная с законов диких народов, запрещавших ей есть мясо и мякоть кокосового ореха, и заканчивая современными ограничениями, закрывающими ей доступ к преимуществам высшего образования и не позволяющими ей заниматься некоторыми профессиями, к которым она пригодна. Эти нелепые, жестокие и тиранические запреты, безусловно, во многом способствовали сохранению или, что еще хуже, усилению ее нынешнего состояния неполноценности и позволили эксплуатировать ее представителями другого пола. Сами похвалы, не всегда, увы, искренние, возносимые покорной жертве, часто служат скорее подготовкой к дальнейшим жертвам, чем честью или наградой".

IV

Политическое преступление (Delitto Politico)

(В соавторстве с Родольфо Ласки)

Природой правит закон инерции. Каждый организм стремится бесконечно долго придерживаться одного и того же образа жизни и не изменится, если его не принудить к этому.

В глубинах океана, где существование, сравнительно говоря, однообразно и не нарушено, мы все еще находим организмы, родственные видам доисторических эпох. Те звезды и солнца, которые находятся вне сферы действия других миров, вечно продолжают свое головокружительное вращение по траекториям, отведенным им в начале всего сущего.

Любой прогресс в природе - это результат борьбы между тенденцией к неподвижности, проявляющейся в мизонеизме, или ненависти к новизне, и чужеродной силой, стремящейся победить эту тенденцию.

Как и в природе, мизонеизм господствует в каждом человеческом сообществе. Он наиболее непобедим у детей, невропатических и безумных личностей, очень силен у варварских народов и более или менее замаскирован у цивилизованных наций. Но мир прогрессирует: каждый день возникают новые условия и новые интересы, которые противостоят закону инерции и делают невозможным осуществление столь желанной неизменности; и прогресс, нежеланный, но неизбежный, берет верх.

Под политическим преступлением мы понимаем любое действие, которое посягает на законы, исторические, экономические, политические и социальные традиции нации или, по сути, на любую часть существующей социальной структуры, и которое вступает в столкновение с законом инерции.

Любая попытка насильственного изменения существующих систем, насильственное осуществление, например, требований свободной торговли в протекционистской стране, ввержение нации в войну или подстрекательство рабочих к забастовке - все эти действия представляют собой первые шаги в политическом преступлении, которое достигает своей кульминации в восстаниях и мятежах и которое только победа может возвысить над множеством позорных и низменных поступков и увенчать славой.

Революция - это борьба между тенденцией к неподвижности, врожденной в обществе, и силой, побуждающей его к движению. Революция является историческим выражением эволюции и всегда преследует великие и возвышенные цели. Это борьба против института или системы, которые препятствуют прогрессу нации, а не против временного угнетения, каким бы невыносимым оно ни было. Французская революция была борьбой не против отдельного короля или даже династии, а против институтов монархии и феодализма; лютеранство также не было восстанием против какого-либо папы, а против коррупции, которая проникла в Римскую католическую церковь. Итальянская революция не была направлена против иностранного правления, которое в некоторых частях страны было мягким и великодушным, но она озвучила императивное требование независимости, необходимое каждому народу, желающему стать по-настоящему цивилизованным.

Поэтому революция - это медленное, постоянное движение к прогрессу, которому предшествует пропаганда. В одних случаях она может длиться годами, в других - столетиями, пока весь народ, от самого скромного гражданина до самого богатого патриция, не убедится в необходимости предлагаемых перемен, а привычный мизантропизм масс не будет преодолен; существующий порядок вещей защищают лишь немногие, чьи личные интересы связаны со старой системой. Конечный триумф неизбежен, даже если лидеры движения погибают, а первые восстания захлебываются в крови; более того, смерть и мученичество только разжигают энтузиазм к идеалу, если он достоин жить. Это становится очевидным, когда мы рассматриваем импульс, приданный христианству распятием его Вождя, а итальянской независимости - смертью двух братьев, Эмилио и Аттилио Бандьеры.

Но кровавые эпизоды не всегда необходимы для продвижения революции. Триумф Венгрии над Австрией был почти бескровным, а свободная торговля в Англии была осуществлена практически без насилия.

Поскольку революция подразумевает изменение идей масс, а не меньшинства, будь то избранные или просто буйные духи, революции - редкое явление в истории, а их последствия долговечны. Фактически, после смерти Кромвеля феодализм в Англии был изжит.

Подобно груше, которая падает осенью, когда процесс созревания приводит к постепенному поглощению соков в плодоножке, революция торжествует, а древняя система гибнет, когда целый народ убеждается в необходимости перемен. Падение груши, однако, не всегда является результатом медленного физиологического процесса, а может быть вызвано порывом ветра, который сбрасывает ее на землю до того, как мякоть выделит сладкие соки, которые являются признаком ее зрелости. Точно так же восстание или вооруженное восстание людей, чьи требования подкрепляются угрозами, может привести к осуществлению программы реформ, которая, тем не менее, является слишком прогрессивной или реакционной, или иным образом не подходит для данной страны.

Фактически, почти каждой революции предшествует восстание, которое подавляется насилием, потому что стремится реализовать преждевременные идеалы, и поэтому за ним часто следует контрреволюция, спровоцированная реакционными элементами.

В отличие от революций, восстания всегда являются делом рук меньшинства, вдохновленного чрезмерной любовью или ненавистью к переменам, которое стремится насильственно установить системы или идеи, отвергаемые большинством. В отличие от революций, они могут вспыхивать по временным причинам - голод, налог, тирания какого-нибудь чиновника, внезапно нарушающая спокойный ход повседневной жизни; во многих случаях они могут затухать и умирать без вмешательства извне.

На практике, однако, крайне трудно отличить бунт от революции, поскольку только результаты определяют его природу, а победа является доказательством того, что идеи проникли во все массы народа.

Политические преступники, мятежники и революционеры - это люди, которые берут в руки штандарт прогресса и оспаривают каждый дюйм земли у масс, которые, естественно, склонны к неприятию нового порядка вещей. Армия прогресса набирается из всех сословий и условий: гениальные люди, интеллектуальные духи, которые первыми осознают недостатки старой системы и задумывают новую, синтезирующую потребности и чаяния народа; сумасшедшие, восторженные пропагандисты новых идей, которые они распространяют со всей стремительностью, свойственной неуравновешенным умам; преступники, естественные враги порядка, которые стекаются к знаку восстания и приносят ему свои особые дары, дерзость и презрение к смерти. Эти последние выполняют работу по разрушению, которая неизбежно сопровождает каждую революцию: они - верная и надежная рука, готовая осуществить идеи, которые другие задумывают, но не имеют смелости привести в исполнение.

Наконец, есть святые - люди, живущие исключительно ради высоких целей, для которых революция - настоящее апостольство. Они возвышаются над массой человечества, от которого их часто отличает необыкновенная красота лица, напоминающая старинные картины со святыми людьми. Они охвачены страстью к альтруизму и самосожжению и испытывают странное наслаждение от мученической смерти за свои идеалы. Эти люди увлекают за собой массы и ведут к победе своей пропагандой, вдохновенными песнями и захватывающими акцентами. Тиртеус был не единственным поэтом, который вел солдат на войну: у каждого восстания были свои песни, в которых кристаллизовалась любовь целого народа.

Лунатики, неуравновешенные люди, святые - вот кто является проводником прогресса и революций. Этих людей объединяет одно - страстная преданность возвышенному идеалу и любовь к человечеству, которая мучает и сокрушает их в каждом случае, когда им не удается достичь того, за что они боролись. Но победа или поражение, на троне или на эшафоте, их усилия не пропадают даром. Любовь - духовное солнце человечества. Луч, пролитый человеческим сердцем, может распространиться далеко-далеко, пересекая неведомые края и поселяясь среди неизвестных рас; и если он бессилен оживить какой-то робкий цветок, оцепеневший от зябкой ночи, он все равно может храниться в песнях народа, как солнечный свет в зеленых растениях, чтобы в будущем вновь превратиться в свет и тепло.

V

Слишком скоро! (Troppo Presto!)

(Критика нового итальянского уголовного кодекса)

В этой книге, написанной в промежутке между публикацией нового Уголовного кодекса и его утверждением итальянским парламентом, мой отец выступает с резкой критикой кодекса, который он считал преждевременным. С момента провозглашения итальянского единства прошло всего несколько десятилетий, и сильно различающиеся расы, населяющие провинции, составляющие королевство Италия, не смогли за этот короткий период приобрести достаточное единообразие обычаев, чтобы сделать желательным единый свод законов.

Но книга представляет собой не только критику. В ней также содержится изложение основополагающих принципов, которые, по мнению моего отца, должны лежать в основе каждого серьезного и эффективного свода законов. Именно эта часть делает эту несколько поспешно написанную книгу столь важной для криминологов; ведь в ней под главными заголовками изложены юридические пожелания Новой школы.

Приведенный ниже краткий отрывок дает представление о характере этих принципов:

1. Законодательство страны всегда должно регулироваться обычаями народа, которым оно должно управлять; и хотя система различных уголовных кодексов, соответствующих различным расам и обычаям в различных регионах одного государства, может иметь определенные недостатки, они всегда менее важны, чем трудности, вызванные единым кодексом.
2. Целью каждого кодекса должно быть достижение социальной безопасности, а не тщательное взвешивание вины и индивидуальной ответственности. К самым страшным и опасным преступникам следует относиться с максимальной суровостью, но к мелким правонарушителям следует проявлять снисхождение. Первые должны быть пожизненно изолированы в тюрьмах или убежищах; вторым ни в коем случае нельзя позволять знакомиться с тюремной жизнью, их следует исправлять с помощью других наказаний, которые не приведут их в соприкосновение с настоящими преступниками и не потребуют их временного отстранения от гражданской жизни.
3. Некоторые предосудительные действия (аборт, детоубийство, самоубийство или соучастие в нем, страстные преступления, дуэли, сквернословие, прелюбодеяние и т.д.), которые не считаются преступными широкой публике, должны быть непременными в глазах закона.
4. Врожденные преступники, морально ненормальные и безнадежные рецидивисты, за первыми судимостями которых не последовало никаких признаков улучшения, должны считаться неизлечимыми и пожизненно заключаться в приюты для умалишенных, ссылаться в колонии или приговариваться к смерти.

Вскоре после этого вышло второе издание этой книги под названием *"Заметки о новом уголовном кодексе"*. В этом издании каждый из наиболее известных приверженцев новых доктрин: Ферри, Гарофало, Баллестрини, Росси, Массе Дари, Карелли, Караньяни и другие, обсуждали один из особых пунктов кодекса и предлагали необходимые изменения.

VI

Тюремные палимпсесты (I Palimsesti del Carcere)

(Коллекция тюремных надписей для использования криминологами)

"Обычные люди и даже ученые наблюдатели склонны считать тюрьмы, особенно те, в которых преобладает клеточная система, немymi и паралистическими организмами, лишеными речи и действия, поскольку молчание и неподвижность навязаны им законом. Поскольку, однако, ни один указ, даже подкрепленный физической силой, не может противостоять природе вещей, эти организмы говорят и действуют, иногда проявляя себя в жестоких нападениях и убийствах; но, как всегда бывает, когда человеческие потребности вступают в конфликт с законами, все эти проявления происходят скрытыми и подземными путями. Стены, сосуды для питья, доски кроватей заключенных, поля книг, обертки лекарств,

даже зыбкий песок прогулочных площадок и форма, в которую облачен заключенный, служат ему поверхностью, на которой он может запечатлеть свои мысли и чувства".

Этим абзацем мой отец начинает предисловие к своей книге *"Тюремные палимпсесты"* - сборнику надписей и документов, раскрывающих сокровенные мысли заключенных.

В первой части книги эти надписи классифицируются по различным рубрикам: мнения о тюремной жизни, наказаниях, морали, женщинах и т. д., а также в зависимости от поверхности, на которой они начертаны - книги, стены, кувшины, одежда, бумага и т. д.

Для психолога и исследователя деградирующих типов человечества эта коллекция представляет наибольший интерес. За надписями следует ряд стихотворений, автобиографий и писем, написанных намеренными самоубийцами и преступниками непосредственно перед казнью. Комментарии, сделанные преступниками на полях книг из тюремной библиотеки, особенно интересны, поскольку позволяют сравнить эффект, производимый на преступников теми или иными произведениями, с впечатлениями нормальных людей. Не менее интересны и стихи, написанные заключенными, поскольку, подобно популярным песням, они представляют собой интимное выражение желаний и стремлений поэта.

Во второй части книги тюремные надписи сравниваются с надписями, которые обычно можно встретить на улицах, на школьных скамьях и на стенах общественных зданий разного рода - судов, культовых сооружений и даже тех зданий, в которых формируется законодательство государства. Все надписи классифицируются в зависимости от выражаемых ими чувств и пола автора, причем различаются надписи заключенных и обычных граждан.

В конце книги приводятся практические рекомендации по использованию подобных сборников в качестве критических советов по существующим методам борьбы с преступниками и помощи в расследовании характеров обвиняемых.

Все преступники, за исключением самых дегенеративных типов, прирожденных преступников или морально ненормальных, стремятся к работе или какому-либо занятию, а также к книгам интересного характера. Об этом свидетельствуют многочисленные надписи на стенах камер и на полях тюремных книг: "Как невыносимо вынужденное безделье для человека, который всегда был приучен к труду и учебе, и в котором еще не изжиты активность и стремление к какому-нибудь облагораживающему занятию!" ... "Краковская монахиня кричала: "Хлеб, хлеб!", а мой голос умоляет из моей одинокой камеры: "Работать, работать!"".

"Если бы юристы оставили свои столы и библиотеки, - говорит мой отец в заключение, - отбросили все предвзятые понятия, вошли в тюрьмы и изучили проблему преступности не по стенам камер, а по живым документам, которые они заключают в себе, они бы быстро поняли, что все реформы, разработанные и применяемые без помощи практического опыта, являются лишь опасными иллюзиями".

VII

Древние и современные преступления (Delitti Vecchi e Delitti Nuovi)

"В этом томе собраны факты, иногда ценные, иногда просто любопытные, которые мне удалось почерпнуть за долгие годы исследований в области криминальной антропологии и

психиатрии. Все они свидетельствуют о том, что между древними и современными преступлениями существует огромная разница".

Этимися словами мой отец начинает предисловие к этой книге, в котором описываются случаи недавних преступлений и сравниваются с теми, что были совершены в ушедшие века.

Книга состоит из трех частей. Первая часть содержит сравнительное и статистическое исследование преступности в Европе, Мексике, США и Австралии.

Во второй части описывается карьера типичных преступников прежних времен, таких как Тоцци из Рима, семья преступников-антропофагов, а также Вашер, Баллор и другие убийцы типа Джека-потрошителя, чьи извращенные сексуальные инстинкты побудили их убить множество женщин и изуродовать трупы в ужасной манере.

В третьей части рассказывается о современных преступниках, таких как Холмс и Мир, которые совершают свои злодеяния в утонченной и элегантной манере, заменяя более жестокие нож или молоток средствами химии, физики и современной токсикологии. В других случаях мотивом преступления или помощью в его совершении становится какой-либо продукт современности, например, автомобиль или велосипед.

"Из данных, которые нам удалось собрать о преступности в прошлые эпохи, - продолжает мой отец в своем предисловии, - мы делаем вывод, что преступления насильственного и кровавого характера преобладали исключительно в более варварские времена, а мошеннические преступления характерны для современных сообществ. Насилие более примитивно, чем хитрость, и всегда должно предшествовать ей, точно так же как более варварское состояние, в котором собственность приобретает или сохраняется силой, острием меча, предшествует состоянию, в котором право собственности регулируется с помощью договоров; и преступление всегда приспосабливается к господствующим обычаям.

"Восхитительная работа Коглана показывает, что преступность в Австралии относится к этому последнему типу, в отличие от ее полуварварской природы в таких государствах, как Мексика, и дает нам представление о том, какой характер она примет столетие или два спустя в Европе".

"Поскольку основная природа преступника не изменилась, его действия по-прежнему носят тот же характер; в современном преступлении смешиваются или чередуются насилие и хитрость. Но хотя личность остается неизменной, она подчинена более мощному фактору, чем она сама, - современному прогрессу. Правда, многие современные преступления облегчаются современными приспособлениями; но те же самые приспособления часто служат средством для их предотвращения; и поэтому мы можем предвидеть время, возможно, не очень отдаленное, когда такие антиобщественные элементы частично, если не полностью, исчезнут".

VIII

Диагностические методы юридической психиатрии (La Perizia Psichiatrica Legale)

Эта работа была задумана не для того, чтобы познакомить широкую публику с доктринами современной криминологии, а как учебник для руководства юристов, врачей, экспертов - словом, всех тех, чья профессия заставляет их соприкасаться с преступниками.

Она состоит из двух частей, первая из которых содержит около пятидесяти случаев, диагностированных в соответствии с новыми методами и собранных автором работы и его

последователями. Среди них все типы преступников: прирожденные преступники, морально ненормальные личности, истеричные, невменяемые, инбериные и эпилептические преступники, криминоиды, преступники страсти и т. д.

В каждом случае, поскольку диагноз должен был служить практическим целям, преступник подвергается физическому, психологическому и психиатрическому обследованию, а его предшественники исследуются с особой тщательностью.

Во второй части "Технический аспект криминальной антропологии" подробно описаны методы обследования предполагаемого преступника, правила определения его класса, способ физического обследования, перечень необходимых измерений, описание наиболее подходящих аппаратов и способ их использования, методика допроса преступника с целью получения полезной информации, указания по анализу его интеллектуальных проявлений (почерка, рисунка, работы), движений, позы и жестов.

Благодаря методическим указаниям, которые даются в этой книге, неопытный студент может постепенно продвигаться вперед, пока не будет в состоянии провести полную психиатрическую и медико-юридическую экспертизу.

В третьей части рассматриваются методы различения преступников и сумасшедших. Подробно описываются различные формы психического отчуждения, а рассмотрение случаев симулированного помешательства показывает, что симулянты помешательства, как правило, психически нездоровы.

В заключительной части обсуждаются различные возможности применения тщательной диагностики.

Приложение содержит исследования по применению психиатрических тестов в медико-юридической практике, а также глоссарий терминов, широко используемых в криминальной антропологии, составленный д-ром Легиарди-Лаурой, в алфавитном порядке .

IX

Анархисты (Gli Anarchici)

Книга открывается рассмотрением теорий анархистов, из которого автор делает вывод, что, учитывая то значение, которое в наши дни обычно придается экономическим идеалам, и повсеместное злоупотребление властью, эти теории в действительности не так абсурдны, как принято считать. Абсурдными и опасными являются именно методы, используемые анархистами для реализации своих идеалов.

"Какими бы ценными ни были многие предложения анархизма, - говорит автор, - на практике они становятся абсурдными, потому что все реформы должны вводиться очень постепенно, чтобы избежать неизбежной реакции, которая нейтрализует все предыдущие усилия".

Преступления анархистов смешиваются с обычными преступлениями, когда некоторые мечтатели пытаются достичь своей цели любыми средствами - кражами или убийствами нескольких, часто невинных, людей. Поэтому легко понять, почему, за редким исключением, анархистов набирают из числа обычных преступников, сумасшедших и невменяемых. Расследования, проведенные автором, показали, что 12 процентов коммунаров были преступниками, и этот процент был еще выше среди анархистов (31 процент). Из сорока пяти анархистов, обследованных в Чикаго, у 40 процентов были криминальные лица. Большинство анархистов обладают страстями и пороками, свойственными обычным преступникам: импульсивностью, любовью к оргиям, отсутствием естественных

привязанностей и нравственного чувства; а также схожими интеллектуальными проявлениями, такими как сленг, баллады, татуировки, иероглифы. Но среди анархистов больше настоящих эпилептиков и истериков, сумасшедших и косвенных самоубийц, чем среди обычных преступников; больше и доля преступников по страсти. Эти поистине героические натуры, глубоко убежденные в том, что средство от многих социальных бед заключается в убийстве некоторых высокопоставленных лиц, которые, как представляется, несут наибольшую долю ответственности за существующую систему, без колебаний прибегают к насилию, когда считают это необходимым; хотя оно им неприятно и хотя они до сих пор отмежевывались от эксцессов своих товарищей. Анархисты Казерио и Бреши принадлежали к этому типу. Преступления этих страстных преступников всегда совершаются в одиночку; они всегда сразу после этого сдаются полиции и не предпринимают никаких попыток защитить себя. Напротив, в суде они часто дают доходчивое объяснение мотивов, побудивших их совершить преступление, и стоически переносят наказание.

Таково происхождение и таковы пропагандисты анархизма, поэтому очевидно, что методы лечения преступлений, исходящих из этого источника, должны сильно отличаться от тех, которые используются для подавления обычной преступности.

Несмотря на то, что анархисты часто являются преступниками, их идеи, хотя зачастую и абсурдные, предполагают большую возвышенность характера, чем циничная апатия, в которую погружаются худшие типы преступников.

Вместо того чтобы бороться с насилием насилием и выносить смертные приговоры с расточительностью, почти не уступающей расточительности самих анархистов, власти должны изолировать наиболее опасных типов или отправлять их на далекие острова, а для настоящих преступников страсти принять наказание в виде ссылки. Однако политическая свобода и некий предохранительный клапан, с помощью которого беззаконные инстинкты могут быть направлены в безвредное русло, являются лучшими методами предотвращения анархизма. Конституционное правительство, свобода слова и печати могут в значительной степени способствовать борьбе с анархизмом; но восстановление народных трибуналов, подобных тем, которым Рим был обязан своим равновесием и спокойствием, было бы еще более эффективным. Если бы правящие органы не препятствовали формированию таких институтов, которые, как правило, возникают повсеместно и озвучивают жалобы народа, справедливые дела не были бы отданы на откуп экстремистам.

X

Лекции по юридической медицине (Lezioni di Medicina Legale)

Эта книга, как объясняется в предисловии, была попыткой изложить в сжатой и популярной форме теории криминальных антропологов, по которым автор ранее прочитал ряд университетских лекций и которые, как он опасался, могли быть ошибочно или несовершенно поняты теми из его слушателей, кто был неуверен в себе или недостаточно подготовлен.

Она состоит из трех частей: криминальная антропология, психическое отчуждение и отношение серьезных преступлений (нападение, убийство, отравление и т. д.) к юридической медицине.

Первая часть содержит обобщение идей автора об атавистическом и патологическом происхождении преступника. Он рассматривает эквиваленты преступности у растений, животных, дикарей и детей, описывает патологические причины, вызывающие

атавистические инстинкты, и указывает на другие особые виды дегенерации, свойственные преступникам. Наконец, рассматриваются анатомия, функции и внутренние органы преступника, тщательно изучаются его интеллектуальные проявления и психология. Аналогичные исследования эпилептиков и морально ненормальных показывают, что все эти три формы являются лишь разновидностями одного и того же вырождения.

Мы рассматриваем случайных, привычных и латентных преступников, которые представляют собой ослабленный тип преступности, следующий за исследованием этих серьезных форм, допускающий коррекцию, профилактику или лечение. Они развиваются гораздо позже, чем порочные склонности инстинктивных преступников, или даже могут оставаться латентными; однако в основе мы всегда находим те же анатомические и патологические аномалии, хотя и менее выраженные и меньшие по количеству.

Происхождение страстных и политических преступников совершенно различно. Их преступность проистекает из избытка благородных страстей, стремительность которых мешает им трезво оценивать ситуацию и толкает их на необдуманные поступки, вызывающие впоследствии глубочайшие угрызения совести.

После краткого обзора женской преступности и ее эквивалента, проституции, автор обсуждает юридические и социальные методы лечения преступности.

Во второй части, "Психическое отчуждение в связи с юридической медициной", автор рассматривает антропологические и психические особенности помешательства, которое он делит на различные классы: врожденное психическое отчуждение (кретинизм, идиотизм, имбецильность, эксцентричность); приобретенное психическое отчуждение (мания, меланхолия, паранойя, циркулярное помешательство, слабоумие); психическое отчуждение в сочетании с неврозом (эпилепсия, истерия, прогрессивный общий паралич); отчуждение в результате токсических воздействий (алкоголизм, включая формы, вызванные употреблением абсента и коки, сатурнианская энцефалопатия, пеллагра). Исследуется этиология этих различных форм с особым учетом их юридического значения.

Третья часть посвящена исключительно медико-юридическим вопросам, рассмотрению различных форм насильственной смерти: от жары, электричества, голода, повешения, удушения, асфиксии и отравления, причем тщательно определены симптомы, отличающие каждый вид. Далее следует изучение ран, нанесенных огнестрельным оружием, острым оружием или ножом, на живых и мертвых телах, чтобы определить точное положение раны и способ ее нанесения. Наконец, мы рассматриваем различные формы отравлений.

Отдельная лекция посвящена сексуальной психопатии и преступлениям против нравственности; в других лекциях рассматриваются вопросы юридического акушерства: аборты, детоубийства и брачно-семейные вопросы.

XI

Последние открытия в психиатрии и криминальной антропологии и практическое применение этих наук

Этот том был опубликован в 1893 году. В нем содержится полное изложение новейших исследований криминологов в области юриспруденции, психиатрии и антропологии за период между выходом пятого и последнего издания "*Преступного человека*" профессора Ломброзо.

Исследование включает в себя антропологические находки в черепе, скелете, внутренних органах и мозге преступников, а также другие находки биологического и функционального характера. За ними следует исследование методов лечения и наказания преступлений.

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ РАБОТ ЧЕЗАРЕ ЛОМБРОЗО

Archivio di Psichiatria, antropologia criminale e scienze affini (Архивы психиатрии, криминальной антропологии и родственных наук). Тридцать два тома. Издано Фрателли Бокка, Турин и Лозанна.

L'Uomo Delinquente (Преступный человек). Пятое издание. Vols. I, II и III объемом xxxv + 650, 576 и 677 страниц соответственно, с отдельным томом пластин, карт и т.д. Bocca, Turin, 1906, 1907.

Переводы:

L'Hommea criminel. Vols. I и II изданы в 1895 году, том III (Le crime, ses causes et remèdes) - в 1907 году, издательство F. Alcan, Париж.

Die Ursachen und Bekämpfung des Verbrechens. Bermuheler Verlag, Berlin, 1902.

El Delito, sus causas y remedios. Librería de Victoriano Suárez, Madrid, 1902.

La Donna Delinquente, la prostituta e la donna normale. (With Guglielmo Ferrero.) New Edition. Bocca, Turin, 1903.

Переводы:

Das Weib als Verbrecherin und Prostitute. Verlagsanstalt und Druckerei, Hamburg, 1894.

The Female Offender. Fisher Unwin, London, 1895.

Il Delitto Politico e le Rivoluzioni. (Совместно с Р. Ласки.) Bocca, Turin, 1890.

Переводы:

Das politische Verbrechen und die Revolutionen. 2 тома. 1890.

Le Crime politique. Два тома. Félix Alcan, Paris, 1890.

Le piu recenti scoperte ed applicazioni della psichiatria ed antropologia criminale. Bocca, Turin, 1893.

Переводы:

Neue Fortschritte in den Verbrecherstudien. Wilhelm Friedrich, Leipzig. 1894.

Neue Fortschritte der kriminellen Anthropologie. Marhold, Halle, 1908.

Neue Verbrecherstudien. Marhold, Halle, 1908.

Nouvelles recherches de Psychiatrie et d'Anthropologie criminelle. Alcan, Paris, 1890.

Gli anarchici. Bocca, Turin, 1894.

Переводы:

Die Anarchisten. Verlagsanstalt und Druckerei, Hamburg, 1895.

Les Anarchistes. E. Flammarion, Paris, 1896.

La Perizia psichiatrico-legale. Bocca, Turin, 1905.

Lezioni di Medicina legale. Bocca, Turin, 1900.

Troppo Presto: Appunti al nuovo codice penale. Bocca, Turin, 1888.

Palimpsesti del carcere. Bocca, Turin, 1888.

Переводы:

Kerker Palimpsesten. Гамбург, 1899.

Les Palimpsestes des prisons. Сток, Лион.

La Delinquenza e la rivoluzione francese. Тревес, Милан, 1897.

Криминальная антропология. (Медицинская практика двадцатого века, т. XII, с. 372-433.) Нью-Йорк, 1897.

Luccheni e l'antropologia criminale. Bocca, Turin, 1899.

Il caso Olivo. (С А. Г. Бианки.) Libreria Editrice Internazionale, Milan, 1905.

Ricerche sui fenomeni ipnotici e spiritici. Unione Tip. Edit. Turin, 1909.

L'Uomo di genio. Шестое издание. Восса, Turin, 1894.

Переводы:

L'Homme de génie. Alcan, Paris, 1889.

Человек гений. Вальтер Скотт, Лондон, 1891.

Genio e degenerazione. Второе издание. Remo Sandron, Palermo, 1908.

Переводы:

Entartung und Genie. Wiegand, Leipzig, 1894.

Nuovi studi sul genio. 2 vols. Sandron, Palermo, 1902.

Переводы:

Neue Studien über Genialität (Schmidt's Jahrbücher der gesammten Medizin, 1907).

Pazzi e anormali. Lapi, Citta di Castello, 1890.

В Калабрии. Niccolo Giannotta, Catania, Sicily, 1898.

L'Antisemitismo e le scienze moderne. Roux, Turin, 1894.

Переводы:

Der Antisemitismus und die Juden. Wiegand's Verlag, Leipzig, 1894.

L'Antisémitisme. Giard et Brière, Paris, 1899.

Problèmes du jour. Flammarion, Paris, 1906.

Il momento attuale in Italia. Casa Editrice Nazionale, Milan, 1905.

Grafologia. Ulrich Hoepli, Milan, 1895.

Переводы:

Graphologie. Reclam, Leipzig.

Trattato profilattico e clinico della pellagra. Бокка, Турин, 1890.

Переводы:

Die Lehre von der Pellagra. Оскар Кобленц, Берлин, 1898.

НАУЧНАЯ СЕРИЯ

Под редакцией Эдварда Ли Торндайка, доктора философии, и Ф. Э. Беддарда. М.А., F.R.S.

1.- **Изучение человека.** Профессор А. К. Хаддон, М.А., D.Sc., M.R.I.A. Полностью иллюстрированная. 8°. \$2.00.

"Своевременный и полезный том..... Автор владеет приятным пером и знает, как сделать предмет привлекательным..... Работа рассчитана на то, что читатели проникнутся симпатией к науке антропологии. Наблюдения автора чрезвычайно достоверны, а описания ярки." - London *Athenæum*.

2.-The **Groundwork of Science.** Исследование эпистемологии. Сент-Джордж Миварт, Ф.Р.С. 8°. \$1.75.

"Книга написана очень умно и является одним из лучших произведений такого рода, когда-либо представленных публике. Она будет интересна всем читателям, и особенно тем, кто интересуется научными исследованиями" - New Haven *Leader*.

3.- Реки **Северной Америки.** Урок чтения для студентов, изучающих географию и геологию. Израэль К. Рассел, профессор геологии Мичиганского университета, автор книг "Озера Северной Америки", "Ледники Северной Америки", "Вулканы Северной Америки" и др. Полностью иллюстрированная. 8°. \$2.00.

"За последние несколько лет, вплоть до настоящей книги, не было ни одного авторитетного, широкого резюме на эту тему, измененного и углубленного современными исследованиями и размышлениями, изложенного языком, удобным для широкого круга читателей..... Текст столь же занимателен, сколь и поучителен." - Boston *Transcript*.

4.-Скульптура Земли; или Происхождение форм земли. Джеймс Гейки, LL.D., D.C.L., F.R.S. и т.д., Мерчисон, профессор геологии и минералогии в Эдинбургском университете; автор книги "Великий ледниковый период" и др. Полностью иллюстрированная. 8°. \$2.00.

"Этот том - лучшее из известных нам популярных и в то же время научных исследований происхождения и развития форм суши, и мы сразу же приняли его в качестве лучшего из имеющихся учебников для курса физиографии в колледже..... Книга полна жизни и энергии и демонстрирует сочувственное отношение человека, глубоко влюбленного в природу" - Science.

5.- Вулканы. Т. Г. Бонни, Ф.Р.С., Университетский колледж, Лондон. Полностью иллюстрированная. 8°. \$2.00.

"Это не только прекрасная работа с научной точки зрения, но и необычайно привлекательная для широкого читателя, и, вероятно, будет иметь большую продажу, чем большинство книг этого класса."-Springfield Republican.

6.- Бактерии: Особенно в том виде, в каком они связаны с экономикой природы, промышленными процессами и здоровьем населения. Джордж Ньюман, доктор медицины, F.R.S. (Edin.), D.P.H. (Camb.) и т.д., демонстратор бактериологии в Королевском колледже, Лондон. С 24 микрофотографиями реальных организмов и более 70 другими иллюстрациями. 8°. \$2.00.

"Рассуждения д-ра Ньюмана о бактериях и болезнях, об иммунитете, антитоксинах и методах дезинфекции очень поучительны, и их можно порекомендовать всем, кто ищет информацию по этим вопросам. Любое обсуждение бактерий покажется непосвященным техническим, но все такие найдут в этой книге популярное изложение и научную точность в счастливом сочетании."-The Dial.

7.- Книга о китах. Ф. Э. Беддard, М.А., Ф.Р.С. Иллюстрированная. 8°. \$2.00.

"Мистер Беддard поступил мудро, посвятив целый том китам. Они достойны биографа, который теперь хорошо сгруппировал и описал этих существ. Широкий читатель не найдет этот том слишком техническим, и автор не потерпел неудачу в своей попытке создать книгу, которая будет приемлема для зоолога и натуралиста." -N. Y. Times.

8.- Сравнительная физиология мозга и сравнительная психология. С особым упором на беспозвоночных. Жак Лёб, доктор медицины, профессор физиологии Чикагского университета. Иллюстрированная. 8°. \$1.75.

"Ни один студент, изучающий этот интереснейший этап жизненных проблем, не может позволить себе оставаться в неведении относительно широкого круга фактов и наводящих на размышления интерпретаций, которые профессор Лёб собрал в этом томе" - Джозеф Джастроу, в "Чикаго Диал".

9.- Звезды. Профессор Саймон Ньюкомб, U.S.N., Управление морского альманаха и Университет Джона Хопкинса. 8°. Иллюстрированная. Нетто, \$2.00. (По почте, \$2.00.)

"Работа представляет собой глубоко научный трактат о звездах. Имя автора является достаточной гарантией научности и точности работы." -Scientific American.

10.- Основа социальных отношений. Исследование в области этнической психологии. Дэниел Г. Бринтон, А.М., М.D., LL.D., Sc.D., бывший профессор американской археологии и лингвистики в Пенсильванском университете; автор "Истории примитивных религий", "Расы

и народы", "Американская раса" и др. Под редакцией Ливингстона Фарранда, Колумбийский университет. 8°. Нетто, \$1.50. (По почте, \$1,60.)

"Профессор Бринтон продемонстрировал в этом томе глубокое и глубокое знание всех важных антропологических теорий. Кажется, никто не был лучше знаком с огромным количеством фактов, представленных этими науками" - *Am. Journal of Sociology*.

11.- Эксперименты **на животных**. By Stephen Paget. С предисловием лорда Листера. Иллюстрированная. 8°. Нетто, \$2.00. (По почте, \$2.20.)

"Для широкого круга читателей это издание будет привлекательным, поскольку в нем в ореховой скорлупе представлено мясо ста научных диссертаций, опубликованных в текущей периодической литературе. Том имеет авторитетную санкцию лорда Листера." - *Бостонская стенограмма*.

12.- Инфекция и **иммунитет**. С особым упором на профилактику инфекционных заболеваний. Джордж М. Стернберг, доктор медицины, доктор права, генерал-хирург армии США (в отставке). Иллюстрированная. 8°. Нетто, \$1.75. (По почте, 1,90 долл.).

"Выдающееся общественное служение выдающегося авторитета. Эта восхитительная небольшая работа должна быть частью обязательного чтения руководителя каждого учреждения, в котором собираются дети или подростки. Исключительно полезно." - *N. Y. Times*.

13.- Усталость. А. Моссо, профессор физиологии Туринского университета. Перевод Маргарет Драммонд, М.А., и В.Б. Драммонд, М.Б., К.М., Ф.Р.К.П.Е., дополнительного врача Королевской больницы для больных детей, Эдинбург; автора книги "Ребенок. Его природа и воспитание". Иллюстрированная. 8°. Нетто, \$1.50.

"Книга для студентов и преподавателей, полная интереса, а также для интеллигентного читателя. Тема представляет собой одну из самых увлекательных глав в истории медицинской науки и философских исследований" - *"Йоркшир пост"*.

14.- Землетрясения. В свете новой сейсмологии. Кларенс Э. Даттон, майор, США. Иллюстрированная. 8°. Нетто, \$2.00. (По почте, \$2.20.)

"В книге обобщены результаты работы людей, которые достигли больших успехов в стремлении получить сейсмологические знания. Она обильно иллюстрирована и занимает уникальное место в литературе современной науки." - *Chicago Tribune*.

15.- **Природа человека**. Исследования в области оптимистической философии. Эли Мечников, профессор Пастеровского института. Перевод и введение П. Чемберса Митчелла, М.А., Д.С. Оксон. Иллюстрированная. 8°. Нетто, \$1.50.

"Книга, которую следует поставить бок о бок с "Очерками" Хаксли, чей дух она несет на шаг дальше по долгому пути к своей цели." - *Mail and Express*.

16.- **Гигиена нервов и ума в здоровье и болезни**. Август Форель, доктор медицины, бывший профессор психиатрии в Цюрихском университете. Авторизованный перевод. 8°. Нетто, \$2.00. (По почте, \$2.20.)

Всеобъемлющее и краткое изложение результатов науки в избранной области. Авторство автора является гарантией того, что сделанные им заявления являются авторитетными в той мере, в какой можно считать таковыми заявления отдельного человека.

17.- **Продление жизни.** Оптимистические очерки. Эли Мечникофф, заместитель директора Института Пастера. Автор книги "Природа человека" и др. 8°. Иллюстрированная. Нетто, \$2,50. (По почте 2,70 долл.) Популярное издание. С предисловием профессора Чарльза С. Минота. Нетто, \$1,75.

В своей новой работе профессор Мечников подробно излагает в свете дополнительных знаний, полученных за последние несколько лет, свой основной тезис о том, что человеческая жизнь не только неестественно коротка, но и неестественно отягощена физическими и психическими недостатками. Он анализирует причины этих дисгармоний и объясняет свои основания надеяться, что им можно будет противостоять с помощью рациональной гигиены.

18.- **Солнечная система.** Исследование последних наблюдений. Чарльз Лейн Пур, профессор астрономии Колумбийского университета. 8°. Иллюстрированная. Нетто, \$2.00.

Предмет излагается нетехническим языком и без использования математики. Профессор Пур показывает, какими путями были достигнуты точные знания сегодняшнего дня, и объясняет чудесные результаты современных наблюдений.

19.- Climate-Considered **Especially in Relation to Man.** Роберт ДеКурси Уорд, доцент климатологии в Гарвардском университете. 8°. Иллюстрированная. Нетто, \$2.00.

Этот том предназначен для тех, кто не имеет специальной подготовки в области климатологии. Климатология охватывает совершенно иную область, чем та, которая включена в учебники по метеорологии. В нем рассматриваются широкие вопросы климата так, как это еще не пытались сделать в одном томе. При этом постоянно учитываются потребности преподавателя и студента.

20.-Heredity. Дж. Артур Томсон, профессор естественной истории Абердинского университета, автор "Науки о жизни" и др. 8°. Иллюстрированная. Нетто, \$3,50.

Цель этой работы - в простой манере изложить факты наследственности и наследования, известные в настоящее время, общие выводы, которые были надежно установлены, и более важные теории, которые были сформулированы.

21.- **Возраст, рост и смерть.** Чарльз С. Минот, профессор сравнительной анатомии Гарвардского университета, президент Бостонского общества естественной истории, автор книг "Эмбриология человека", "Лабораторный учебник эмбриологии" и др. 8°. Иллюстрированная.

В этом томе рассматриваются некоторые из фундаментальных проблем биологии и представлен ряд взглядов (результаты почти тридцатилетнего изучения), которые автор впервые соотнес в систематизированном виде.

22.- **Интерпретация природы.** К. Ллойд Морган, LL. D., F. R. S. Crown 8vo. Net, \$1.25.

Доктор Морган стремится доказать, что вера в цель как причинную реальность, выражением которой является природа, не противоречит полному и искреннему принятию объяснений натурализма.

23.- **Жизнь комаров.** Повадки и жизненные циклы известных комаров Соединенных Штатов; методы борьбы с ними; ключи для легкой идентификации видов на различных стадиях. Рассказ, основанный на исследованиях покойного Джеймса Уильяма Дюпри, генерального

хирурга Луизианы, и на оригинальных наблюдениях автора. Эвелин Гросбек Митчелл, A.B., M.S. С 64 иллюстрациями. Crown 8vo. Нетто, \$2.00.

Этот том был разработан, чтобы удовлетворить спрос постоянно растущего числа студентов на работу, представляющую в сжатой форме основные факты, ставшие до сих пор известными в результате научных исследований в отношении различных фаз этого, как теперь признается, важного и очень интересного предмета. Стремясь сохранить разумные пределы, чтобы книгу можно было использовать для работы в полевых и лабораторных условиях, в стремлении воплотить этот план в жизнь ни одна часть работы не была упущена или пропущена фундаментальная информация.

24.- Мышление, чувства, поступки. Введение в науку о разуме. Э. В. Скрипт, доктор философии, доктор медицины, ассистент невролога Колумбийского университета, в прошлом директор психологической лаборатории Йельского университета. 189 иллюстраций. 2-е издание, переработанное и дополненное. Crown 8vo. Нетто, \$1,75.

"Наиболее интересны главы "Время и действие", "Время реакции", "Время мышления", "Ритмическое действие", "Сила и воля". Эту книгу должен внимательно прочитать каждый, кто желает ознакомиться с достижениями в изучении разума, которые за последние двадцать пять лет были столь же поразительны и эпохальны, как и успехи, достигнутые в более материальных областях знания" -*Jour. Amer. Med. Ass'n.*, 22 февраля 1908 г.

25.- Золото мира. Л. де Лонэ, профессор Высшей горной школы. Перевод Орландо Киприана Уильямса. С предисловием Чарльза А. Конанта, автора "Истории современных эмиссионных банков" и др. Crown 8vo. Нетто, 1,75 доллара.

М. де Лонэ - профессор, пользующийся большим авторитетом не только во Франции, но и среди ученых всего мира. В этой работе он прослеживает различные виды использования и фазы золота; во-первых, его геологию; во-вторых, его добычу; в-третьих, его экономическую ценность.

26.- Интерпретация радия. Фредерик Содди, преподаватель физической химии в университете Глазго. 8vo. С диаграммами. Нетто, \$1,75.

Поскольку применение современной интерпретации радия (что это элемент, подвергающийся самопроизвольному распаду) не ограничивается физическими науками, а имеет широкое и общее влияние на весь наш взгляд на природу, мистер Содди изложил эту тему нетехническим языком, так что заложенные в ней идеи доступны неспециалисту. Он не пожалел усилий, чтобы докопаться до сути вопроса и обеспечить точность, так что книга окажется полезной для других областей науки и исследований, а также для широкой публики.

27.- Преступный человек. Согласно классификации Чезаре Ломброзо. В кратком изложении его дочери Джины Ломброзо Ферреро. С 36 иллюстрациями и библиографией публикаций Ломброзо на эту тему.

В процессе подготовки:

Невидимый спектр. Профессор К. Э. Менденхолл, Висконсинский университет.

Физиология и гигиена физических упражнений. Д-р Г. Л. Мейлан, Колумбийский университет.

Другие тома будут объявлены позднее.

Сноски:

[1] Описание методов, используемых для измерения черепов, см. в [части III](#).

[2] Описание методов измерения остроты этих органов чувств см. в [части III](#).

[3] Как в случае с сицилийским разбойником Саломоне (см. [рис. 19](#)).

Примечания транскриптора:

Дополнительные интервалы после некоторых цитат сделаны намеренно, чтобы обозначить как конец цитаты, так и начало нового абзаца, как это представлено в оригинальном тексте.

Перемещение некоторых изображений в конец абзаца привело к изменению номеров страниц.

Пропущенные номера страниц относятся к пустым страницам оригинала.